

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ISSN 0131-2812

1/2003

Визит В.В.Путина в Пекин и Дели

Итоги XVI съезда КПК.
Круглый стол в ПДВ

О системе валютного
регулирования в Китае

Традиции китайской культуры

Как корейцы полюбили футбол

1000
21.3

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

1/2003

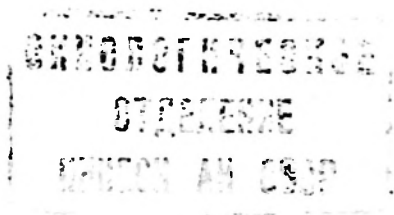
Январь - Февраль

Учредители: Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Научный и общественно-политический
журнал, выходит шесть раз в год на
русском и четыре раза в год на англий-
ском языках

Издается с марта 1972 года

ДОКУМЕНТЫ

Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики.....	5
Делийская Декларация о дальнейшем упрочении стратегического партнерства между Российской Федерацией и Республикой Индия.....	12

ПОЛИТИКА

<i>Е.Афанасьев, К.Барский.</i> В гостеприимном Чжуннаньхае. (Размышления после визита Президента России В.В.Путина в КНР).....	16
<i>Г.Яскина.</i> Россия-Китай-Индия: перспективы трехстороннего сотрудничества.....	28
<i>С.Гончаренко.</i> Саммит АТЭС в Лос-Кабосе.....	39

КРУГЛЫЙ СТОЛ В ПДВ

Решения XVI съезда Компартии Китая.....	49
---	----

ЭКОНОМИКА

<i>И.Софьянников.</i> Реформа системы валютного регулирования в Китае.....	100
--	-----

ИСТОРИЯ

- У Вэй, Лю Сяньчжун (КНР). Китайские ученые о развале Советского Союза*..... 120

ФИЛОСОФИЯ

- А.Калкаева, Е.Калкаев. Новация и традиция в раннеимперском конфуцианстве (на материале трактата Ян Сюна "Великое Сокровение")*..... 132

КУЛЬТУРА

- М.Бастид-Брюгьер (Франция). Новое открытие традиционной китайской культуры*..... 143
- О.Пироженко. Футбол и корейцы: культурные, национальные и политические аспекты восприятия в РК чемпионата мира по футболу 2002 г.*..... 151

В ОБЩЕСТВЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ

- Е.Лапшина. Празднование 45-й годовщины ОРКД*..... 164

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Е.Лапшина. Диссертации, защищенные в ИДВ РАН в 2002 г.*..... 165
- М. Александрова. Открытие Зала российско-китайской дружбы в Институте Дальнего Востока РАН*..... 168

РЕЦЕНЗИИ

- С.Тихвинский. Каткова З.Д., Чудодеев Ю.В. Китай-Япония: любовь или ненависть? К проблеме эволюции социально-психологических и политических стереотипов взаимовосприятия*..... 170
- А.Сенаторов. ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917-1941 гг.*..... 175
- В.Буров. Гордон Г. Чан. Грядущий коллапс Китая*..... 180
- С.Лузянин. Бажанов Е.П. Актуальные проблемы международных отношений. Том 3*..... 184
- А.Кошкин. Былое и думы сибиряка (о книге Маркова А.П. "Как это было")*..... 187

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

- 60-летие Виктора Николаевича Усова 190

Главный редактор *А.М. Григорьев*

Редакционная коллегия

Р.М. Асланов, В.Н. Барышников (зам. главного редактора), Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, Ю.М. Гарушянц, В.И. Глунин, Л.М. Гудошников, В.Л. Ларин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов П.А. Минакир, В.В. Михеев, С.Н. Морозов (первый зам. главного редактора), В.С. Мясников, В.Н. Павлятенко, А.Н. Панов, Л.С. Переломов, И.А. Рогачев, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.П. Ткаченко.

Статьи этого номера

Е.Афанасьев, К.Барский. В гостеприимном Чжуннаньхае.

Российские дипломаты-китаеведы — директор Первого департамента Азии МИД России Е.В.Афанасьев и начальник отдела Первого департамента Азии МИД России К.М.Барский — делятся впечатлениями от недавнего визита Президента России В.В.Путина в КНР, рассуждают о перспективах российско-китайского стратегического партнерства. Авторы раскрывают интересные детали встреч российского президента с Председателем КНР Цзян Цзэмином и его преемником Ху Цзиньтао, комментируют подписанную по итогам саммита Совместную декларацию, предлагают вниманию читателей свои зарисовки из новейшей истории отношений России с Китаем.

Г.Яскина. Россия-Китай-Индия: перспективы трехстороннего сотрудничества.

Автор статьи считает, что существуют объективные основания для того, чтобы укреплять трехстороннее сотрудничество России, Китая и Индии, постепенно придавая ему системный характер длительного взаимодействия на базе общности интересов. Рассмотрев российско-китайские, российско-индийские и китайско-индийские отношения, Г.Яскина приходит к заключению, что перспективы создания трехсторонней системы политического сотрудничества трех стран зависят от более активного развития отношений между Китаем и Индией и более тесного взаимодействия России и Китая в решении региональных и глобальных проблем.

С.Гончаренко. Саммит АТЭС в Лос-Кабосе.

В статье оцениваются итоги очередной встречи лидеров 21 страны и территории Азиатско-Тихоокеанского региона — участников форума АТЭС, состоявшегося в конце октября 2002 г. в г.Лос-Кабос, Мексика. Ее рабочей темой было обсуждение проблем снижения и устранения барьеров на пути движения в регионе товаров, капиталов и услуг, создания благоприятных условий для развития экономического сотрудничества между странами-членами. Однако участники посвятили особое внимание вопросам борьбы с международным терроризмом, резко осудив террористические акты в странах АТЭС — России, Индонезии, на Филиппинах и выразив сочувствие пострадавшим.

И.Софьянников. Реформа системы валютного регулирования в Китае.

Создание и развитие системы валютного регулирования было с самого начала важной составной частью политики реформ в Китае. Показывая основные этапы развития этой системы, автор уделяет особое внимание тенденциям в области валютного регулирования в связи с вступлением КНР в ВТО.

У Вэй, Лю Сяньчжун (КНР). Китайские ученые о развале Советского Союза.

В последнее десятилетие китайские ученые проводили комплексное изучение причин и последствий распада Советского Союза. Их исследования касаются исторических корней, политических, экономических и структурных факторов, ошибок КПСС в руководстве страной, в национальной политике и др., обусловивших в итоге развал СССР.

А.Калкаева, Е.Калкаев. Новация и традиция в раннеимперском конфуцианстве (на материале трактата Ян Сюна "Великое Сокровенное").

Тема статьи — проблема теоретической новации в традиционной китайской философии. Авторы исходят из положения о том, что ключом к специфике традиционного для Китая теоретического мышления является его методология. На материале трактата известного китайского мыслителя рубежа новой эры показано, как в попытке создания новой мироописательной системы проявлялись мировоззренческие постулаты, вплоть до настоящего времени цементирующие культуру китайской нации.

М.Бастид-Брюгьер (Франция). Новое открытие традиционной китайской культуры.

В статье известного европейского синоведа рассматривается процесс восприятия китайской культурой рубежа нового и новейшего времени западного понятия "традиции" как культурного наследия. Автор раскрывает смысл понятий, которые предлагались китайскими мыслителями для обозначения национальной культурной традиции, и характеризует различные точки зрения на содержание этой традиции и ее соотношение с западной культурой и наукой.

О.Пироженко. Футбол и корейцы: культурные, национальные и политические аспекты восприятия в РК чемпионата мира по футболу 2002 г.

Статья посвящена анализу влияния прошлогоднего чемпионата мира по футболу на общество Южной Кореи — одной из двух стран-организаторов (Япония и Республика Корея) этого чемпионата. Автор анализирует специфику реакции на это событие в РК, в частности, обширный комплекс государственных и общественных мероприятий, направленных на "национальную мобилизацию" и культивирование национального духа.

Документы

Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики

I

Главы государств России и Китая, всесторонне обсудив состояние и перспективы российско-китайских связей, заявляют, что углубление отношений стратегического партнерства между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой является единственно правильным историческим выбором, вытекающим из долгосрочных интересов двух стран и их народов и соответствующим вызовам развитию мировой ситуации и международных отношений.

За последнее десятилетие в двусторонних отношениях произошли позитивные изменения исторической значимости. В наступившем XXI веке все более прочными становятся социально-политическая и экономическая основы российско-китайских отношений, углубляется взаимное политическое доверие, укрепляется традиционная дружба между народами двух стран, достигнуты существенные результаты во взаимовыгодном сотрудничестве. Тесные контакты между руководителями двух государств играют направляющую роль для развития двусторонних отношений.

Главы государств России и Китая едины в том, что развитие отношений добрососедства, дружбы и сотрудничества, углубление стратегического взаимодействия между Россией и Китаем имеют широкие перспективы и огромный потенциал. Стороны преисполнены решимости и впредь прилагать неустанные усилия и непрерывно продвигать вперед и повышать уровень дружественного и взаимовыгодного сотрудничества двух стран.

Главы государств России и Китая подтверждают готовность и впредь укреплять механизмы проведения между двумя странами взаимных визитов и регулярных встреч на высоком уровне, повышать уровень взаимного доверия в политической и военной областях, вести постоянный обмен мнениями по важнейшим двусторонним и международным вопросам. Внешнеполитические, оборонные, правоохранительные, экономические, научно-технические ведомства двух стран будут усиливать координацию и взаимодействие. Дружественные обмены и деловое сотрудничество между регионами двух стран будут укрепляться.

II

Прошедший год после подписания главами государств России и Китая Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16 июля 2001 г. полностью подтвердил, что этот документ имеет историческое и важное практическое значение, является прочным фундаментом для здорового и стабильного развития добрососедских и

дружественных отношений между двумя государствами. Договор — это программный документ, обладающий огромной жизнеутверждающей силой, нацеленный на обеспечение непрерывного углубления двусторонних отношений, который открывает новые горизонты для наращивания стратегического взаимодействия двух стран на всех без исключения направлениях.

Главы государств России и Китая подтверждают, что как бы не менялась международная обстановка, какие бы изменения не происходили внутри России и Китая, они преисполнены решимости неуклонно придерживаться курса и принципов, определенных Договором, постоянно продвигать вперед, расширять, наполнять новым содержанием и углублять отношения стратегического партнерства между двумя странами, координировать позиции и поддерживать друг друга в вопросах, вызывающих озабоченность обеих Сторон, в полной мере воплощать великую стратегическую идею «навсегда добрые соседи, хорошие друзья, надежные партнеры, никогда — враги», вместе со всеми миролюбивыми государствами и народами мира отвечать на новые вызовы нашего времени.

Стороны подчеркивают, что дружественные отношения двух стран являются межгосударственными отношениями нового типа, строящимися на основе невступления в союз, неконфронтационности и ненаправленности против третьих стран. Главы государств России и Китая глубоко убеждены, что прочная база Договора позволит поднять российско-китайские отношения в нынешнем столетии на новый, еще более высокий уровень.

Главы государств России и Китая отмечают, что государственная независимость, суверенитет и территориальная целостность являются важнейшими элементами международного права, основополагающими принципами, регулирующими международные отношения, а также необходимыми условиями существования каждого государства. Решительное осуждение и отпор любым замыслам и действиям, направленным на подрыв вышеуказанных принципов, — законное право каждого государства. Россия и Китай решительно поддерживают политику и действия друг друга в вопросах защиты государственного единства и территориальной целостности.

Российская Сторона подтверждает, что Правительство Китайской Народной Республики является единственным законным правительством, представляющим весь Китай, и что Тайвань является неотъемлемой частью территории Китая. Россия не будет устанавливать официальных отношений с Тайванем и поддерживать с ним официальные контакты. Россия неизменно признает, что Тибет — неотъемлемая составная часть Китая. Китайская сторона поддерживает усилия Российской Стороны по борьбе с чеченскими террористами и сепаратистами.

Россия и Китай не допускают создания и деятельности на своей территории организаций и групп, наносящих ущерб суверенитету, безопасности и территориальной целостности обоих государств.

Главы двух государств полагают, что в настоящее время сложились самые благоприятные условия для того, чтобы найти взаимоприемлемое решение вопроса о прохождении линии российско-китайской государственной границы на двух ее остающихся несогласованными участках. В этой связи министерствам иностранных дел двух стран поручается в кратчайшие сроки завершить процесс пограничных переговоров.

Окончательное урегулирование доставшегося в наследство от истории пограничного вопроса между Россией и Китаем будет иметь историческое значение для взаимоотношений двух стран на стратегическую перспективу, окажет важное стабилизирующее воздействие на ситуацию в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в глобальном масштабе.

III

Главы государств России и Китая исходят из того, что закрепление и всемерное развитие позитивных тенденций в торгово-экономическом сотрудничестве имеет важнейшее значение для обеспечения стабильного и долгосрочного прогресса всего комплекса российско-китайских отношений.

Главы государств России и Китая считают, что механизм регулярных встреч глав правительств двух государств имеет большое значение, высоко оценивают его вклад в развитие торгово-экономического сотрудничества между Россией и Китаем на длительную перспективу.

Стороны указывают, что в целях стабильного и предсказуемого развития торгово-экономических отношений необходимо предпринимать активные меры по расширению масштабов торговли, улучшению ее товарной структуры за счет повышения в ней доли продукции высоких технологий, машиностроения и электроники, а также других товаров с высокой добавленной стоимостью, по созданию благоприятных условий для взаимного доступа товаров, услуг и инвестиций на рынки двух государств, по интенсификации технико-экономического и инвестиционного сотрудничества, включая создание совместных предприятий, производственную кооперацию, передачу технологий, по совершенствованию системы обслуживания торговых операций, включая усиление сотрудничества в сфере банковских расчетов, кредитования и страхования, по укреплению работы в правовой, административной, управленческой и других областях с целью приведения режима торговли в соответствие с международными нормами, по укреплению контактов по линии малого и среднего бизнеса. Стороны преисполнены стремления к достижению прорыва в развитии и качественного роста всего комплекса двусторонних торгово-экономических отношений.

Учитывая большое значение сотрудничества в энергетической сфере для обеих Сторон, главы государств России и Китая считают важным обеспечить своевременную реализацию имеющихся договоренностей относительно российско-китайских нефтепровода и газопроводов, а также координировать реализацию перспективных энергетических проектов для обеспечения долгосрочного и стабильного характера поставок нефти и газа.

Стороны соглашаются с тем, что в контексте интеграции России в систему мирохозяйственных связей в качестве равноправного члена мирового экономического и торгового сообщества особое значение имеет присоединение России к Всемирной торговой организации (ВТО) и признают необходимым активно и конструктивно проводить двусторонние переговоры об условиях присоединения России к ВТО и достичь соответствующего соглашения на основе учета взаимных интересов, что будет способствовать укреплению российско-китайских торгово-экономических отношений. Китай заявляет о поддержке вступления Российской Федерации в ВТО, что придаст этой международной организации более универсальный характер.

IV

Главы государств России и Китая исходят из того, что расширение дружественных контактов и сотрудничества сторон в области образования, культуры, здравоохранения, спорта, средств массовой информации, благоприятствует упрочению социальной основы добрососедства, дружбы и взаимного доверия между двумя государствами. Большое значение придается деятельности Российско-Китайского Комитета дружбы, мира и развития, совершенствованию форм и методов его работы.

В целях укрепления взаимопонимания и сотрудничества между народами двух стран Стороны намерены и в дальнейшем предпринимать практические меры по стимулированию взаимных поездок граждан России и Китая, в

том числе по упорядочению и совершенствованию юридической основы таких контактов.

Главы государств России и Китая подчеркивают важность развития сотрудничества в правоохранительной сфере. Стороны намерены расширять сотрудничество по борьбе с нелегальной миграцией.

Главы государств России и Китая отмечают необходимость принятия дальнейших мер по укреплению сотрудничества и совершенствованию соответствующей правовой базы в области экологии и охраны окружающей среды, уделяя внимание природоохранному взаимодействию в приграничных регионах.

V

Преступные вылазки международного терроризма в Нью-Йорке, Москве, на о.Бали и в других районах мира свидетельствуют о том, что терроризм, сепаратизм и экстремизм представляет серьезную угрозу безопасности суверенных государств, миру и стабильности в глобальном масштабе. Множатся факторы неопределенности, с которыми столкнулась глобальная безопасность. Главы государств России и Китая полагают, что в решении этих проблем не может быть «двойных стандартов», а противостоять терроризму необходимо совместными усилиями всех государств. Россия и Китай полны решимости на двусторонней и многосторонней основе предпринимать в этой связи целенаправленные и необходимые практические шаги в жесткой борьбе с терроризмом во всех его проявлениях.

Стороны подтверждают, что террористы и сепаратисты Чечни и «Восточного Туркестана» являются составной частью международного терроризма. Они должны быть осуждены и стать объектом совместной борьбы со стороны всех государств мира. В целях действенной защиты безопасности и стабильности своих государств, содействия миру и процветанию на региональном и даже глобальном уровнях, Стороны усилят взаимную поддержку в сфере борьбы с терроризмом и интенсифицируют координацию и международное сотрудничество в данной области.

В июне с.г. в Санкт-Петербурге государствами-членами Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) было подписано Соглашение о создании Региональной антитеррористической структуры ШОС. Главы государств России и Китая высоко оценивают потенциал антитеррористического сотрудничества данной организации и выступают за скорейшее начало ее практической работы.

Стороны высоко оценивают деятельность российско-китайской Рабочей группы по борьбе с терроризмом, особо подчеркивают, что сложившийся в ее рамках конструктивный и доверительный диалог в полной мере соответствует уровню отношений стратегического партнерства, существующих между Россией и Китаем.

VI

После событий 11 сентября 2001 года в международной обстановке происходят глубокие и сложные изменения. Серьезную угрозу международному миру и безопасности представляют международный терроризм и другие нетрадиционные вызовы. Не затухают локальные конфликты, сохраняются очаги напряженности и нестабильности, еще больше увеличился разрыв между Югом и Севером. Мир и развитие человечества находятся перед вызовами, которые нельзя игнорировать.

Главы государств России и Китая считают, что гармоничное сосуществование всех стран мира и его многообразие, демократизация международных отношений способствуют укреплению глобальной стабильности и безопасности. Стороны полагают, что мир и развитие являются лейтмотивом современной эпохи, что в условиях усиления магистральных тенденций формирования многополярного мира и экономической глобализации народы всех стран заин-

тересованы в формировании нового справедливого рационального международного политического и экономического порядка, который гарантировал бы поступательное развитие и равную безопасность всех государств.

Россия и Китай выступают за укрепление центральной роли ООН в качестве главного механизма обеспечения международной безопасности и сотрудничества в многополярном мире, выступают за дальнейшее повышение эффективности ООН и, в частности, ее Совета Безопасности.

Стороны полагают, что в эпоху глобализации и научно-технического прогресса, когда углубляется степень взаимозависимости всех стран, необходимо сформировать всеобъемлющую стратегию устойчивого развития человечества. В ее основе должны лежать признание неделимости международной безопасности в ее военном, политическом, экономическом, экологическом и гуманитарном аспектах.

Главы государств России и Китая придают важное значение взаимодействию двух стран по вопросам стратегической стабильности в целях укрепления международной безопасности, глобальной и региональной стабильности и будут осуществлять сотрудничество как в рамках двусторонних отношений, так и на соответствующих международных форумах с целью выработки и принятия эффективных мер в области контроля над вооружениями и разоружения, нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки. Стороны предпримут дополнительные усилия по продвижению их совместной инициативы по заключению международной договоренности о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве.

Стороны будут и далее развивать тесное взаимодействие в поисках решений проблем ракетного распространения. Они считают целесообразным дальнейшее обсуждение и продвижение предложений о проведении многосторонних переговоров с целью выработки юридически обязывающей договоренности о глобальном режиме ракетного нераспространения. ООН и другие многосторонние организации должны играть ведущую роль в этой области. Россия и Китай намерены продолжать двусторонний диалог по вопросам экспортного контроля в области нераспространения.

Стороны придают большое значение межгосударственному сотрудничеству в области защиты и поощрения прав человека. Они считают недопустимой политику «двойных стандартов», выступают против использования вопросов прав человека в качестве рычага давления в международных отношениях.

Стороны подчеркивают, что разрешение региональных конфликтов политическими и дипломатическими методами, путем диалога и переговоров должно стать нормой межгосударственных отношений.

Стороны продолжают неизменно придерживаться той позиции, что иракский вопрос может быть всесторонне и полностью разрешен только политико-дипломатическими средствами, а также на основе строгого соблюдения резолюций Совета Безопасности ООН, и выражают намерение продолжать совместно работать в рамках ООН в этих целях.

Стороны обсудили положение на Ближнем Востоке и выражают серьезную озабоченность в связи с затянувшимся палестино-израильским противостоянием. Стороны преисполнены уверенности в том, что разногласия сторон не могут быть разрешены военными методами и что разрешение проблемы политическими методами отвечает долгосрочным интересам всех стран. Целями политического урегулирования является достижение мирного сосуществования государств Израиль и Палестина в рамках безопасных и признанных границ.

VII

В настоящее время Шанхайская организация сотрудничества уже стала важным фактором поддержания мира, безопасности и стабильности в регионе, одним из опорных элементов будущей конструкции многополярного мира. В

нынешней сложной международной обстановке придание новых импульсов развитию Шанхайской организации сотрудничества и ее более активное участие в региональных и международных делах, прежде всего в стимулировании создания в азиатском регионе атмосферы мира, процветания, равноправного диалога и сотрудничества, отвечает общим интересам государств — членов ШОС.

В этих целях главы государств России и Китая придают первостепенное значение укреплению взаимодействия в рамках Шанхайской организации сотрудничества.

Россия и Китай готовы совместно с другими государствами — членами ШОС вести дело к скорейшей практической институализации этой организации, созданию Секретариата ШОС и Региональной антитеррористической структуры; усилению борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, одновременно предпринимая меры для пресечения контрабанды наркотиков и других видов трансграничной преступности; углублению широкого сотрудничества Сторон в экономической и гуманитарной областях; активному налаживанию обменов и сотрудничеству ШОС с другими международными организациями и государствами в целях поддержания мира и развития в регионе и во всем мире.

VIII

Главы государств России и Китая считают, что развитие многостороннего взаимодействия в сфере обеспечения безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе является одним из ключевых моментов укрепления глобальной стратегической стабильности. Обе страны будут прилагать усилия для создания в АТР действенной, кооперативной по своему характеру, системы многостороннего регионального сотрудничества, нацеленной на обеспечение стабильности и безопасности.

Главы государств России и Китая выражают обеспокоенность в связи с перспективами и возможными последствиями сотрудничества по развертыванию заинтересованными государствами в Восточной Азии систем противоракетной обороны театра военных действий на блоковой основе. Они вновь заявляют, что такое сотрудничество не должно разрушать региональную и глобальную безопасность и стабильность. Стороны призывают все заинтересованные государства укреплять диалог по проблематике систем ПРО ТВД на блоковой основе в Восточной Азии. Россия и Китай продолжают консультации по данному вопросу на двусторонней основе.

Стороны обсудили ситуацию в Центральной Азии и отметили чрезвычайную важность поддержания стабильности и безопасности в этом регионе.

Стороны отмечают конструктивную роль АСЕАН в построении межгосударственных отношений нового типа в АТР, рассматривают Региональный форум АСЕАН (АРФ) как эффективный механизм политического диалога по проблемам региональной безопасности. Они подтверждают готовность тесно взаимодействовать в рамках АРФ.

Россия подтверждает позитивное отношение к дальнейшему развитию механизма диалога и сотрудничества в формате «АСЕАН + 3». Китай готов оказать необходимое содействие в установлении связей между Россией и этим объединением в сферах, представляющих взаимный интерес.

Стороны видят в развитии всестороннего торгово-экономического, инвестиционного и технологического сотрудничества в рамках Форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) серьезный вклад в дело стабильности и развития в АТР. Они намерены постоянно консультироваться по проблематике АТЭС с целью координации подходов и позиций.

Стороны высоко оценивают вклад форума «Азия-Европа» (АСЕМ) в углубление развития равноправных партнерских отношений нового типа в Азии

и Европе. Китайская сторона поддерживает намерение России присоединиться к форуму.

Главы государств России и Китая приветствуют формирование в соответствующих регионах Азии зон, свободных от ядерного оружия, при том понимании, что такие зоны должны в полной мере учитывать интересы и озабоченности всех государств.

Главы государств России и Китая выступают за продолжение и углубление начавшихся в последние годы процессов разрядки на Корейском полуострове, в особенности диалога и сотрудничества между КНДР и Республикой Корея, за оздоровление японо-северокорейских отношений, включая реализацию итогов переговоров на высшем уровне в Пхеньяне.

Стороны считают важным для судеб мира и безопасности в Северо-Восточной Азии сохранение безъядерного статуса Корейского полуострова, режима нераспространения оружия массового уничтожения и в этом контексте подчеркивают чрезвычайную важность нормализации отношений между США и КНДР на основе последовательного соблюдения ранее достигнутых договоренностей, включая Рамочное соглашение 1994 года, и конструктивного равноправного диалога в интересах урегулирования взаимных озабоченностей. Стороны будут и впредь развивать добрососедские, дружественные связи и сотрудничество с обоими корейскими государствами в интересах мира и процветания в регионе.

Стороны выражают полную поддержку Переходной администрации Афганистана в деятельности по нормализации обстановки в стране в соответствии с Соглашением о временных механизмах в Афганистане до восстановления постоянно действующих правительственных институтов, подписанным в Бонне, решениями Лоя Джирги, резолюциями Совета Безопасности ООН. Стороны выразили беспокойство в связи сохраняющейся в Афганистане нестабильностью, активизацией остатков Движения талибов, нарастанием межэтнических противоречий, а также ростом наркопроизводства в стране. Стороны подчеркивают необходимость сохранения центральной координирующей роли ООН в афганском урегулировании.

* * *

Главы государств России и Китая заявляют о намерении продолжать интенсивный и доверительный политический диалог, расширять и углублять взаимовыгодное экономическое сотрудничество, наращивать взаимодействие в международных делах, укреплять дружбу между народами двух стран.

**ПРЕЗИДЕНТ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ
РЕСПУБЛИКИ**

Пекин, 2 декабря 2002 года

Делийская Декларация

о дальнейшем упрочении стратегического партнерства между Российской Федерацией и Республикой Индией

Российская Федерация и Республика Индия, опираясь на давние традиции дружбы и добрососедства;

ссылаясь на Договор о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Индией от 28 января 1993 г. и Декларацию о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Индией от 5 октября 2000 г.;

исходя из того, что стратегическое партнерство между Россией и Индией основывается на взаимодополняемости национальных интересов и геополитических приоритетов двух стран;

выражая решимость поднять свое стратегическое партнерство на еще более высокий и качественно новый уровень как в двусторонних отношениях, так и на международной арене;

признавая, что уважение принципов национального суверенитета, территориальной целостности, плюрализма, многообразия и терпимости служит краеугольным камнем стабильного и прочного многополярного мира;

признавая также свою исключительную роль и ответственность в качестве многонациональных государств в содействии созданию устойчивого мирового порядка, предусмотренного Декларацией тысячелетия Организации Объединенных Наций от 8 сентября 2000 г. и Московской декларацией о защите интересов многонациональных государств от 30 июня 1994 г., а также миру, стабильности и благосостоянию в Азии и во всем мире;

выражая решимость противостоять новым вызовам и угрозам безопасности — прежде всего международному терроризму — через механизмы двустороннего и многостороннего сотрудничества;

настоящим заявляют:

Наше стратегическое партнерство создает прочную основу для долгосрочного и всестороннего развития отношений. Взаимная безопасность, развитие и процветание наших народов — ключевые цели этого партнерства. Оно также способствует противодействию глобальным вызовам и угрозам, укреплению стратегической стабильности на международном уровне.

Установившаяся практика проведения ежегодных встреч в верхах, а также на министерском и рабочем уровнях, между парламентскими, судебными и другими конституционными органами будет усилена и в дальнейшем. Особый упор будет сделан на углубление экономической составляющей двусторонних отношений. Контакты между людьми будут укрепляться за счет расширения связей между общественностью двух стран.

Международно признанные стандарты демократии и верховенства закона, закрепленные в конституциях наших стран, служат основными составляющими наших политических систем. Они представляют собой надежные гарантии плюралистической политической, общественной и экономической

структуры, содействия и защиты стремления наших народов к осуществлению прав человека, достойной жизни и свободе от нужды и страха. Этими стандартами мы будем также руководствоваться в своих отношениях с другими странами. Будучи крупными многонациональными государствами, мы убеждены в своей особой ответственности за то, чтобы противостоять и положить конец тем вызовам, которые бросают нашим самобытным ценностям и территориальной целостности силы терроризма, экстремизма и сепаратизма.

Мы вновь заявляем о своей поддержке территориальной целостности и суверенитета друг друга, закрепленных в конституциях наших стран. Стороны не будут предпринимать каких-либо действий, которые могли бы поставить под угрозу или ослабить безопасность другой Стороны. Стороны будут руководствоваться этим принципом в определении своей политики в сфере обороны и безопасности, а также в сфере военно-технического сотрудничества с третьими странами.

Будет обеспечиваться дальнейшее наращивание двустороннего сотрудничества, а также сотрудничество с другими странами в целях противодействия многочисленным негативным проявлениям глобализации. Глобализация и национальная самобытность представляют собой взаимодополняющие части мироустройства. Признание и уважение этого многообразия служит необходимой предпосылкой прогресса человеческого общества и важнейшей составляющей диалога между цивилизациями.

Прочные узы дружбы, доверия и общности интересов предоставляют России и Индии уникальную возможность внести свой вклад в мирное развитие нового мирового порядка, отличающегося стабильностью, безопасностью, равноправием, устойчивостью и основанного на принципах Устава ООН и международного права. Для воплощения в жизнь этой концепции Стороны будут прилагать усилия к укреплению соответствующих международных институтов и механизмов. Обе страны подтверждают, что сегодня международному сообществу как никогда ранее необходимо продемонстрировать приверженность ООН и принципу многосторонности.

Стороны высказались за укрепление центральной роли ООН в обеспечении международной безопасности в многополярном мире. Они выступают за повышение эффективности деятельности ООН и ее Совета Безопасности, за то, чтобы эта деятельность в большей степени отражала современные геополитические и экономические реалии и была направлена на представление интересов большинства членов ООН, чему способствовало бы завершение рациональной реформы ООН на основе максимально широкого согласия ее членов. В этом контексте Россия вновь подтверждает свою поддержку Индии как сильному и достойному кандидату на место постоянного члена расширенного Совета Безопасности ООН.

Мы принимаем к сведению результаты Всемирного саммита по устойчивому развитию в Йоханнесбурге и приветствуем в этой связи подтверждение принципов Рио. Принимая во внимание большое значение, придаваемое обеими странами вопросу изменения климата, мы приветствуем результаты прошедшей в Индии в октябре-ноябре 2002 г. Восьмой конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата, а также инициативу Президента Российской Федерации по проведению в Москве осенью 2003 г. Всемирной конференции по изменению климата.

Стороны подтверждают свою приверженность работе по созданию нового порядка совместной безопасности, признающего законные интересы безопасности всех стран, содействующего глобальному миру и стабильности при снижении уровней вооружений и способствующего целям нераспространения и разоружения. Россия и Индия убеждены, что содействие процессу разоруже-

ния, включая сокращение и в конечном итоге уничтожение ядерного оружия, является одним из важнейших компонентов безопасности в Азии и в мире в целом.

Мы призываем к скорейшему началу многосторонних переговоров по подготовке всеобъемлющей договоренности о неразмещении оружия в космосе, неприменении силы или угрозы силой в отношении космических объектов и дальнейшем использовании космоса для полномасштабной совместной мирной деятельности на благо развития.

Обстановка в соседних для нас регионах — Афганистане и Центральной Азии — имеет жизненно важное значение для безопасности обеих стран. Мы считаем необходимым постоянно следить за развитием ситуации в Афганистане и намерены продолжать и расширять тесное сотрудничество по Афганистану. Мы приветствуем успешное выполнение Боннского соглашения и оказываем всестороннюю помощь Переходной администрации в целях содействия национальному примирению, восстановлению экономики Афганистана и воссозданию его учреждений, включая местные органы безопасности, которые важны для устранения внутренних и внешних угроз безопасности Афганистана. Россия и Индия соглашаются объединить свои усилия, направленные на восстановление Афганистана, и согласны с тем, что руководствоваться следует приоритетами Афганистана. Мы подчеркиваем необходимость того, чтобы ООН и международное сообщество продолжало участвовать в возрождении Афганистана как суверенного и независимого государства, свободного от терроризма, наркотиков и вмешательства извне. Стороны жизненно заинтересованы в поддержке безопасности, стабильности и межконфессионального мира в Центрально-Азиатском регионе.

Мы призываем к прекращению насилия на Ближнем Востоке и возобновлению переговоров по установлению справедливого и прочного мира на основе резолюций Совета Безопасности ООН 242 (1967), 338 (1973) и 1397 (2002).

Обе страны поддерживают продолжение политических и дипломатических усилий, направленных на полное выполнение всех резолюций Совета Безопасности ООН по Ираку.

Россия и Индия стали жертвами терроризма и, будучи демократическими и открытыми обществами, уязвимы в отношении угроз, которые несет глобализация террора, включая новые проявления связи между терроризмом и оружием массового уничтожения. Терроризм представляет собой грубое нарушение прав человека, в частности самого основного из них — права на жизнь, является преступлением против человечности. Россия и Индия решительно осуждают все акты терроризма, где бы они ни происходили и какими бы ни были их мотивы. Терроризм не может быть оправдан ни при каких обстоятельствах и должен встречать однозначное осуждение где бы то ни было. Обе страны решительно осуждают тех, кто поддерживает терроризм, финансирует, готовит, укрывает террористов или оказывает им поддержку. Государства, потворствующие террористам либо предоставляющие им убежище, виновны в совершении террористических актов в той же степени, что и сами террористы.

Мы преисполнены решимости укреплять наше сотрудничество в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, а также с поддержкой, которую они получают от организованной преступности, незаконной торговли оружием и наркотиками. Обе страны расценивают эти явления как глобальные угрозы, действенная борьба с которыми возможна лишь посредством совместных всеобъемлющих, решительных и устойчивых усилий международного сообщества. В борьбе с терроризмом не должно быть двойных стандартов, эта борьба должна быть направлена против финансовых и других источников поддержки

терроризма. Обе страны вновь подтверждают важность в этом отношении Московской декларации Российской Федерации и Республики Индии о международном терроризме от 6 ноября 2001 г. и подчеркивают первостепенную важность строгого выполнения резолюций Совета Безопасности ООН по борьбе с терроризмом, в частности резолюции 1373 (2001), и конвенций по борьбе с терроризмом, которые создают основную базу для реализации национальных, региональных и международных обязательств и сотрудничества международного сообщества в борьбе с терроризмом в соответствии с Уставом ООН. Россия и Индия по-прежнему преисполнены решимости выполнять эту резолюцию и призывают к скорейшему согласованию и вступлению в силу Всеобъемлющей конвенции по международному терроризму и Конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма.

Будучи жертвами терроризма, исходящего из соседних с нашими странами регионов, мы особо заинтересованы в том, чтобы покончить с этой общей угрозой путем превентивных и сдерживающих мер на национальном и двустороннем уровне. Обе страны соглашаются укреплять двустороннее сотрудничество в области борьбы с терроризмом, в том числе в контексте сотрудничества под эгидой Совместной рабочей группы по Афганистану и группы по терроризму, созданной Советом Безопасности Российской Федерации и Советом национальной безопасности Республики Индии. Договоренность об учреждении совместной Российско-Индийской рабочей группы по борьбе с терроризмом еще более укрепит наше сотрудничество в этой сфере.

Стороны признают, что факторы, влияющие на производство энергии и энергоснабжение в мире, относятся к сфере жизненно важных национальных интересов Сторон и будут предметом регулярных двусторонних обсуждений в рамках соответствующих механизмов. Россия и Индия будут укреплять сотрудничество во всех областях энергетического сектора экономики, принимая во внимание потребности устойчивого развития и охраны окружающей среды.

Российская Федерация и Республика Индия убеждены, что настоящая Декларация расширит и укрепит рамки их сотрудничества в различных областях и будет способствовать упрочению стратегического партнерства.

**ПРЕЗИДЕНТ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ПРЕМЬЕР-МИНИСТР
РЕСПУБЛИКИ ИНДИИ**

Нью-Дели, 4 декабря 2002 года

В гостеприимном Чжуннаньхае

Размышления после визита Президента России В.В.Путина в КНР

© 2003

Е. Афанасьев, К. Барский

Еще каких-нибудь два десятилетия назад даже при самом смелом воображении трудно было бы представить, что руководитель нашей страны будет пребывать в гостях, да еще и в абсолютно раскованной, дружеской, почти семейной обстановке, у китайского лидера, в загадочном, овеянном древними легендами пекинском дворцовом комплексе Чжуннаньхай, превращенном после 1949 г. в резиденцию высших руководителей КНР.

Между тем изысканный обед, который Председатель КНР Цзян Цзэминь устроил для Президента России В.В.Путина и его супруги 2 декабря 2002 г. в своих личных апартаментах в Чжуннаньхае, выглядел вполне естественно в программе официального визита Президента РФ. И дело здесь не только в общей доверительности российско-китайского партнерства. Несмотря на разницу в возрасте, у В.В.Путина сложились с Цзян Цзэмином удивительно теплые, искренние человеческие взаимоотношения. Когда в июне 2001 г. Санкт-Петербурге проходил саммит Шанхайской организации сотрудничества, российский президент, питающий к китайскому лидеру неподдельное уважение, лично провел для Цзян Цзэминя экскурсию по Юсуповскому дворцу. В этот раз, чета Цзянов с большим радушием принимала у себя дома высоких гостей из России: казалось, что они старались рассказать о Китае все, что знают сами.

Председатель КНР умело превратил и официальный прием в честь Президента России в здании Всекитайского собрания народных представителей в непринужденную встречу друзей. Надо сказать, что у Цзян Цзэминя прекрасный голос. И глава китайского государства с удовольствием исполнял в официальных апартаментах ВСНП как арии из традиционной пекинской оперы, так и любимые свои русские песни — «Далеко-далеко, где кочуют туманы», «Катюша», «Подмосковные вечера». Зазвучал вальс, и Председатель КНР пригласил на танец Л.А. Путину, В.В.Путин танцевал с женой посла Китая в России Чжан Дэгуана Чжэн Шулань.

* * *

Думается, что нынешний уровень российско-китайского стратегического партнерства был бы немислим без тесного личного контакта глав двух госу-

дарств. Вот красноречивая статистика общения российского и китайского лидеров за минувший год — три встречи на высшем уровне (к сожалению, в связи с трагическими событиями в Москве в конце октября не состоялась четвертая, тоже планировавшаяся беседа В.В.Путина с Цзян Цзэмином на саммите АТЭС в Мексике), шесть телефонных разговоров по “горячей линии связи”, два десятка посланий по различным вопросам двустороннего сотрудничества и международной политики. Эти цифры наглядно свидетельствуют о том, что между главами двух государств осуществляется регулярный, по сути дела непрерывный диалог в реальном режиме мирового политического времени.

И тем не менее декабрьская встреча в верхах занимает в этом ряду контактов на высшем уровне особое место. Политическое значение визита В.В.Путина в Китай было обусловлено несколькими обстоятельствами.

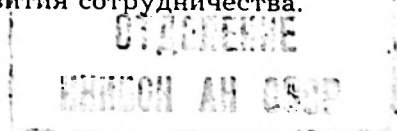
Во-первых, как раз в декабре 2002 г. исполнилось десять лет с того времени, когда руководители новой России и Китая подписали Совместную декларацию об основах взаимоотношений. За это десятилетие российско-китайские отношения совершили, можно сказать, “большой скачок” — от нормализации к широкому стратегическому взаимодействию. Дать оценку проделанному и, оттолкнувшись от достижений, наметить планы на будущее — такая ответственная задача стояла перед высшими руководителями России и Китая.

Во-вторых, это был первый полноформатный российско-китайский саммит после подписания в июле 2001 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. За прошедшие полтора года Договор был ратифицирован обеими сторонами и вступил в силу. Пекинский саммит предоставил руководителям двух стран хорошую возможность совместно оценить, как идет работа по претворению положений “Большого Договора” в жизнь.

В-третьих, в повестке дня переговоров В.В.Путина и Цзян Цзэмина, лидеров двух крупных держав — ключевых членов антитеррористической коалиции, была тема борьбы с международным терроризмом. Теперь, год с лишним спустя после терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне и начала глобальной кампании по борьбе с этим мировым злом, настало время обстоятельно проанализировать международную ситуацию, рассмотреть положение дел в области стратегической стабильности, подвести итоги и обсудить перспективы совместных усилий по противодействию новым вызовам и угрозам, обменяться мнениями по наиболее острым региональным проблемам. Китай, кстати, был одним из первых государств, сразу же и без всяких колебаний твердо поддержавших действия российского руководства в отношении террористического акта в Москве в октябре 2002 г.

Наконец, В.В.Путин стал первым государственным руководителем крупной державы, посетившим Китай сразу после состоявшегося 8-14 ноября 2002 г. XVI съезда КПК — знаменательного события в жизни китайского народа. Это обстоятельство придало визиту российского президента в КНР особую значимость.

Как известно, XVI съезд КПК наметил стратегические планы социально-экономического развития Китая на ближайшие десятилетия, сформулировал внешнеполитический курс страны, избрал новое руководство правящей партии. Встретиться одновременно с сегодняшними китайскими лидерами и представителями «четвертого поколения» руководителей, которые займут место ветеранов у руля власти в Пекине завтра, — значит, присутствовать при передаче эстафеты в развитии российско-китайского стратегического партнерства, иметь возможность приветствовать новых партнеров, узнать «из первых рук» об их настрое в отношении дальнейшего развития сотрудничества.

Многие наблюдатели, наверное, обратили внимание на статью Министерства иностранных дел России И.С.Иванова «Сосна и бамбук», опубликованную в газете «Коммерсант» 28 ноября 2002 г., за несколько дней до начала визита российского президента в КНР. В ней политически емко вскрыт характер отношений между Россией и Китаем, которые автор образно сравнил с «сосной и бамбуком». «Разные и непохожие, — пишет И.С.Иванов, — они тесно сплетаются корнями, поддерживая друг друга и создавая гармоничную живую систему. Это символ верной дружбы, и он, на мой взгляд, выражает суть отношений, складывающихся между Россией и Китаем на современном этапе».

Придать новый импульс отношениям двух стран и была призвана китайская составляющая азиатского турне В.В.Путина — напомним, что в рамках этой поездки российский президент посетил также Индию и Центральную Азию (Киргизию), тем самым как бы обозначив крупными мазками приоритеты нашей политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Импульс получился не только мощным содержательно, но и насыщенным эмоционально. Однако обо всем по порядку.

* * *

Официальный визит российского президента в Китай проходил с 1 по 3 декабря 2002 г. 2 декабря — главный день визита — был наполнен встречами и беседами. В.В.Путин провел переговоры с Председателем КНР Цзян Цзэмином, встретился с заместителем Председателя КНР Ху Цзиньтао, премьером Госсовета КНР Чжу Жунцзи, председателем Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей Ли Пэнгом. По итогам визита главами двух государств был подписан важный политический документ — Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики. В присутствии руководителей РФ и КНР представители сторон также скрепили подписями два межправительственных документа — Договор о передаче осужденных и Соглашение о формировании подкомиссии по сотрудничеству в области туризма, а также ряд межведомственных соглашений — о сотрудничестве между службами налоговой полиции, Академиями наук, Центральными банками двух стран.

В ходе визита В.В.Путин и Цзян Цзэминь в общей сложности в течение двух дней встретились пять раз, провели вместе несколько часов интенсивных переговоров. Иными словами, высшие руководители России и Китая обстоятельно «прошлись» по всей повестке дня двусторонних отношений и наиболее важным международным проблемам.

Прежде всего, два лидера обратили свои взоры в недавнее прошлое. За спиной у нас — десять значимых лет в истории российско-китайских отношений. Цитируя В.В.Путина, за короткий по историческим меркам срок Россия и Китай прошли большой путь — от стереотипов к взаимопониманию и доверию, от самых общих договоренностей к отношениям действительно стратегического партнерства. При этом наш президент заметил, что такая эволюция российско-китайских отношений — во многом личная заслуга Председателя Цзян Цзэмина, стоявшего у истоков этого исторического процесса и своим постоянным вниманием направлявшего двусторонние связи в нужное русло.

Главное заключается в том, что в 90-е годы XX века двум странам удалось не только полностью «закрыть негативное прошлое», но и найти оптимальную модель двусторонних отношений, в которой сознательный отказ от взаимных союзнических обязательств сочетается с самой тесной координацией усилий по отстаиванию общих интересов. Эта модель и достигнутый в ее рамках беспрецедентно высокий уровень связей и сотрудничества были убедительными.

тельно закреплены Договором о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 16 июля 2001 г. Президент России и Председатель КНР еще раз дали высокую оценку этому документу и вновь подтвердили, что углубление стратегического партнерства между нашими странами является единственно правильным историческим выбором, вытекающим из их долгосрочных интересов и отвечающим тенденциям мирового развития.

Сегодня двусторонние отношения покоятся на “трех китах” — это постоянно поддерживающийся стратегический диалог на высшем и высоком уровнях, активно развивающееся торгово-экономическое, военно-техническое, научное и гуманитарное сотрудничество, а также неуклонно расширяющееся внешнеполитическое взаимодействие на основе сопряжения национальных интересов и совпадения базовых подходов двух стран к международным проблемам.

Особенно “урожайным” для российско-китайских отношений, по мнению В.В.Путина и Цзян Цзэминя, был истекший 2002-й — год успешного начала реализации Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Главы государств пришли к общему выводу: Договор работает и приносит реальные плоды, задавая равноправному и доверительному стратегическому партнерству России и Китая однозначный вектор и способствуя активизации нашего взаимодействия по всем линиям.

Руководители двух стран констатировали, что уходящий год был ознаменован новыми успехами в торгово-экономическом сотрудничестве. Стабильно рос объем двустороннего товарооборота, превысив по итогам года рекордный уровень в 12 млрд. долларов. Продолжалась реализация ряда проектов, важнейшие из которых связаны с топливно-энергетическим комплексом. В августе 2002 г. в Шанхае состоялась 7-я регулярная встреча премьеров, которая дала дополнительный импульс развитию двустороннего делового сотрудничества.

В.В.Путин и Цзян Цзэминь высказались за дальнейшее всемерное развитие торгово-экономического сотрудничества как прочной материальной базы российско-китайского стратегического партнерства. Важно закрепить нарабатываемые позитивные тенденции и на этой базе совершенствовать структуру и качество взаимной торговли, переводить весь комплекс практического взаимодействия на современные рельсы. По мнению обоих лидеров, будущее нашего сотрудничества — за топливно-энергетической составляющей, высокими технологиями, прямыми инвестициями. Заинтересованная дискуссия развернулась вокруг новой идеи — в целях более эффективного экономического сотрудничества, особенно по крупным инфраструктурным проектам, наладить работу по взаимному согласованию перспективных планов социально-экономического развития России и Китая.

Главы государств были едины в том, что жизнь диктует необходимость упрочения социальной основы нашего добрососедства. Речь идет о расширении контактов в области образования, культуры, туризма, по линии малого и среднего бизнеса. Большие надежды в этом плане руководство обеих стран возлагает на общественный Комитет дружбы, мира и развития, или, как мы его часто называем, Комитет XXI века. В.В.Путин представил китайским партнерам нового главу российской части Комитета, своего полномочного представителя в Сибирском федеральном округе Л.В.Драчевского.

В российско-китайском взаимодействии в мировых делах за последний год произошел, как было отмечено, качественный переход от простого обмена мнениями по международным проблемам к тесной координации внешнеполитических шагов двух стран практически по всей тематике глобальной повестки дня, совместным или параллельным действиям на мировой арене. В центре внимания Москвы и Пекина — вопросы стратегической стабильности, борьба с терроризмом, региональные проблемы. Углубляется российско-китайское

взаимодействие в деле организационного становления ШОС — в июне 2002 г. в Санкт-Петербурге состоялся саммит ШОС, подписаны Хартия организации и Соглашение о Региональной антитеррористической структуре. Полным ходом идет работа по запуску рабочих механизмов ШОС. Ключевую роль в этом процессе, несомненно, играет российско-китайская «связка».

Одной из заглавных международных тем обсуждения в ходе саммита была, разумеется, ситуация на Корейском полуострове. В.В.Путин и его основные собеседники с китайской стороны — Цзян Цзэминь и Ху Цзиньтао — подробно проговорили возможные пути урегулирования «северокорейской ядерной проблемы». Необходимо подчеркнуть, что состоявшийся в Пекине обмен мнениями по корейской проблематике не только выявил единство позиций России и Китая, но и стал вкладом в общую копилку международных усилий по деэскалации напряженности вокруг Корейского полуострова. Накануне российско-китайского саммита данная проблема обсуждалась во время встречи В.В.Путина с Дж.Бушем в Пушкине, сразу после него состоялась череда телефонных разговоров между лидерами и министрами иностранных дел России, США и КНР. Смысл этих переговоров — совместный поиск политико-дипломатического выхода из создавшегося положения. Кроме того, это еще и яркая иллюстрация конструктивной, стабилизирующей роли российско-китайского партнерства.

Стороны приветствовали начавшийся в 2002 г. диалог в формате «Россия-Китай-Индия» — первая неформальная встреча министров иностранных дел трех стран состоялась 14 сентября в ходе 57-й сессии ГА ООН в Нью-Йорке — и выразили заинтересованность в его продолжении. Перед отлетом В.В.Путина в Нью-Дели Цзян Цзэминь попросил его передать индийскому руководству сердечный привет и наилучшие пожелания.

* * *

Основным итоговым документом саммита, как уже отмечалось, стала российско-китайская Совместная декларация. Для себя мы назвали ее «Россия и Китай в современном мире». В этом, собственно, и заключался *raison d'être* Декларации — раскрыть внутреннюю логику и магистральные пути развития российско-китайских отношений, показать их место в современной системе международных отношений, отразить общие подходы Москвы и Пекина к узловым мировым проблемам, продемонстрировать позитив взаимодействия двух стран в глобальных и региональных делах.

На этапе согласования проекта Декларации стороны договорились, что она должна быть краткой, фиксировать актуальные новые моменты, появившиеся в двусторонних связях и международной ситуации после подписания «Большого Договора», не повторять, но развивать его положения. Однако работа над текстом убедила экспертов в том, что сделать документ одновременно лаконичным и емким очень сложно. Ведь Россия и Китай — это великие мировые державы, имеющие широчайший диапазон интересов. Поэтому было решено ориентироваться на содержание, а не на форму. Тот факт, что изложение новаций двустороннего сотрудничества и общих позиций по злободневным международным проблемам в результате заняло ни много ни мало 13 страниц, говорит сам за себя: российско-китайское стратегическое партнерство — динамично развивающаяся реальность, а не формальная застывшая фраза.

Не будем пересказывать Совместную декларацию — она опубликована в печати, в том числе и в «Проблемах Дальнего Востока», помещена в «Интернете». Ограничимся лишь несколькими комментариями с акцентом на наиболее важных положениях итогового документа саммита.

Прежде всего, Декларация подтвердила безальтернативность курса на развитие стратегического партнерства России и Китая и преемственность российско-китайских отношений, что в условиях начавшейся передачи власти новому поколению китайских руководителей имеет особое значение.

Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве определяется в ней как прочный фундамент двусторонних отношений. Его принципы останутся неизблемыми, "как бы ни менялась международная обстановка и какие бы изменения ни происходили внутри России и Китая".

Следующий момент логически вытекает из предыдущего. Обсудив оставшийся от истории вопрос о прохождении линии российско-китайской границы на двух несогласованных участках, главы государств сошлись во мнении, что в настоящее время сложились благоприятные условия для того, чтобы найти его взаимоприемлемое решение. МИДа́м двух стран поручено в кратчайшие сроки завершить процесс пограничных переговоров. Это означает, что достигнутый уровень взаимопонимания и доверия, готовность учитывать интересы друг друга создали беспрецедентную атмосферу, позволяющую обсуждать и разрешать самые чувствительные, самые серьезные вопросы. А в том, что окончательное решение пограничной проблемы будет иметь для отношений России и Китая историческое значение на стратегическую перспективу, сомневаться не приходится.

Декларация высветила общность взглядов лидеров двух стран по всем основным вопросам российско-китайских отношений и международным проблемам.

В разделе Декларации, посвященном торгово-экономическому сотрудничеству, акцент сделан на необходимости, параллельно с увеличением объемов торговли, улучшения товарной структуры за счет повышения в ней доли продукции высоких технологий, машиностроения и электроники. Это имеет принципиальное значение для преодоления, увы, сохраняющейся, сырьевой направленности российского экспорта в Китай. Весьма важным для нас является заявление китайской стороны о поддержке вступления России в ВТО.

Основательно прозвучала в Совместной декларации тема гуманитарных контактов, приобретающая сегодня, не побоимся повторить это слово, стратегическую важность. В соответствующем разделе нашли отражение и такие беспокоящие российскую сторону вопросы, как сотрудничество в правоохранительной сфере, борьба с нелегальной миграцией, охрана окружающей среды в приграничных регионах.

В самостоятельный раздел вынесена проблематика противодействия терроризму. Это говорит о том значении, которое Россия и Китай придают антитеррористической борьбе. И для Москвы, и для Пекина совершенно очевидно: террористы и сепаратисты Чечни и "Восточного Туркестана" являются составной частью международного терроризма. Россия и Китай будут и впредь поддерживать друг друга в борьбе против этих экстремистских сил.

Весьма солидно выглядит международный раздел Декларации. Достаточно лишь перечислить затронутые в нем проблемы: центральная роль ООН, стратегическая стабильность, нераспространение, права человека, региональные конфликты, ближневосточное урегулирование, Ирак. Что касается последнего, то следует добавить, что именно тесная координация усилий России и Китая в СБ ООН позволила добиться принятия резолюции 1441, открывшей реальные перспективы мирного, политико-дипломатического урегулирования иракской проблемы. Наши страны и сегодня убеждены, что иракская проблема может быть разрешена только политическими средствами на основе неукоснительного соблюдения резолюций СБ ООН, и намерены продолжать совместно работать в этих целях в рамках ООН.

Очевидный приоритет для России и Китая — Шанхайская организация сотрудничества. В Совместной декларации, наряду с положительной оценкой ШОС как одной из опор будущего многополярного мира, обозначены два основных направления деятельности организации на ближайшую перспективу. Первое — завершение институционального становления ШОС, укрепление взаимодействия между ее членами. Второе, не менее значимое, — налаживание обменов и сотрудничества ШОС с другими международными организациями и государствами.

Наконец, впервые в совместном российско-китайском документе выделена и пространно развернута тема взаимодействия двух стран в общем для нас Азиатско-Тихоокеанском регионе. Россия и Китай подтвердили готовность прилагать усилия для создания в АТР многополюсной системы регионального сотрудничества, нацеленной на обеспечение стабильности и безопасности, и конструктивно взаимодействовать в этих целях с другими странами и региональными организациями. Отмечена чрезвычайная важность поддержания безопасности и стабильности в Центральной Азии. Зафиксирована сбалансированная позиция России и Китая по Корейскому полуострову. Налицо единство подходов к афганскому урегулированию. Мы также высоко ценим выраженную китайской стороной готовность оказать России необходимое содействие в установлении связей с объединением «АСЕАН + 3» и поддержку Пекином нашего стремления присоединиться к форуму «Азия-Европа» (АСЕМ).

* * *

После официальных переговоров глав государств состоялась беседа В.В.Путина с Ху Цзиньтао — преемником Цзян Цзэминя на высшем партийном посту. К слову сказать, отдельно встретиться с новым Генсеком ЦК КПК российскому президенту порекомендовал сам Цзян Цзэминь.

Согласно китайской поговорке — “в первый раз лишь представились друг другу, а во второй — обшались уже как старые друзья”, это и впрямь была встреча хороших знакомых. Впервые они познакомились в Кремле 27 октября 2001 г. во время краткого рабочего визита Ху Цзиньтао в Россию. Беседовали тогда широко и предметно, обсуждали перспективы развития российско-китайских отношений, проблемы борьбы с терроризмом, ситуацию в Афганистане. Особенно благоприятное впечатление на всех участников той первой беседы произвела уверенная и в то же время доброжелательная манера Ху Цзиньтао держаться. Он говорил “без бумажки”, демонстрируя прекрасное владение как существом вопросов двустороннего сотрудничества, так и международной проблематикой.

Напрасно считают некоторые на Западе, что Ху Цзиньтао, в отличие от его предшественников — “политик с холодным сердцем”, не питающий никаких сантиментов к нашей стране. В беседе с В.В.Путиным он сам развеял этот придуманный некоторыми журналистами «миф». “Я, — вспоминал Ху Цзиньтао, — рос и воспитывался на лучших образцах русской классики и советской литературы. Из школьных учебников, художественных произведений, кинофильмов и спектаклей я узнал, что Россия — великая держава, а российский народ — великий народ. Несмотря на то, что я раньше никогда не бывал у вас, Россия не является для меня незнакомой страной.”

Ху Цзиньтао прошел большую жизненную школу, работал на самых различных должностях и в Пекине, и в провинциях Китая. В конце 70-х годов он выдвинулся на руководящие должности в молодежной организации провинции Ганьсу — в то время одного из самых слаборазвитых районов КНР, в 1982 г. был избран первым секретарем ЦК Коммунистического союза молодежи

жи Китая. Жизнь бросала Ху Цзиньтао на самые трудные участки работы — в середине 80-х годов он “вытягивает” из бедности отсталую провинцию Гуйчжоу, в конце 80-х — содействует политическому и экономическому прогрессу в высокогорном Тибете. Умение справляться с трудностями выдает в новом китайском руководителе отличную закалку, полученную в годы юности.

В.В.Путин и Ху Цзиньтао — люди почти одного поколения. Китайцы с гордостью говорят о своем молодом (по китайским меркам) лидере, хотя и не скрывают, что для их страны это не совсем обычно. Видимо, это обстоятельство тоже помогает руководителям России и Китая лучше понимать друг друга, легче находить общий язык. По крайней мере их встреча 2 декабря 2002 г. в Пекине прошла в очень конструктивной обстановке. Продолжалась она примерно полтора часа и была отнюдь не похожа на протокольную беседу. Спектр обсуждавшихся тем — от вопросов торгово-экономического сотрудничества до острых сюжетов мировой политики, где центральное место занимали проблемы Ирака и Корейского полуострова. Чувствовалось, что оба собеседника остались довольны выявившимся в ходе дискуссии созвучием подходов.

Кстати, 25 декабря Ху Цзиньтао исполнилось 60 лет — знаменательный для любого китайца юбилей, завершение одного космологического цикла и начало следующего. В.В.Путин направил Генсеку ЦК КПК теплую поздравительную телеграмму: “Хотел бы, следуя китайским традициям, пожелать Вам долголетия, сравнимого с южными горами, и счастья, подобного восточным морям.” Непосредственно в день рождения Ху Цзиньтао наш президент поздравил именинника по телефону, а с okazjiей — как раз в это время на переговорах в Пекине находился заместитель Министра иностранных дел России А.Е.Сафонов — передал подарок. Это был написанный маслом великолепный, типично русский пейзаж, о котором юбиляр, по его собственному признанию, давно мечтал.

* * *

Но вернемся к российско-китайскому саммиту. Здесь тоже не обошлось без презентов — друзья и соседи не ходят друг к другу в гости с пустыми руками. В.В.Путин захватил с собой и на первой же беседе вручил Цзян Цзэминю великолепно оформленный «подарочный» экземпляр первого тома российского издания его книги «О социализме с китайской спецификой». Автор был искренне тронут.

Книга «О социализме с китайской спецификой» вышла в Китае в преддверии XVI съезда КПК как теоретическое наследие мудрого политика, завершающего свое озаглавленное немалыми достижениями и стабильностью в стране пребывание в должности Генерального секретаря ЦК КПК. В нашей стране сборником заинтересовались, он был в считанные недели переведен на русский язык и издается при поддержке компании «ЮКОС» и под эгидой Института Дальнего Востока РАН в трех томах. Первый том был выпущен как раз накануне визита В.В.Путина в Китай, второй и третий увидят свет в недалеком будущем.

Откуда такой огромный интерес? Прежде всего, у нас всегда живо интересовались тем, как живет и развивается великий восточный сосед. Общность судеб России и Китая в XX столетии и несходство путей, которыми пошли наши страны на его излете, до сих пор не дают покоя российским интеллектуалам, не устающим спорить о применимости у нас «китайского опыта». В самом же Китае реформы Дэн Сяопина дали весьма ощутимые результаты, и это тоже повод вчитаться в содержание книги. Ведь она представляет собой самое полное издание в России выступлений и статей Цзян Цзэминя за те тринадцать с лишним лет, что он возглавлял Компартию Китая. Собранные в книге высказывания китайского лидера по широчайшему кругу проблем внутренней и внешней политики КНР ценны для российского читателя прежде

всего тем, что дают возможность комплексно и в исторической динамике познакомиться с сегодняшним Китаем, с его успехами и проблемами.

Но не только. Из стройных рассуждений и отдельных цитат вырастает образ крупного государственного деятеля современности, с 1989 г. руководившего практической, повседневной работой по претворению в жизнь политики экономических реформ и всесторонней модернизации огромной страны. "Эта книга человека, — заметил В.В.Путин во время встречи со студентами Пекинского университета, — уважаемого не только в этой стране, но и у нас в России, человека, которого очень любят во многих странах мира." Личность Цзян Цзэминя действительно привлекает к себе самое пристальное внимание во всем мире. Тем более что, по нашему убеждению, он и в дальнейшем, несмотря на предстоящий уход с поста Председателя КНР, будет играть важную роль в политической жизни Китая.

Китайские друзья, надо сказать, в долгу не остались, издав у себя сборник выступлений и интервью В.В.Путина в китайском переводе. Роль «застрельщика» этого начинания взял на себя Институт стран Восточной Европы и Центральной Азии Академии общественных наук КНР. Презентация сборника в Пекине была приурочена к российско-китайской встрече в верхах. Символическая деталь: русскоязычное издание книги "О социализме с китайской спецификой" предваряется обращением Цзян Цзэминя к россиянам, а сборник выступлений В.В.Путина — его кратким предисловием, адресованным китайскому читателю.

* * *

Несколько слов еще о двух важных мероприятиях визита.

3 декабря В.В.Путин посетил Пекинский университет и выступил перед студентами и преподавателями этого головного китайского вуза. Российского президента, вопреки протоколу, сопровождал сам Председатель КНР. И поэтому, обращаясь к собравшимся (был полный аншлаг), В.В.Путин начал с того, что напомнил о состоявшемся полтора года назад выступлении Цзян Цзэминя в Московском университете — выступлении ярком и интересном, причем сделанном по-русски, выступлении, на котором также присутствовал глава российского государства.

Учитывая подготовленность аудитории, В.В.Путин затронул много серьезных тем: Россия, Китай и современный мир, задачи внутреннего развития и внешней политики обеих стран, будущее российско-китайских отношений. Правильность взятой президентом тональности подтвердили вопросы студентов. Спрашивали об отношениях России с США и НАТО, о ситуации в Центральной Азии и в районе Каспийского моря.

Президент отметил, что на наших странах, — постоянных членах СБ ООН — лежит особая ответственность за подержание международного мира и безопасности. Тем более велика роль России и Китая сейчас, когда перед мировым сообществом встает цель придать процессам глобализации управляемый и прогнозируемый характер. У нас общие задачи: борьба с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом, предупреждение региональных конфликтов, противодействие транснациональной преступности, обеспечение стабильности в Азии.

При этом В.В.Путин подчеркнул, что в реализации указанных задач необходимо опираться на нормы международного права, руководствоваться целями и принципами Устава ООН, а кризисные ситуации решать при помощи политико-дипломатических методов и в рамках решений СБ ООН. "Пренебрежительное отношение к международным соглашениям и договоренностям абсолютно недопустимо, — заявил президент. — Как недопустима и практи-

ка “двойных стандартов”, попытки односторонних силовых решений. И здесь наши с Китаем внешнеполитические подходы и приоритеты абсолютно совпадают.”

Характеризуя российско-китайские отношения сегодня, В.В.Путин назвал сотрудничество двух стран, в которое вовлечены миллионы людей, “многоуровневой системой контактов, обменов и связей в самых различных областях”. Он призвал постоянно подпитывать этот “живой организм” новыми идеями и инициативами.

Особое внимание в выступлении перед китайской общественностью президент уделил вопросу российско-китайского сотрудничества в гуманитарной сфере. Он, в частности, выделил инициативу создания совместных учебных заведений. Одним из застрельщиков здесь выступает Пекинский университет, организовавший с МГУ совместную аспирантуру.

Показателен один из вопросов, заданных В.В.Путину из зала, — о том, как россияне и сам президент знакомятся с Китаем, китайской культурой. По наблюдениям главы государства, сегодня у молодежи растет интерес к Китаю вообще и к китайской культуре в частности. В качестве примера президент привел собственных дочерей, которые увлекаются китайской разновидностью восточных единоборств — ушу, а одна из них недавно начала изучать китайский язык.

“Сажены дружны, которые возрастили наши народы, — сказал В.В.Путин, обращаясь к китайской молодежи, — уже превратились в могучие деревья. Я уверен, что вы не только по достоинству оцените результаты того, что уже сделано, но и сами положите начало многим добрым делам, которые послужат на благо наших великих народов”.

На всех сопровождавших Президента России во время его выступления в Пекинском университете большое впечатление произвел и тот факт, что многотысячная аудитория живо реагировала на высказывания российского руководства еще до их перевода на китайский язык — так много людей в Китае хорошо понимают русский язык. Надо сказать, что и на этот раз отличились блестящие переводчики с российской и китайской сторон, представители молодого поколения китаистов в России и русистов в Китае — Д.Я.Палецкий и Пяо Янфань.

Пока В.В.Путин обсуждал со своими китайскими партнерами государственные дела, супруга российского президента занималась важными вопросами культуры и образования: в Посольстве России в КНР Людмила Александровна встретила с китайскими русистами.

В Китае не только сохраняется, но в последние годы и заметно повышается интерес к России, ее культуре и языку. Свидетельством тому был состав участников встречи. Здесь были представители трех созданных решением межправительственной Комиссии по гуманитарному сотрудничеству Центров русистики — пекинского, шанхайского и харбинского, Китайской ассоциации преподавателей русского языка, кафедр русского языка ведущих китайских вузов и школы «Гуанда» из провинции Чжэцзян — единственной в КНР средней школы с углубленным изучением русского языка. Маститые, седовласые русисты сидели в зале рядом с юными школьниками и студентами, перед которыми мир русской культуры только начинает раскрываться.

Университетские таланты подготовили для Л.А.Путиной небольшую концертную программу, которая произвела на зрителей неизгладимое впечатление. Женский хор спел «Зимний сон» не хуже, чем сама Алсу, а «Письмо Татьяны» в исполнении китайской студентки было настолько проникновенным, что, по признанию Людмилы Александровны, она на какое-то время даже забыла, что находится в Китае.

Супруга Президента России тепло поблагодарила участников встречи за их самоотверженные усилия по изучению и распространению русского язы-

ка. Центрам русистики и школе «Гуанда» были вручены, быть может, самые нужные для них подарки — наборы русских книг и видеофильмов.

* * *

Визит В.В.Путина в Китай не только подытожил весьма плодотворный предыдущий период в российско-китайских отношениях, но и поднял “занавес” нового этапа, открыл собой 2003 год. Планов на этот год, как сказал бы поэт, “громадье”. Главы двух государств сказали об этом более конкретно, согласовав программу совместных действий на ближайшую перспективу.

В наступившем году мы станем свидетелями целой серии российско-китайских контактов на высшем уровне. Начнем с того, что настает черед Председателя КНР посетить Россию с официальным (а точнее — с государственным, поскольку в марте этого года в КНР ожидается избрание нового главы государства) визитом. Такое приглашение было сделано нашим президентом в дни его пребывания в Пекине. В конце мая текущего года Санкт-Петербург отметит 300-летие со дня своего основания. На юбилейные мероприятия приглашен, естественно, и китайский лидер. Помимо этого руководители двух стран по традиции встретятся на саммите ШОС, который на этот раз планируется в Алма-Ате, и на саммите АТЭС в Бангкоке.

Предусматривается расширение межпарламентских связей. Приглашение посетить КНР с визитом имеется у Председателя Совета Федерации российского парламента.

Много предстоит сделать в области торгово-экономического сотрудничества. 8-я регулярная встреча глав правительств России и Китая пройдет в этом году в Москве. Ей, как обычно, будут предшествовать заседания всех двенадцати специализированных подкомиссий. Центральное место займут здесь определение путей повышения «КПД» торгово-экономических связей, проработка вопросов участия России в освоении западных районов Китая.

Ключевой задачей в области гуманитарных связей видится развитие контактов между людьми и укрепление социальной базы российско-китайских отношений, стороны будут работать над формированием нового состава и совершенствованием методов деятельности совместного “Комитета XXI века”, развитием сотрудничества в области образования, средств массовой информации. Это крайне важно, поскольку в некоторых российских изданиях нет-нет да мелькают стереотипы из набора отжившей эпохи — «потенциальная угроза» со стороны Китая, «сохраняющиеся противоречия» в международных делах, «массовое заселение китайцами» Сибири и т.д. Между тем все эти популистские рассуждения не имеют никакой связи с реальностью, поскольку наши беды в основном вызываются нашей собственной неорганизованностью и даже безалаберностью на местах. «Большой Китай» — это наш большой друг на длительную перспективу. Так же как и «сильная Россия» — явно в интересах Китая. А вместе Россия и Китай и их стратегическое партнерство — один из важнейших факторов обеспечения международного мира и стабильности.

В 2003 г. будет продолжено, причем в еще более интенсивном режиме, внешнеполитическое взаимодействие России и КНР, нацеленное на укрепление центральной роли ООН и ее Совета Безопасности, обеспечение верховенства Устава ООН и примата международного права, урегулирование в «горячих точках». На первый квартал этого года запланирован визит в Китай Министра иностранных дел России И.С.Иванова. В Пекине пройдут консультации по стратегической стабильности, в Москве — 4-е заседание Рабочей группы по борьбе с терроризмом. Большая работа ждет нас на «шосовском» треке. Предстоит завершить формирование Секретариата ШОС в Пекине, запустить механизм РАТС,

штаб-квартира которой будет располагаться в Бишкеке. Подписан и уже начал выполняться План консультаций между МИД России и МИД КНР на 2003 год. Примечательно, что в нем несколько десятков позиций, а это означает, что сегодня взаимодействие осуществляется между всеми основными подразделениями внешнеполитических ведомств двух стран практически в каждом регионе.

Конечно, в процессе роста российско-китайских отношений не могут не возникать новые вопросы и проблемы. Это естественно. Да и возможно ли вообще отсутствие различий между такими крупными странами-соседями, как наши? Некоторые вопросы были упомянуты выше. Добавим к ним такие, как проблема управления миграционными процессами, перерегистрация на Россию собственности бывшего СССР в Китае и связанное с этим открытие новых генконсульств России в КНР и Китая — в России, приглашение российских буддистов в адрес Далай-ламы посетить нашу страну с пастырским визитом. Но все эти вопросы вполне могут быть решены на основе взаимного сочетания интересов и в условиях благоприятного развития политических отношений между Россией и Китаем.

Итак, задачи поставлены, установки сформулированы. Древнекитайскому полководцу Чжугэ Ляну приписывают слова: "Все готово, не хватает только попутного ветра". В нашем случае есть и ветер, наполняющий паруса российско-китайских отношений, — это совпадение коренных национальных интересов двух стран и народов, великих соседей и крупных мировых держав.

* * *

Открывая пресс-конференцию по итогам российско-китайских переговоров, В.В.Путин с удовлетворением отметил: "Мы не только подвели итог развитию двусторонних связей за последние годы и констатировали, что вышли на совсем другой качественный уровень, не только преодолели за эти годы разногласия, но и стали по-настоящему стратегическими партнерами, наметили перспективы развития наших отношений".

Думается, что этот вывод не только служит высокой оценкой того, что было сделано за прошедшие годы, но и указывает на необходимость активизации работы по насыщению формулы стратегического партнерства между Россией и Китаем еще более конкретным содержанием. Новое качество отношений должно быть максимально использовано для решения практических задач, стоящих перед обеими странами. Поэтому впереди нас ждет, быть может, еще более трудная, чем до сих пор, работа — каждодневные, неустанные и кропотливые усилия по развитию контактов и сотрудничества между государствами, различными ветвями власти, министерствами и ведомствами, регионами, деловыми кругами, деятелями науки, культуры и искусства, простыми людьми — все это ради процветания России и Китая, повышения их позитивной роли в мировых делах.

Наши главные ориентиры в развитии российско-китайских отношений — это продолжение интенсивного и доверительного политического диалога, расширение и углубление взаимовыгодного экономического сотрудничества, наращивание взаимодействия в международных делах, укрепление дружбы между народами двух стран. Визит Президента России В.В.Путина в КНР в декабре 2000г. проложил к этим ориентирам четкий маршрут, и этой «дорожной карты» нам предстоит твердо держаться в предстоящие годы.

Россия-Китай-Индия: перспективы трехстороннего сотрудничества

© 2003

Г. Яскина

В 1990-е годы политика России на Востоке была преимущественно сконцентрирована на азиатской части Тихоокеанского региона, прежде всего на отношениях со странами Восточной Азии. Соответственно, основное внимание российских и многих западных исследователей до настоящего времени было приковано к Восточной Азии, ее двум основным субрегионам — Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии, входящим в Азиатско-Тихоокеанский регион, который объединяет Восток и Запад. Гораздо меньше внимания уделялось Южной Азии, в том числе роли Индии в региональных и глобальных процессах, видимо, как страны, расположенной вне границ АТР. Однако потребность в этом ощущается все острее: Индия является одним из влиятельных региональных центров, темпы роста ее экономики, хотя и отстают от китайской, но все равно достаточно высоки, а от ее внешней политики во многом зависят мир и стабильность в Азии. Решение современных глобальных и региональных проблем требует координации усилий со стороны, прежде всего, крупных и влиятельных азиатских государств. В России об этом помнят: мысль о возможности тесного трехстороннего взаимодействия между Россией, Китаем и Индией выдвигалась еще в «перестроечное время» Михаилом Горбачевым и Эдуардом Шеварднадзе. Идея о возможности создания «стратегического треугольника Москва — Дели — Пекин» была предложена министром иностранных дел РФ Евгением Примаковым во время его визита в Индию в декабре 1998 г. Однако вопрос о том, насколько вероятно в настоящее время оформление такого «треугольника» и какой характер может быть ему придан, остается пока открытым. В конце 1990-х гг. за этой идеей угадывалась надежда создать в Азии такую систему международных отношений, которая могла бы успешно противостоять экспансионистским устремлениям Запада, способствовать стабилизации обстановки на Балканах, сдерживать продвижение НАТО на Восток и т. п. Видимо, считалось, что «треугольник» Россия — Китай — Индия мог бы сформироваться на антизападной платформе. Но после известных драматических событий 11 сентября 2001 г. в США ситуация в мире существенно изменилась, заставив мировое сообщество сосредоточить внимание на развертывании борьбы с международным терроризмом и предотвращении возможного применения фундаменталистами оружия массового поражения. Антитеррористическая политика Белого дома встретила поддержку Кремля, следствием чего стало смягчение российской позиции в отношении НАТО, а НАТО в отношении России. Пекин, после того как натовская авиация разбомбила китайское посольство в Белграде, добившись от Вашингтона финансовой компенса-

ции и при его поддержке обеспечив ускорение приема КНР в ВТО, заметно снизил уровень антиамериканской пропаганды.

Вместе с тем происходит дальнейшее укрепление отношений российско-китайского «равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия», не предусматривающих вступление России и Китая в какой-либо союз, как между собой, так и с другими странами. Данный подход прослеживается во внешнеполитической деятельности этих государств, а также и Индии и отражен в официальных документах, определяющих их внешнюю политику. Он зафиксирован в договорах, соглашениях и совместных заявлениях РФ, КНР и Республики Индии, например, в статье 8-й Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, заключенного в Москве 16 июля 2001 г¹, в Совместной декларации КНР и РФ, подписанной 2 декабря 2002 г. в Пекине по итогам переговоров между президентом РФ Владимиром Путиным и председателем КНР Цзян Цзэминем. В ней стороны подчеркнули, что «дружественные отношения двух стран являются межгосударственными отношениями нового типа, строящимися на основе не вступления в союз, не конфронтационности и не направленности против третьих стран»².

Важной вехой в развитии взаимоотношений России и Индии стало подписание Москвой и Дели в октябре 2000 г. Декларации о стратегическом партнерстве. Этот акт свидетельствует о высоком политическом уровне российско-индийских отношений и отсутствии намерений вступить в военный союз. Позиция России и Индии по вопросу о союзе трех государств еще раз была твердо обозначена на московских переговорах президента РФ Владимира Путина и премьер-министра Индии Атала Бихари Ваджайи в ноябре 2001 г. В ходе этой встречи российский президент подчеркнул, что «неуместно было бы говорить о попытках этих трех стран сформировать новую ось или полюс противодействия другим мировым группировкам. Координация усилий России, Индии и Китая нацелена исключительно на выработку адекватных ответов на новые вызовы экстремизма и терроризма»³.

Таким образом, позиция всех трех государств относительно вступления в военный или какой-либо другой союз, направленный против других стран или международных группировок, достаточно ясна и закреплена в документах, регулирующих двусторонние отношения России с Китаем и Индией. Несмотря на беспокойную обстановку в мире в целом и в Азии, в частности, такая задача для России, Китая и Индии сейчас не актуальна, а главное, эта идея в Китае и Индии едва ли популярна. Кроме того, создание подобного союза могло бы привести к дестабилизации международной обстановки, поскольку, несомненно, вызвало бы резкую реакцию со стороны Запада. Вместе с тем, на наш взгляд, есть определенные основания для того, чтобы укреплять трехстороннее сотрудничество, постепенно придавая ему системный характер, то есть характер длительного и полезного взаимодействия на базе общности интересов этих стран в Азии. Во-первых, все три государства, являясь ведущими державами азиатского континента (Россия как евразийская страна), в которых сегодня в совокупности проживает чуть меньше половины населения Земли, активизируют свою роль в формировании международного баланса сил и установлении режима безопасности в Азии.

Во-вторых, интересы глобального мира и стабильности на нашей планете требуют объединения усилий стран в любой конфигурации: двусторонней, многосторонней, региональной, международной. В этих условиях создание трехсторонней системы долгосрочного сотрудничества политического характера, нацеленной на координацию действий России, Китая и Индии в борьбе мирового сообщества против терроризма, сепаратизма и религиозного экстремиз-

ма, распространения наркотиков, — явлений, представляющих серьезную угрозу безопасности суверенных государств, миру и стабильности в глобальном охвате, представляется перспективным. Важным является и взаимодействие в таких сферах, как предотвращение экологических бедствий и борьба с их последствиями, установление барьеров против нелегальной иммиграции и пр. Особо значимым направлением должно стать развитие и укрепление общих позиций по проблемам ядерных вооружений, включая создание безъядерных зон в АТР.

В-третьих, на первый план начинает выступать торгово-экономическое сотрудничество, в процессе которого стороны могут с выгодой для себя реализовывать свои прагматические интересы. Россия, Китай и Индия способны оказать друг другу существенную помощь и сыграть более важную роль в развитии региональных интеграционных процессов, поддерживая реализацию крупных экономических проектов, например, в Юго-Восточной Азии, субрегионе, где каждая из трех стран имеет свои особые экономические и геополитические интересы.

Однако уровень развития отношений между Россией и Китаем, Россией и Индией пока значительно выше, чем уровень отношений между Китаем и Индией, хотя в последнем случае наблюдаются вполне определенные позитивные сдвиги. Существуют и особенности международного положения каждой из этих трех стран, требующие их учета при разработке принципов системы тройственного взаимодействия. С этой точки зрения важно иметь в виду, какие отношения сложились на сегодняшний день между Россией и Китаем, Россией и Индией, Китаем и Индией и значение этих двусторонних отношений для создания тройственной системы взаимодействия. Охарактеризуем их коротко.

Российско-китайские отношения

Наиболее продвинутой стороной тройственной системы взаимодействия сегодня, безусловно, являются российско-китайские отношения. Китай представляет собой мощную региональную державу, которая быстрыми темпами превращается в державу мирового ранга. В докладе Цзян Цзэминя на XVI Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 19 ноября 2002 г. было отмечено, что по количественным показателям экономики в целом Китай занял шестое место в мире. В мировом ВВП ему принадлежит 12,1%.⁴ В 2001 г. китайский ВВП составил 9593,3 млрд юаней. Это значит, что уровень 1989 г. был превзойден более чем в три раза при ежегодном среднегодовом темпе роста в среднем на 9,3%. Предсъездовский период съезд назвал временем «заметного роста международного влияния и небывалого повышения национальной сплоченности»⁵. Что касается России, то она постепенно преодолевает негативные последствия экономического кризиса 1998 г.: в 2001 г. ее ВВП вырос на 5%, а в первом полугодии 2002 г. — примерно на 4%.⁶ В 2001 г. удельный вес России в мировом ВВП составлял 2,6%.⁷ По мере улучшения экономической ситуации в России создаются условия для интеграции страны в азиатскую экономику, повышения ее роли в АТР. Об этом, в частности, свидетельствуют результаты последних визитов президента РФ Владимира Путина и главы российского правительства Михаила Касьянова в ряд азиатских государств, а с другой стороны — визитов в Москву лидеров многих азиатских стран. Большое значение в России придают упомянутому выше Договору о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР. Российская Федерация и Китайская Народная Республика решили практически все территориальные споры по границе. 23 ноября 1998 г. руководители России и Китая приняли Совместное заявление о российско-китайских пограничных вопросах. В результате установлена, юридически оформлена и демаркирована российско-китайская грани-

ца почти на всей ее протяженности. РФ и КНР инициировали организацию «Шанхайской пятерки» (теперь «Шанхайская организация сотрудничества») и способствуют расширению ее рядов; они успешно взаимодействуют на уровне международных организаций и т. д.

Важным направлением российско-китайского сотрудничества на международной арене было выступление против планов США по созданию национальной противоракетной обороны (НПРО) и разработки совместно с Японией системы противоракетной обороны театра военных действий (ПРО ТВД) в Северо-Восточной Азии. Москва и Пекин солидарны, оценивая подобные действия США как способные подорвать существующую систему контроля над вооружениями, подтолкнуть ядерные «де-факто» державы Индию и Пакистан⁸ к совершенствованию их потенциалов ядерного оружия. Переход США к созданию НПРО вызвал неодобрение России и Китая.

Отношения стратегического партнерства установились между Москвой и Пекином на основе общности политических интересов, включая такие вопросы, как расширение НАТО, кризис на Балканах, ситуация в Чечне и ряд других. Они исключают создание военного союза между собой, что диктуется новой международной обстановкой. В 1950-е годы Москва и Пекин вступили в военный союз против Запада, что облегчалось тем обстоятельством, что СССР и КНР экономически не были с ним тесно связаны. В настоящее время ситуация радикально иная. И Россия, и Китай не только связаны с Западом, но и в известной степени зависимы от него. Так, России важны иностранные инвестиции; Китаю, помимо инвестиций, нужны западные рынки. В этом случае выделяется такая проблема, как дальнейшее развитие российско-китайских торгово-экономических отношений. Объем торгового оборота между РФ и КНР постепенно увеличивается: в 1998 г. он составил 6 млрд долл., в 2000 г. — 8 млрд, в 2001 г. — почти 10 млрд долл. США⁹. Но до намеченной планки в 20 млрд долл. еще далеко. Пока же российско-китайский товарооборот в десятки раз меньше товарооборота КНР с Соединенными Штатами и Японией. Многие авторитетные эксперты считают инвестиционное сотрудничество России и Китая перспективным. Реальными представляются также миллиардные газо- и нефтепроекты. Активно ведется военно-техническое сотрудничество. Российские поставки вооружений в Китай — весомая составляющая российско-китайских торговых отношений. КНР ежегодно закупает у России вооружений на сумму 1,5-2 млрд долл.¹⁰ И эта форма сотрудничества, видимо, будет развиваться. В ракетных и ядерных технологиях КНР, по оценкам, отстает от России на 20-25 лет, однако стремится ликвидировать отставание, вкладывая в ракетные технологии значительные средства¹¹. Поэтому вполне вероятно, что рынок высоких военных технологий в Китае может быть шире открыт для России. Вместе с тем за счет увеличения экспорта вооружений вряд ли возможно компенсировать отставание в плане наращивания объемов двустороннего торгово-экономического взаимодействия путем взаимных поставок товаров гражданского назначения и капиталовложений¹². Необходимо признать, что торгово-экономическое сотрудничество между РФ и КНР все еще находится в положении отстающего относительно достигнутого высокого уровня политических отношений между Москвой и Пекином. Поэтому стратегическое партнерство России с Китаем ограничивается важными, но все-таки отдельными политическими вопросами. Наращивание объемов торгово-экономического сотрудничества сделает партнерство более комплексным и полнокровным. Китайские аналитики дают весьма оптимистичные оценки нынешним отношениям между КНР и Россией, а также их перспективам, в том числе экономическим отношениям, квалифицируя их как новую современную модель, закрепившую уже полученные результаты и открывающую возможность дальнейшего углубле-

ния сотрудничества в разных областях. При этом сферы сотрудничества они определяют таким образом: реализация общих важных интересов в АТР; углубление потенциала экономического сотрудничества; раскрытие всех возможностей двустороннего стратегического взаимодействия¹³. В том же плане декларирует свои позиции и официальный Пекин. Следовательно, в системе трехстороннего сотрудничества «Россия — Китай — Индия» российско-китайский вектор способен сыграть решающую роль.

Российско-индийские отношения

Индия по всем объективным показателям (величина населения и размер территории, ресурсы, экономический, научно-технический и военный потенциалы) занимает центральное положение среди стран Южной Азии¹⁴. Особенностью геополитической структуры Южно-Азиатского субрегиона является специфика связей между входящими в него государствами, каждое из которых граничит с Индией. Причем все они объективно тяготеют к Индии как к центру и связующему их звену. В условиях фактической несопоставимости южноазиатских государств по их масштабу и весу в международных делах любые попытки внешних сил поддержать малые страны в противоборстве с индийским «экспансионизмом» в регионе, в том числе с помощью наращивания военного потенциала Пакистана, равнозначны нарушению реально существующего баланса сил в Южной Азии. Они могут привести к дестабилизации там политической обстановки.

В своем политическом активе последнего времени Россия и Индия имеют, помимо Декларации о стратегическом партнерстве (октябрь 2000 г.), Московскую декларацию о борьбе с международным терроризмом, Заявление о стратегической стабильности (ноябрь 2001г.) и, наконец, Делийскую декларацию о дальнейшем упрочении стратегического партнерства между РФ и Индией. В подписанной президентом Путиным и премьером Ваджпайи Делийской декларации Россия взяла на себя обязательство не предпринимать каких-либо действий, которые могли бы поставить под угрозу безопасность другой стороны, в том числе в сфере военно-технического сотрудничества с третьими странами. Это положение может быть истолковано не только, как обещание не поставлять оружие Пакистану, но и как солидарность России с Индией по вопросам ее взаимоотношений с Пакистаном. Стороны подчеркнули важность «полного выполнения Исламабадом всех его обязательств и обещаний по предотвращению проникновения террористов через линию контроля в штат Джамму и Кашмир и в другие точки на границе, а также по уничтожению террористической инфраструктуры в Пакистане и на подконтрольной Пакистану территории»¹⁵.

Таким образом, во время последнего визита В. Путина в Дели стороны продемонстрировали единство практически по всем политическим вопросам¹⁶, но высказали неудовлетворенность крайне низким уровнем торгово-экономических отношений¹⁷. Действительно, это сотрудничество между Россией и Индией развивается еще медленнее, чем российско-китайское — в объемах, не отвечающих возможностям двух государств. Во внешнеторговом обороте Индии Россия занимает всего 1,2%. Товарооборот двух стран в 2000 г. оценивался в 1,6 млрд долл. США. В первые два года нового столетия он составлял в среднем по 1,5 млрд долл., причем за первое полугодие 2002 г. сократился на 3% по сравнению с аналогичным периодом 2001 г. К тому же Индия не погасила оставшийся с советских времен свой долг России, который на сегодняшний день составляет примерно 5 млрд долл. США. Во время визита российского президента в Индию Внешэкономбанк и индийский Капара-банк подписали

соглашение, наметившее открытие кредитной линии Внешэкономбанку для финансирования импорта индийских товаров на сумму 10 млн. долл. США¹⁸.

Индийские инвестиции в российскую экономику также в несколько раз меньше, чем китайские капиталовложения в России. В 1999 г., например, первые составляли 185 тыс. долл., вторые — 28,7 млн долл.¹⁹. Но двустороннее инвестиционное сотрудничество имеет неплохой прогноз на будущее, связанный с предполагаемыми индийскими инвестициями в проект Сахалин-1. Кроме того, сторонами рассматривается возможность инвестирования в индийские предприятия выплачиваемых Индией в счет государственного долга (в рупиях) средств с передачей российским компаниям соответствующих долей уставного капитала индийских компаний. Большое место в торговле двух стран занимает продажа Россией Индии вооружений и военной техники (ВВТ), которые были и остаются традиционно основной статьей российского экспорта в эту страну. Ежегодные поставки ВВТ из России в Индию составляют 1-1,2 млрд долл. США. Импорт российских ВВТ позволяет удовлетворять две трети оборонных потребностей Индии. Это свидетельствует о высокой степени доверительности российско-индийских отношений. Однако прагматические интересы с индийской стороны проявляются не менее четко. Тяжелое положение российского оборонно-промышленного комплекса ведет к тому, что цены на его продукцию, предлагаемые индийской стороной, занижаются до предела. По вопросам продажи ВВТ Индии в России существуют разные точки зрения, причем они зачастую соседствуют друг с другом на страницах одного и того же печатного издания. Так, некоторые специалисты считают, что у индийцев нет альтернативы российским вооружениям и технике: их поставки не зависят от политических факторов, они дешевле, например, американских ВВТ, надежнее в эксплуатации, так как могут работать при больших перепадах температуры²⁰. Другие полагают, что «в отличие от Китая, Индия вполне может без проблем позволить себе диверсифицировать источники пополнения своего арсенала — за счет западного и израильского оружия. Что она с успехом делает уже сегодня»²¹. Вторая точка зрения представляется более реалистичной. После отмены США санкций против Индии индийско-американское сотрудничество развивается быстрыми темпами, в том числе, в области разработки совместных военных проектов. Индия намеревается закупать в США не только передовые электронные системы, но и военно-транспортные самолеты С-130 Hercules, аналога и конкурента российского самолета МТА, разрабатываемого совместно Иркутским авиаобъединением, ОКБ Ильюшина и индийской корпорацией Hal²². Появление США на индийском рынке вооружений и военной техники может составить России серьезную конкуренцию.

В феврале 2002 г. прошло очередное (8-е) заседание российско-индийской комиссии по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству и комиссии по военно-техническому взаимодействию. Стороны вплотную подошли к началу реализации совместного проекта Сахалин-1 и договорились об участии российского «Газпрома» в поисках месторождений природного топлива на шельфе в Бенгальском заливе. Кроме того, Россия и Индия очертили контуры объединения усилий сторон в создании транспортного коридора от Индии через Иран и Каспийское море в Россию и далее в Европу. Москва и Дели договорились также о совместной разработке и производстве многоцелевого самолета на базе ИЛ-214²³. И впредь, как провозглашено в Делийской декларации, странам предстоит уделить особое внимание экономической составляющей двусторонних отношений. Укрепление и быстрое развитие индийской экономики открывает новые возможности для внешней торговли, в том числе с Россией и Китаем. В настоящее время страна производит 4,7% мирового ВВП²⁴. В 1998 г. темпы роста ВВП Индии составляли 5,6%, в

1999 г. — 5,2, в 2000 г. — 5,1%.²⁵ В 2000 г. индийский ВВП вырос на 32,1% по сравнению с 1995 г.²⁶ Это значит, что Индия будет нуждаться в расширении внешних рынков. И с этой точки зрения, российский и китайский рынки представляют для нее стратегический интерес.

Китайско-индийские отношения

Китайско-индийский вектор — слабое звено в предполагаемой системе трехсторонних отношений, поскольку Китай и Индия являются традиционными геополитическими конкурентами. Одной из причин разлада между СССР и КНР в начале 1960-х гг. был отказ советского руководства поддержать Китай в его конфликте с Индией²⁷. Ситуация в Тибете в конце 1950-х гг., поражение Индии в пограничном конфликте с Китаем в 1962 г. и сохранение территориального спора в дальнейшем, превращение Китая в ядерную державу в 1964 г., продолжение конфронтации в 1960-е гг. послужили для Индии аргументами в пользу создания собственного ядерного потенциала. И, напротив, стабилизация индийско-китайских отношений в 1980-х гг. была одной из причин паузы между первым и последующими индийскими ядерными испытаниями. Визит в Индию председателя КНР Цзян Цзэминя осенью 1996 г. стимулировал нормализацию отношений Китая и Индии, чему в немалой степени способствовали усилия России, заинтересованной в погашении индийско-китайского конфликта. Но результаты визита не принесли ощутимых изменений в плане сокращения индийской и пакистанской ракетно-ядерных программ. В Индии убеждены, что пакистанские ядерные устройства созданы при непосредственном участии китайских специалистов и с помощью китайских технологий, хотя признанные эксперты из других стран высказывают иные точки зрения на этот счет²⁸. Сейчас индийско-китайские отношения меняются в лучшую сторону, и Китай более не выступает с критикой решения Индии «переступить ядерный порог». Индийские политики во многом объясняют это опасениями, связанными с политикой США в Азии как единственной супердержавы в мире, их стремлениями «действовать в духе старой Британской империи»²⁹. Китайская научная общественность также обеспокоена наступательной политикой Вашингтона. Примечательно в связи с этим высказывание китайского профессора Шэн Цзиньли, заместителя директора Центра американских исследований Фуданьского университета в Шанхае о том, что «нет причины, по которой Индия и Китай не могут иметь двустороннее соглашение по обороне. По велению времени может произойти то, что две крупнейшие страны мира инициируют обо- ронный диалог»³⁰.

Основы дальнейшего развития конструктивного диалога Индия-Китай были заложены на переговорах в Пекине в мае 2000 г., когда председатель КНР Цзян Цзэминь и президент Индии Кочерил Раман Нараянан согласились, что следует забыть прошлое, отягощенное сложной историей взаимоотношений Индии и Китая в 1950-1960-х гг., территориальными проблемами и другими противоречиями, и приступить к взаимовыгодному сотрудничеству в области политики и экономики. Во время визита министра иностранных дел Индии Джасванта Сингха в Пекин в конце марта — начале апреля 2002 г. стороны обсудили среди прочих вопрос о создании механизма двухсторонних консультаций по борьбе с международным терроризмом³¹. По завершении визита Сингха Китай объявил об открытии дороги, используемой буддистами для паломничества в Тибет.

Большое значение для развития отношений между Индией и Китаем имеет китайская позиция по вопросу индийско-пакистанских отношений. РФ и КНР придерживаются курса на выравнивание отношений с Индией и Пакистаном, выступают за решение кашмирской проблемы путем мирного диалога

между Дели и Исламабадом. Некоторые ученые считают, что Пекин, особенно под влиянием событий 11 сентября 2001 г., обнаруживает явные признаки ослабления своей поддержки Пакистану, не отказывая, однако, Исламабаду в гуманитарной помощи и проявляя интерес к сотрудничеству в экономической области. Так, КНР выказала готовность участвовать в реализации проекта сооружения нового глубоководного морского порта в районе г. Гвадара на побережье Бенгальского залива, на территории самой крупной, но и самой бедной пакистанской провинции Белуджистан. Таким образом, Пекин может рассчитывать на обеспечение доступа к морю для своих западных провинций. В ноябре 2000 г. пакистанская сторона запросила поддержку Китая в строительстве этого порта и соединении его с национальной железной дорогой, что открыло бы Пакистану выход через Афганистан в районы Центральной Азии. Во время визита китайского премьера Чжу Жунцзи в Пакистан в мае 2001 г. вопрос о сооружении морского порта в Гвадаре занимал ключевое место в повестке дня межправительственных переговоров. В итоге китайская сторона согласилась поставить Пакистану несколько десятков локомотивов и 175 железнодорожных вагонов. Из других китайско-пакистанских проектов можно назвать разработку угольных копей в Синде и некоторые другие. В настоящее время Пакистан обеспокоен возможностью задержки реализации проекта строительства морского порта в Гвадаре ввиду обострившейся обстановки в регионе и требования США предоставить им право контроля над побережьем в районе Гвадара³².

Экономическая активность Китая в Пакистане настораживает Индию. Ее отношение к китайско-пакистанскому экономическому сотрудничеству двоякое. С одной стороны, она заинтересована, например, в создании морского порта в Гвадаре, поскольку строительство давно обсуждаемого индийско-иранского газопровода может проходить через этот пункт, а с другой — напряженность на индийско-пакистанской границе и поддержка Исламабада Пекином не может не вызывать у Индии опасений относительно усиления экономических позиций Китая в Пакистане. Опасения возникают и из-за разгула терроризма в Пакистане, представляющего угрозу как для Китая, так и для Индии. Попытка пяти террористов, проникших с территории Пакистана, атаковать 1 декабря 2001 г. здание индийского парламента, вновь осложнило индийско-пакистанские отношения³³, а Пекин стал рассматривать возможность сотрудничества с Индией и США по координации усилий, направленных на поддержку пакистанского президента генерала П. Мушараффа.

Явно ужесточилась позиция Китая по проблемам распространения ядерного оружия в Азии, хотя подготовка какого-либо специального соглашения по этому вопросу между КНР и Индией еще не стоит в повестке дня. Стороны пока ограничиваются договоренностью о взаимном отказе от применения силы в отношении друг друга. Во всяком случае, Китай, как и Россия, высказывается за продолжение процесса сокращения ядерных вооружений и призывает все государства присоединиться к Договору о нераспространении и запрещении ядерных испытаний. То, что призыв Пекина в первую очередь обращен к Индии, особых сомнений не вызывает.

Индия, подобно России, признает территориальную целостность Китая, включая Тибет и Тайвань. Она стремится вывести из системы неурегулированных проблем с КНР проблему деятельности на индийской территории далай-ламы и его окружения. Однако остаются вопросы о линии индийско-китайской границы, хотя еще в 1993 г. Пекин и Дели подписали базовые положения по этому вопросу, которые затем легли в основу Соглашения 1996 г. о мерах доверия в военной области вдоль линии фактического контроля на границе.

Расширяется сфера торгово-экономических отношений Индии и Китая. Объем товарооборота между ними составил в 2000 г. примерно 2 млрд долл., что на одну пятую превышает стоимость российско-индийского товарооборота за тот же период. В 2002 г. открылось прямое воздушное сообщение между Нью-Дели и Пекином.

Но, несмотря на явные позитивные сдвиги последних лет, снижение уровня конфликтности и попытки стабилизировать и развивать политические и экономические связи между Индией и Китаем, многие проблемы остаются нерешенными. Можно с полным основанием предположить, что экономические интересы Индии и Китая могут столкнуться в Юго-Восточной Азии, на которую, как на огромный и перспективный рынок сбыта привозных товаров, ориентируются обе региональные державы.

В заключение отметим, что, несмотря на отсутствие конкретных шагов по созданию системы трехстороннего сотрудничества Россия — Китай — Индия, вопрос об этом отнюдь не беспочвенен. Но в этом, пожалуй, более всего сейчас заинтересована Россия: и Китай, и Индия — важные стратегические партнеры РФ, именно с ними в наиболее широких масштабах Россия осуществляет военно-техническое сотрудничество (исключая ракетно-ядерную сферу). Упрочение провозглашенного двустороннего стратегического партнерства между Россией и Китаем, между Россией и Индией — одна из предпосылок трехстороннего сотрудничества, и, пожалуй, самая важная. Партнерские отношения основываются на общности интересов, а основой стратегического сотрудничества являются общие позиции по ряду важных международных проблем. Таким образом, на пути создания системы трехсторонних перекрестных отношений, как было показано выше, имеются значительные трудности и немало аргументов «за» и «против». Наиболее реальный вариант, по нашему мнению, это использование отношений партнерства в качестве базы для сотрудничества, основанного на взаимных договоренностях, и консультациях по наиболее острым проблемам глобализации и международных отношений, имеющим первоочередное касательство к национальным интересам партнеров.

Вопрос же о создании тройственного союза, а под союзом в современной международной практике, напоминаем, подразумевается в первую очередь военный или оборонный союз, не стоит в практической плоскости. Но сама идея остается. Ведь ситуация может измениться, если формирующийся мировой порядок будет все больше приобретать черты модели «супердержавного управления» или однополярного мира, возглавляемого Соединенными Штатами. Опасным с точки зрения национальных интересов России, Китая и Индии здесь является то, что, Соединенные Штаты твердо намерены осуществить возврат к политике силы³⁴. Поэтому согласованные шаги трех стран по предотвращению такого сценария развития международных отношений выглядят вполне целесообразными.

В целом же, в настоящее время сложилась благоприятная обстановка для начала неофициального диалога между Россией, Индией и Китаем о перспективах создания трехсторонних взаимосвязей в формате доверительного перекрестного партнерства, в котором на первое место выходит общность отдельных, но принципиально важных политических интересов. Сейчас особенно очевидна общая заинтересованность сторон объединенными усилиями противостоять распространению исламского фундаментализма, эскалации международного терроризма, торговле наркотиками и другим вызовам начала XXI века, против которых выступает и Запад. Таким образом, перспективы трехстороннего сотрудничества находятся в прямой зависимости от того, насколько главные политические интересы России, Китая и Индии сближаются и будут сближаться в обозримом будущем. В связи с этим необходимо подчеркнуть,

что проблема обеспечения национальной безопасности является общей для всех трех стран: каждая уверена, что ни одна из них не станет серьезной угрозой для другой. При этом трехстороннее перекрестное партнерство может укрепиться за счет более эффективного торгово-экономического, научно-технического и инвестиционного сотрудничества, в налаживании которого большую роль может сыграть установление более тесных культурных связей.

Перспективы создания системы трехстороннего политического сотрудничества во многом зависят, с одной стороны, от стабилизации и дальнейшего более активного развития отношений между Китаем и Индией, урегулирования индийско-пакистанских отношений, а с другой — от более тесного взаимодействия России и Китая в решении региональных и глобальных проблем. Жизнеспособность потенциальной системы трехстороннего сотрудничества будет в известной степени определяться тем, насколько Запад будет убежден в том, что трехсторонние отношения не представляют для него угрозы и не трансформируются в военный союз. Необходимо также учитывать и реакцию со стороны других азиатских стран на возможное появление в Азии новой структуры, тесно связывающей ее восточный и южный регионы, а через Россию — и с европейской частью всего евразийского континента. Трехсторонние отношения, построенные на общности национальных интересов, могут способствовать как сдерживанию гонки вооружений в Азии путем сотрудничества по этому вопросу в рамках ООН и других международных организаций, так и предотвращению потенциальных конфликтов в регионе. Перевод со временем трехсторонних отношений на институциональную основу сыграл бы позитивную роль для дальнейшего улучшения индийско-китайских отношений, а значит, и ситуации в АТР в целом. Можно ожидать, что это будет соответственно оценено мировым сообществом.

1. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 5. С. 8.
2. Совместная декларация КНР и РФ // Жэньминь жибао. 2002. 3 декабря (авторское право на русский текст принадлежит газете).
3. Независимая газета. 2001. 20 ноября.
4. World Economic Outlook. Recessions and Recoveries. April 2002. International Monetary Fund. Washington D. C., IMF, 2002. P. 149.
5. Доклад Цзян Цзэминя на XVI Всекитайском съезде КПК (19.11.2002) // Интернет, 20.11.2002.
6. Социально-экономическое положение России. Январь-июль 2002 г. Вып. VI. М.: Государственный комитет Российской Федерации по статистике. 2002. С. 11.
7. World Economic Outlook. Recessions and Recoveries. April 2002. P. 149.
8. Мировое сообщество не готово признать за Индией и Пакистаном официального статуса ядерных держав, что отражено в резолюции 1172 Совета Безопасности ООН от 6 июня 1998 г.
9. Россия и страны мира – 2000. Статистический сборник. М.: Госкомстат России, 2000. С. 33.
10. Компас. ИТАР-ТАСС. 2000. 13 июля. № 28. С. 22.
11. Кокошин А. А. Ядерное сдерживание и национальная безопасность России на пороге XXI века. Репринт доклада. М.: Институт проблем международной безопасности РАН, 2000. С. 12.
12. Очевидно, что Китай до тех пор будет нуждаться в современных системах вооружений российского производства, пока предприятия военно-промышленного комплекса КИР не станут способными самостоятельно и в необходимых объемах производить высокотехнологичное оружие и пока остается неразрешенным вопрос о Тайване.
13. Аналитический центр Госсовета КНР о внутривнутриполитической и экономической ситуации в России // Экспресс-информация. ИДВ РАН. М., 2000. № 3. С. 7.

14. В Южной Азии расположены следующие страны: Индия, Пакистан, Бангладеш, Непал, Бутан, Мальдивы и Шри-Ланка.
15. Коммерсант. 2002. 5 декабря.
16. Россия подтвердила, в частности, свою поддержку Индии как кандидату на место постоянного члена Совета Безопасности ООН.
17. Коммерсант. 2002. 5 декабря.
18. Коммерсант. 2002. 5 декабря.
19. Россия и страны мира – 2000. Статистический сборник. С. 352.
20. Булавинов И. Визиты // Коммерсант. 2002. 4 декабря.
21. Строкань С. Цена вопроса // Коммерсант. 2002. 4 декабря.
22. Коммерсант. 2002. 5 декабря.
23. Компас. ИТАР-ТАСС. 2002. 4 февраля. № 7. С. 24.
24. World Economic Outlook. Recessions and Recoveries. April 2002. P. 149.
25. World Economic Outlook. A Survey by the Staff of the International Monetary Fund. May 1999. Washington D. C., IMF, 2001. P. 8, 51; International Financial Statistics. October 2001. International Monetary Fund. Washington D. C., IMF, 2001. P. 470.
26. International Financial Statistics. June 2002. International Monetary Fund. Washington D. C., IMF, 2002. P. 448.
27. Подробнее см.: Бажанов Е. П. Актуальные проблемы международных отношений. Избранные труды в трех томах. Том 2. М.: Научная книга, 2002. С. 470.
28. Кокошин А. А. Ядерное сдерживание и национальная безопасность России на пороге XXI века. С. 15-16.
29. Цит. по статье Mary Burdman and Ramtanu Maitra. China-India Ties Grow in Face of U. S. Imperium // Executive Intelligence Review (Washington), April 12, 2002. Vol. 29. № 14. P. 44.
30. Ibid. P. 44.
31. The Hindu. 2-7 April. 2002.
32. The Nation (Pakistan). October 26, 2001.
33. The New Federalist (Washington). January 7, 2002.
34. Brzezinski Z. The Only Superpower. Berlin, 1997. P. 306.

Саммит АТЭС в Лос-Кабосе

© 2003

С. Гончаренко

В конце октября 2002 г. в Мексике, на курорте Лос-Кабос, состоялся очередной, десятый по счету, саммит форума АТЭС — встреча лидеров 21 страны и территории Азиатско-Тихоокеанского региона.

Декларация лидеров

Этот документ — итог саммита, сделанный за год после проведения предыдущего саммита АТЭС в Шанхае, и своего рода план действий на очередной годичный срок председательства в АТЭС другой страны (в Лос-Кабосе председительство в АТЭС перешло от Мексики к Таиланду). В декларации лидеров, принятой в Лос-Кабосе, выделены следующие основные направления регионального сотрудничества как первостепенные для всей организации¹.

Свободная и открытая торговля и инвестиции. Этим разделом открывается декларация лидеров. Исходя из того, что в современном мире торговля существенно влияет на экономическое положение государств, лидеры сочли необходимым вновь заявить о своей поддержке многосторонней торговой системы, основанной на правилах и нормах ВТО. О такой поддержке говорилось и на саммитах прошлых лет; в Лос-Кабосе, с учетом реалий последнего времени, было подчеркнуто, что следует продолжать многосторонние торговые переговоры в Дохе и своевременно (к 1 января 2005 г.) завершить этот раунд, а к пятой министерской встрече в сентябре 2003 г. в Канкуне добиться прогресса во всех обсуждаемых вопросах.

Лидеры исходят из того, что многосторонние торговые переговоры в Дохе выгодны всем участникам АТЭС, и особенно развивающимся странам, прежде всего в таких сферах, как реформа сельского хозяйства, свободный доступ на рынки товаров и услуг, укрепление торговой дисциплины. Проведение переговоров позволит АТЭС укрепить взаимодействие с ВТО и с другими международными организациями, откроет благоприятные возможности для всего человечества, подчеркнули лидеры.

Страны АТЭС декларировали стремление к тому, чтобы отменить все виды субсидий на продукцию сельского хозяйства, отказаться от неправомерных запретов и ограничений экспорта, провести в рамках АТЭС обмен мнениями по региональным и многосторонним торговым соглашениям.

Вновь высказана поддержка скорейшему приему в ВТО тех из участников АТЭС, которые пока не являются членами ВТО (сейчас это Россия и Вьетнам).

Лидеры утвердили План действий АТЭС по содействию торговле, реализация которого, как ожидается, позволит к 2006 г. снизить на 5 % расходы по заключению сделок, и утвердили ряд документов, касающихся сотрудниче-

ства в отдельных областях (взимание налогов, распространение информации по вопросам макроэкономики, договоренность о мерах по внедрению более современных систем информирования пассажиров и др.). Одобрены договоренности о введении электронных сертификатов происхождения товаров, взаимном признании сертификатов стандартов и соответствия на электротехническое и электронное оборудование и др. Подсчитано, что меры по содействию торговле (такие, как гармонизация стандартов, транспарентность и профессионализм, налаживание электронного бизнеса), способны увеличить объем торговли в рамках региона АТЭС на 280 млрд. долл.

Укрепление экономических основ сотрудничества. Здесь ключевым фактором названы укрепление финансовой системы АТЭС и возрастание роли банков. Как отмечается в декларации лидеров, для укрепления экономической стабильности в регионе необходимо снижение процентных ставок и эффективное регулирование вопросов налогообложения, повышение культуры предоставления кредитов и действенного контроля со стороны банков. Также следует повысить эффективность распределения государственных расходов, продуктивно использовать финансовые средства для поддержки экономической стабильности и роста и превращения этих средств в инвестиции, для развития электронного бизнеса. Подчеркнуто, что обеспечение экономической стабильности и роста требует привлечения личных сбережений вкладчиков иностранных и местных банков и более эффективного использования этих средств как инвестиций.

Лидеры считают необходимым ускорить в странах АТЭС работу по реализации действенной макроэкономической политики; они призвали принять меры, способствующие росту инвестиций и развитию технологий для содействия электронному бизнесу, вырабатывать программы, обеспечивающие населению стран АТЭС доступ к Интернету и навыки пользования Сетью.

Поддержано высказанное ранее министрами энергетики стран АТЭС намерение осуществить реформу регионального энергетического рынка для привлечения значительных частных инвестиций, способствующих росту и развитию региона таким образом, чтобы это сопровождалось созданием адекватной энергетической инфраструктуры.

Противодействие терроризму и экономический рост. Так получилось, что этот раздел привлек особое внимание участников саммита, поскольку проведение саммита в Лос-Кабосе и захват чеченскими террористами заложников в Москве практически совпали по времени. В результате важнейшей темой саммита стала координация антитеррористической деятельности участников АТЭС, а лидерами было принято специальное заявление, осуждающее "терроризм во всех его формах". Лидеры стран АТЭС не ограничились общеполитическими рассуждениями и связали воедино две темы: борьбы с терроризмом и экономического сотрудничества; были обсуждены вопросы экономической составляющей борьбы с терроризмом — обеспечения безопасности перевозок в рамках региона, при прохождении таможенных процедур, проверке грузов.

Участники саммита со всей серьезностью восприняли угрозы безопасности и процветанию региона со стороны террористических организаций, отметили, что следует обеспечить безопасное перемещение в регионе АТЭС товаров, капиталов и людей. Было высказано решительное осуждение террористических актов в странах АТЭС и выражено сочувствие России, Индонезии и Филиппинам, ставших жертвами терактов; подтверждена решимость расширять сотрудничество в вопросах противодействия терроризму, содействовать укреплению энергетической безопасности региона.

"Проблемой всемирной экономики" назвал борьбу с терроризмом глава российской делегации на саммите М.М.Касьянов, и такой подход отразил настрой всех участников саммита. Обсудив вопросы предотвращения "экономических последствий терроризма", лидеры АТЭС определили конкретные экономические аспекты борьбы с терроризмом и приняли специальное заявление о борьбе с терроризмом и содействии экономическому росту. В нем говорится, что терроризм является прямым вызовом намерениям участников АТЭС создать свободные, открытые и процветающие экономики и угрожает фундаментальным ценностям, которые разделяют страны АТЭС. Лидеры заявили, что страны-участницы форума объединены намерением ликвидировать угрозу терроризма региону АТЭС и ускорить движение к антитеррористическим целям и программам, которые были намечены на саммите АТЭС 2001 г. в Шанхае.

Как указывалось на саммите в Лос-Кабосе, за год, прошедший с момента принятия в Шанхае заявления о противодействии АТЭС терроризму, в рамках этой организации приняты меры, предусмотренные соответствующими резолюциями Совета Безопасности ООН, созданы механизмы по противодействию терроризму на субрегиональном и региональном уровнях, ведется работа по обеспечению безопасности в крупнейших портах и аэропортах региона, укрепляется сотрудничество миграционных служб.

Усилия по борьбе с терроризмом намечается активизировать в основных сферах экономической деятельности в рамках региона АТЭС. Особое внимание необходимо уделить практическим мерам повышения безопасности на транспорте: ввести к 2005 г. в странах АТЭС единые стандарты в таможенной обработке грузов (в соответствии с рекомендациями Всемирной таможенной организации), принять дополнительные меры для обеспечения безопасности транзитных пассажиров и усиления борьбы с пиратством, повысить безопасность на воздушном транспорте, обеспечить дополнительную защиту судов и портов от террористов. В числе конкретных мер предложено усилить охрану грузовых контейнеров и внедрить более эффективные методы их проверки в морских портах, укрепить двери в кабинах пилотов гражданских самолетов, улучшить сотрудничество между таможенными и иммиграционными службами внутри стран АТЭС, ввести унифицированные правила на таможнях.

Такие направления сотрудничества в рамках АТЭС приобретают особое значение, если учесть, что в регионе АТЭС находится 21 из 30 имеющихся в мире крупнейших контейнерных морских портов. По подсчетам, ежегодно между морскими портами мира перемещается около 48 млн. грузовых контейнеров; контейнерное сообщение обеспечивает до 90 % мирового торгового грузооборота. В регионе АТЭС находится 23 из 30 крупнейших аэропортов мира, интенсивно работают крупнейшие мировые авиакомпании, активно эксплуатируются современные большегрузные и широкофюзеляжные самолеты.

Значительную активность в работе по обеспечению безопасного функционирования транспортной инфраструктуры региона АТЭС проявляют США (половина контейнерных морских перевозок в США осуществляется через 10 морских портов, 6 из которых расположены на Тихоокеанском побережье США). При участии заинтересованных американских служб и ведомств разработаны меры по обеспечению безопасности контейнерных морских перевозок; в ходе саммита в Лос-Кабосе представители Сингапура, Гонконга, Японии, Канады и КНР высказали намерение участвовать в реализации такого рода мероприятий.

Руководители стран АТЭС заявили о намерении создавать препятствия для финансовых операций террористов, перекрыть поступление им денег (в числе практических мер в этом плане названы ужесточение контроля за пото-

ками денежных средств, перемещаемых между участниками АТЭС, выявление и блокирование банковских счетов террористов, усиление борьбы с отмыванием денег, создание в каждой стране АТЭС органов финансовой разведки и др.).

К всеобъемлющему и равномерному процветанию. Фактически этот раздел декларации представляет собой программу действий форума на перспективу в вопросах экономического и технического сотрудничества. Лидеры подчеркнули, что для развития в рамках АТЭС такого сотрудничества участникам форума следует шире взаимодействовать с международными финансовыми организациями и с частным капиталом, использовать возможности глобализации, которая названа в документе "движущей силой экономического прогресса". Отмечено, что в течение последних лет (2000-02 гг.) в странах АТЭС удвоилось число пользователей Интернета; лидеры считают возможным обеспечить к 2010 г. доступ к Интернету всего населения стран АТЭС.

Характеризуя процессы, способствующие развитию экономического и технического сотрудничества в регионе, лидеры отметили возросшее значение "новой экономики" для повышения информатизации общества, позитивно оценили возросший вклад микро-, малых и средних предприятий в развитие региональной торговли в рамках региона АТЭС. Особо подчеркнуто, что деятельность микропредприятий способствует обеспечению гендерного равенства, экономического роста и ликвидации бедности, укрепляет социальные связи.

Как позитивный элемент ситуации в регионе лидеры отметили, что в странах АТЭС поощряются инвестиции в здравоохранение; ближайшими задачами в этой области являются работа по обнаружению на ранних стадиях очагов инфекционных заболеваний и меры противодействия биотерроризму. Здоровая окружающая среда и забота о качестве жизни населения стран АТЭС названы факторами устойчивого экономического роста.

Лидеры призвали шире вовлекать в **сотрудничество в рамках АТЭС общественность своих стран.** Этому вопросу посвящен специальный раздел декларации, в котором подчеркивается, что необходимы продуктивный диалог участников форума АТЭС с региональными предпринимательскими, женскими и молодежными организациями и взаимодействие со странами, не участвующими в АТЭС; к мероприятиям АТЭС следует подключать нерегистрационные организации. Полезный вклад в развитие такого сотрудничества может внести деятельность Делового консультативного совета АТЭС, в особенности в таких вопросах, как борьба с терроризмом, корпоративное управление, содействие развитию микро-предприятий и поддержка ВТО.

Большое значение приобрела работа стран-членов АТЭС по гендерной проблематике, в целях устранения неравенства полов в социально-экономических вопросах, в особенности с учетом значительно возросшей роли женщин в экономической жизни своих стран и тех возможностей, которые глобализация предоставляет женщинам и прежде всего представительницам коренных народов; благоприятные возможности открываются для деятельности молодых лидеров и предпринимателей АТЭС. Важным элементом для дальнейшего развития сотрудничества в рамках АТЭС является транспарентность деятельности форума, в особенности в вопросах обеспечения экономического роста и финансовой стабильности, содействия процессу либерализации торговли и инвестиций.

Помимо декларации, одобрены заявления и по отдельным вопросам, непосредственно затрагивающим проблемы сотрудничества в АТЭС. Так, лидеры обратились к руководству КНДР с призывом придерживаться взятых на себя ранее обязательств по программе нераспространения ядерного оружия (в том числе и по соответствующему международному договору), призвали КНДР выполнять обязательство об отказе от программы производства ядерного ору-

зия и подтвердили, что готовы обеспечить мирное разрешение этой проблемы. Принято заявление лидеров о стандартах транспарентности АТЭС (призыв к странам АТЭС без промедления публиковать законодательные акты, имеющие отношение к перемещению товаров, капиталов и услуг).

Совместное заявление министров

По традиции, саммит в Лос-Кабосе открылся министерской встречей АТЭС, в которой участвовали министры иностранных дел и министры торговли (экономики) этих стран. Во встрече, помимо министров, также участвовали представители Секретариата АТЭС (его штаб-квартира находится в Сингапуре). Были представлены наблюдатели при АТЭС: Секретариат Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Совет по Тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (СТЭС) и Тихоокеанский островной форум (ТОФ).

Обычно в ходе министерской встречи окончательно определяется круг вопросов (главным образом, касающихся экономического сотрудничества), обсуждаемых лидерами, дорабатывается текст Декларации лидеров. Так было и на саммите в Лос-Кабосе. Наряду с этим, министры принимают собственное заявление (оно называется совместным заявлением), в котором предусматривается реализация конкретных мероприятий, способствующих развитию различных направлений регионального экономического сотрудничества. Такое заявление, принятое в Лос-Кабосе, имеет несколько основных параметров².

Прежде всего, министры отметили, что в регионе сохраняется необходимость создания здорового макроэкономического и финансового пространства, поддержки добросовестного корпоративного управления и достижения общей цели — обеспечения свободной и открытой торговли и инвестиционной деятельности, способствующих увеличению темпов экономического роста и повышению уровня жизни населения.

Как считают министры, для реализации этих планов в странах АТЭС необходимо обеспечивать устойчивое развитие и наращивать потенциал для извлечения выгод из глобализации, приближать АТЭС к нуждам и потребностям населения. Меры по практической реализации этих планов изложены в трех разделах совместного заявления министров, в каждом из которых можно выделить ряд главных тем.

Раздел “Меры по обеспечению устойчивого развития и “новая экономика”.

а) Борьба с терроризмом и экономический рост.

Как отметили министры, терроризм во всех его проявлениях является угрозой экономической стабильности АТЭС, миру и безопасности в регионе, а также прямым вызовом видению форума как сообщества свободных, открытых и процветающих экономик. Необходимо проведение совместных, решительных и последовательных действий с тем, чтобы не позволить терроризму помешать достижению целей АТЭС.

Осудив терроризм, министры отметили, что в рамках АТЭС уже достигнут значительный прогресс в осуществлении конкретных обязательств в противодействии терроризму — в частности, в сферах борьбы с финансированием терроризма, укрепления безопасности на воздушном и морском транспорте, усиления энергетической безопасности и укрепления стратегически важных секторов экономики, а также в деле углубления международного сотрудничества по вопросам таможенных процедур и мер безопасности на границах; совместные индивидуальные действия стран-членов АТЭС позволили смягчить негативные последствия событий 11 сентября 2001 г.

Укрепление безопасности необходимо ввиду угрозы терроризма и для дальнейшего содействия экономическому росту, включая создание благоприятных условий для свободного передвижения товаров, капиталов и людей. Для достижения этих целей в рамках АТЭС следует принять новые совместные обязательства в области торговли, финансов и коммуникаций. Применительно к торговле это меры по укреплению безопасности на транспорте, контроля за соблюдением таможенных и иммиграционных процедур при одновременном создании благоприятных условий для передвижения товаров и людей. Министры поддержали предложение Таиланда о проведении в феврале 2003 г. в Бангкоке семинара по вопросам обеспечения безопасности торговли. Одобрен предложенный министрами финансов АТЭС проект Плана действий АТЭС по борьбе с финансированием терроризма (предполагается, что его реализация не допустит террористов к мировой торговой системе, позволит углублять международное сотрудничество и совершенствовать мониторинг альтернативных систем денежных переводов, деятельности благотворительных и некоммерческих организаций).

Подчеркнута важность защиты целостности коммуникационных и информационных систем АТЭС и обеспечения свободного обмена информацией, поддержана Стратегия компьютерной безопасности АТЭС, разработанная экспертами АТЭС по вопросам телекоммуникаций и информации.

б) АТЭС и многосторонняя торговая система.

Министры подтвердили высказывавшуюся ими и ранее поддержку открытой многосторонней торговой системы, основанной на правилах и нормах ВТО, отметили динамичную и инициативную роль форума АТЭС, охватывающего как развитые, так и развивающиеся страны-участницы форума, последовательную приверженность этих стран процессам либерализации.

В рамках нового раунда многосторонних торговых переговоров в Дохе особое значение приобретают меры ВТО по дальнейшей интеграции развивающихся стран в мировую торговую систему. Министры рекомендовали содействовать реализации договоренностей, достигнутых в ходе многосторонних переговоров в рамках ВТО в Дохе путем координации усилий в таких областях, как инвестиции, конкурентная борьба, упрощение торговых процедур, транспарентность государственных закупок, вопросы торговли и окружающей среды.

в) Расширение Осакской программы действий АТЭС³.

Как заявили министры в Лос-Кабосе, эту программу следует дополнить с учетом происходящих в мировой экономике изменений (включая "новую экономику" и вопросы укрепления функционирования рынков); это позволит ускорить реализацию целей АТЭС по созданию в регионе свободной и открытой инвестиционной системы. Одобрены предложения экспертов АТЭС о необходимости укрепления экономической и правовой инфраструктуры форума.

г) "Первопроходческие инициативы".

К таким инициативам отнесены внедрение в странах АТЭС систем сбора и передачи упреждающей информации о пассажирах, принятие обновленной Киотской конвенции по упрощению таможенных процедур, разработка и введение электронных сертификатов происхождения товаров, корпоративное управление, взаимное признание сертификатов стандартов и соответствия на электрическое и электронное оборудование. Признано, что эти инициативы будут способствовать улучшению торгово-инвестиционного климата в интересах бизнеса.

д) Торговля и цифровая экономика.

Министры отметили позитивное влияние "новой экономики" на экономический рост и развитие в регионе АТЭС, рекомендовали принять заявление

лидеров по торговле и цифровой экономике, озвучив в нем ряд целей по обеспечению соответствующих торговых механизмов для "новой экономики".

е) План действий АТЭС по содействию торговле.

Министры рассмотрели проект этого документа и рекомендовали лидерам его утвердить (что и было сделано). Министры договорились о том, что все участники АТЭС уже к первому заседанию старших должностных лиц АТЭС в феврале 2003 г. представят перечень мер, реализацию которых они намерены осуществить в рамках этого плана. Министры одобрили отчет Экономического комитета АТЭС, эксперты которого утверждают, что облегчение условий торговли и инвестиций в регионе и, в частности, снижение в течение 5 лет на 5 % расходов по заключению сделок позволит увеличить совокупный ВВП региона на 1 %.

ж) Региональные торговые соглашения.

Министры отметили как позитивный фактор увеличение числа региональных торговых соглашений и соглашений о свободной торговле между участниками АТЭС. Подчеркнуто, что такие соглашения должны соответствовать принципам АТЭС и нормам ВТО.

з) Структурные реформы.

Министры отметили важность таких реформ для либерализации и облегчения условий торговли и инвестиций, актуальность инициатив АТЭС, направленных на укрепление рыночных основ.

Раздел "Наращивание потенциала для извлечения выгод из глобализации"

а) Микро-, малое и среднее предпринимательство.

Министры отметили, что микро-, малое и среднее предпринимательство является движущей силой в достижении устойчивого экономического роста в национальном и региональном масштабах, обладает значительным потенциалом в борьбе с бедностью в развивающихся странах-участницах АТЭС и вносит значительный вклад в развитие торговли в регионе АТЭС. Поддержаны усилия по созданию более благоприятной среды и стимулированию такого предпринимательства путем углубления сотрудничества и обмена информацией между участниками АТЭС.

Ключевой элемент в обеспечении успешной работы таких предприятий — инновационный подход. Министры призвали участников АТЭС разрабатывать инициативы в области микрофинансирования, создания фондов венчурного капитала, механизмов гарантирования займов, инкубационных центров, обеспечения доступа к информационно-коммуникационным технологиям.

Отмечено, что АТЭС играет ведущую роль в интеграции микро-предприятий в процесс глобализации, и в этом контексте внимание микро-, малым и средним предприятиям рассматривается как важный элемент продвижения к реализации таких целей АТЭС, как обеспечение женщинам равных с мужчинами возможностей и условий в получении образования и участия в трудовой деятельности, ликвидация бедности и укрепление систем социальной защиты населения. Поддержано решение участников встречи министров АТЭС по вопросам малого и среднего предпринимательства создать в рамках рабочей группы АТЭС по малому и среднему бизнесу подгруппу по вопросам развития микро-предприятий.

б) Экономическое и техническое сотрудничество (ЭКОТЕК)⁴.

Одобен доклад Комитета АТЭС по ЭКОТЕК, поддержаны предложения экспертов о разработке критериев оценки планов действий по ЭКОТЕК. Министры дали положительную оценку состоявшегося в г.Акапулько (Мексика) в августе 2002 г. семинара по теме: "ЭКОТЕК и наращивание потенциала: содействие интеграции в глобальную экономику", отметили необходи-

мость выработки более четких и сфокусированных целей для наращивания потенциала в рамках АТЭС с тем, чтобы содействовать определению и совершенствованию механизмов мониторинга и оценок ЭКОТЕК. Министры призвали наращивать сотрудничество между частным сектором и международными финансовыми институтами для получения финансовой поддержки деятельности АТЭС.

Раздел “Приближение АТЭС к нуждам и потребностям населения”

а) Диалог по вопросам глобализации и совместного процветания⁵.

Министры отметили, что обсуждение этой проблематики подтверждает важность разработки участниками АТЭС мер в поддержку проведения реформ в экономической сфере в своих странах, создания устойчивых институтов и повышения квалификации для содействия экономическому росту. Особое значение приобретают социальные аспекты глобализации, необходимость принятия соответствующих мер в целях содействия адаптации населения к новым условиям и получения знаний и навыков, необходимых для существования в условиях “новой экономики”. Необходимы такие системы социальной защиты, которые смягчали бы негативный эффект безработицы, вызванной изменениями в экономической сфере, и облегчали поиск работы.

б) Диалог с Деловым Консультативным советом АТЭС.

По мнению министров, ДКС играет уникальную роль, осуществляя консультативную поддержку конкретных инициатив, которые АТЭС должен принимать для улучшения деловой среды в АТР. Министрами одобрен представленный участникам саммита доклад Делового консультативного совета АТЭС по теме: “Совместное развитие в целях усиления глобальной безопасности”; министры отметили, что АТЭС уже реализует ряд инициатив, предложенных Советом в таких сферах, как противодействие терроризму, корпоративное управление, наращивание потенциала в рамках ВТО и стимулирование микробизнеса, подчеркнули необходимость углубления сотрудничества между государствами и частным сектором.

в) Молодежь.

Министры положительно оценили итоги Форума молодых лидеров и предпринимателей, проведенного в Мексике, и, в том числе, — результаты прошедших в рамках этого форума семинаров по вопросам деятельности бизнес-инкубаторов и финансирования молодых предпринимателей. Будет продолжено проведение мероприятий, посвященных углублению знаний и профессиональных навыков будущих лидеров АТЭС.

г) Участие женщин в экономической жизни региона.

Отмечена необходимость устранения гендерного неравенства во всех сферах социально-экономической жизни стран-участниц АТЭС, признано, что женщины вносят значительный вклад в экономическое развитие стран региона. Министры поддержали предложение о проведении специального исследования, посвященного влиянию гендерного фактора на экономику участников АТЭС, отметили, что на обществе в целом позитивно скажется равное участие обоих полов в процессе формирования политики и принятия решений. Одобрено высказанное ранее предложение о создании Сети координаторов АТЭС по гендерным вопросам.

Россия на саммите

Российскую делегацию в Лос-Кабосе возглавил Председатель Правительства РФ М.М.Касьянов (В.В.Путин был вынужден отменить поездку в связи с чрезвычайными обстоятельствами — захватом заложников в Москве

группой террористов). М.М.Касьянова сопровождали министр иностранных дел РФ И.С.Иванов, заместитель министра экономического развития и торговли РФ В.Г.Карастин. В состав сопровождающих лиц также входили губернатор Хабаровского края В.И.Ишаев, руководитель депутатской группы "Народный депутат" Государственной Думы Г.И.Райков и заместитель министра иностранных дел РФ А.И.Денисов.

Выступая перед бизнесменами — участниками заседания Делового саммита АТЭС (такое мероприятие уже не первый год проводится в рамках саммита АТЭС), М.М.Касьянов отметил, что Россия вносит свой вклад в поступательное развитие региона. Придавая большое значение деятельности АТЭС как крупнейшей в АТР международной региональной экономической организации, Россия продемонстрировала в 2002 г. более высокую, чем прежде, активность в делах форума. Российские представители участвовали в 8 из 9 министерских встречах, в России проведено 5 мероприятий АТЭС, в том числе такие достаточно крупные, как форум по инновациям и телекоммуникациям в Москве, прошедшие во Владивостоке инвестиционный симпозиум и инвестиционная ярмарка.

Инвестиционный симпозиум во Владивостоке привлек внимание специалистов как мероприятие, в рамках которого были обсуждены вопросы обмена опытом участников АТЭС в привлечении инвестиций и преодолении препятствий на пути инвестиционных потоков; интерес участников вызвал доклад губернатора Приморского края С.Дарькина, уделившего особое внимание вопросам развития транспортной и энергетической инфраструктуры на Дальнем Востоке. Работа симпозиума транслировалась в режиме реального времени в Интернете.

Участникам инвестиционной ярмарки во Владивостоке были представлены инвестиционные проекты стран АТЭС — бизнес-планы российских и зарубежных компаний по проектам, предусматривающим развитие связи, транспорта, рыбной, лесной, горнодобывающей и пищевой промышленности. Ряд крупных проектов представлены российским предприятиям и администрациям регионов российского Дальнего Востока и Сибири. В их числе — проекты строительства железнодорожного моста через Амур в районе Благовещенска, газопровода Комсомольск-на-Амуре — Хабаровск, крупного нефтяного порта в бухте Перевозной (на юге Приморья) — важной составляющей будущего нефтепровода "Байкал-Тихий океан".

В ходе инвестиционной ярмарки проводились семинары и заседания "круглых столов", участники ознакомились с опытом стран АТЭС в создании условий для инвестирования в малый и средний бизнес и с инвестиционными возможностями регионов России, обсудили вопросы энергетической безопасности региона.

На саммите АТЭС в Лос-Кабосе подтвердилось, что деятельность форума АТЭС создает благоприятные условия для поступательного и бесконфликтного развития всего региона, решения накопившихся здесь экономических, социальных, экологических и других проблем. Такое развитие событий полностью отвечает интересам России.

1. APEC Economic Leaders' Declaration. Los Cabos, Mexico. 27 October 2002.
2. Fourteenth APEC Ministerial Meeting. Joint Statement. Los Cabos, Mexico. 23-24 October 2002.
3. Эта программа принята в 1995 г. на саммите АТЭС в Осаке. Ее главная цель, реализации которой особенно активно добивались США, Канада и Австралия, — либерализация торговли в АТЭС. Установлены следующие общие принципы либерализации и содействия торговле и инвестициям: всеобъемлющий характер этого процесса

в рамках АТЭС; соответствие принимаемых в АТЭС мер по либерализации стандартам ВТО и уже существующему в каждой из стран-участниц форума уровню такой либерализации; недискриминация в отношениях между участниками АТЭС; транспарентность законов, положений и административных процедур, влияющих на оборот товаров, услуг и капиталов между участниками; неприменение мер, которые могли бы привести к усилению протекционизма; одновременное начало либерализации всеми участниками и непрерывное участие в этом процессе; гибкость в подходе к либерализации (с учетом различий в уровнях экономического развития стран-участниц АТЭС); активное экономическое и техническое сотрудничество.

Декларация саммита АТЭС в Осаке, как и декларация предыдущего (1994 г.) саммита АТЭС в Богоре, ставила целью открытие товарных рынков региона к 2010 г. для развитых и к 2020 г. для развивающихся стран.

4. Термином "ЭКОТЕК" в АТЭС обозначается программа экономического и технического сотрудничества в АТЭС, реализация которой, как предполагается, позволит укрепить рынки стран региона, обеспечить их эффективное функционирование и будет содействовать созданию более предсказуемой конкурентной среды для предпринимателей.
5. Представители стран АТЭС обсудили этот вопрос в ходе конференции, состоявшейся в мае 2002 г. в Мериде (Мексика).

Круглый стол в ПДВ

Решения XVI съезда Компартии Китая

От редакции. 16 и 18 декабря 2002 г. в ИДВ РАН состоялось организованное редакцией журнала "Проблемы Дальнего Востока" заседание круглого стола, посвященное обсуждению решений проходившего 8-14 ноября 2002 г. в Пекине XVI съезда КПК. В обсуждении приняли участие 27 человек. Объем представленных письменных текстов, магнитофонных записей устных выступлений и обмена мнениями в ходе дискуссии оказался настолько велик, что редакция не имеет возможности опубликовать полную стенограмму заседания и вынуждена пойти на некоторое сокращение текстов ряда выступлений, отдельные из них — дать в изложении либо только упомянуть основные их положения, не повторяя уже приводившиеся в ходе обсуждения позиции.

Все выдержки из документов съезда даются по их публикации на русском языке в изданиях агентства Синьхуа.

А.М.Григорьев (д.и.н., профессор, главный редактор ПДВ). Задачи журнала, а также большой интерес наших читателей и российской общественности к такому крупному событию в жизни Китая, как последний съезд КПК, думаю, вполне оправдывает обсуждение его решений через месяц с небольшим после его завершения. Конечно, для более глубокого анализа решений съезда и оценки его роли в жизни КПК и КНР нужна более длительная временная дистанция. Но мы считали продуктивным уже сейчас представить читателям возможно более полное содержание по крайней мере важнейших документов съезда и принятых им решений.

В соответствии с содержанием основных документов и решений XVI съезда КПК мы рассчитывали организовать наше обсуждение вокруг нескольких основных групп вопросов: 1) решения по организационным вопросам и вопросам идейно-политической платформы КПК; 2) решения по социально-экономическим вопросам; 3) решения по вопросам внешней политики и внешнеэкономических связей.

М.Л.Титаренко (д.филос.н., профессор, член-корреспондент РАН, директор ИДВ РАН). Считаю проведение этого заседания круглого стола своевременным и, в известной мере, подготовленным: в феврале мы провели заседание Ученого совета, на котором обсуждали положение в КПК и КНР в период подготовки съезда. Многие вопросы, определившие ряд его решений, обсуждались в июне на заседании круглого стола о социальных изменениях в КНР. Почти сразу после съезда я докладывал о свежих впечатлениях в отчете на заседании Ученого совета о своей поездке в Китай в дни работы съезда. Думаю, что главными задачами предстоящей дискуссии должно стать возможно более полное и объективное освещение всех его основных документов, важней-

ших положений, взятых не изолированно, а в совокупности. Это представляется существенным и потому, что отражение материалов съезда в наших ежедневных и других периодических изданиях, в электронных СМИ было фрагментарным, часто необъективным. Ряд публикаций сопровождался фактическими ошибками. Авторы некоторых статей, претендовавшие на обобщающие оценки, использовали для “подкрепления” своих, заранее заданных подходов, выхваченные из контекста отдельные положения документов съезда.

Естественно, особое внимание должны привлечь новации, новые положения в документах съезда. А их немало, и они весьма существенны. Среди них — новое определение партии в докладе Цзян Цзэминя, вошедшее в новую редакцию Устава КПК, гласящее, что Компартия Китая — это авангард рабочего класса и одновременно авангард китайского народа и китайской нации; развернутое изложение концепции “трех представительств” и связанное с ним положение о возможности приема в партию лиц из числа частных предпринимателей, тезис о том, что последние наряду с другими трудящимися также являются строителями социализма с китайской спецификой. По новому сформулированы положения, касающиеся распределения по труду, охраны законных трудовых и нетрудовых доходов.

Новое звучание и значение приобрел в документах термин *сяо кан*. Доклад Цзян Цзэминя, как известно, озаглавлен “Всесторонне вести строительство общества *сяо кан* и создавать новую обстановку для дела социализма с китайской спецификой”. Строительству этого общества посвящен специальный раздел доклада. Я намеренно не пользуюсь здесь распространенным переводом понятия “общество *сяо кан*” как “среднезажиточное общество”. Речь, на мой взгляд, идет о более широком понятии, заслуживающем специального обсуждения на нашем заседании. В числе новых понятий, введенных в лексикон высоких партийных документов, — *чжэнчжи вэньмин*, “политическая цивилизация”, или “политическая культура”, задача строительства которой поставлена в ряд с прежними задачами строительства материальной и духовной культур.

Дано немало новых определений либо новых акцентов в толковании прежних установок в области социально-экономической политики. Это и индустриализация нового типа, особое выделение роли науки и образования в решении задач модернизации, тезис о первостепенном значении обеспечения занятости, об ускорении урбанизации и многое другое, что, я надеюсь, будет рассмотрено в ходе обсуждения.

Нет необходимости говорить, что акценты на тех или иных положениях, сам порядок их расположения может сказать о многом, не сказанном прямо. Во время пребывания в Китае информированные лица говорили мне, что к подготовке доклада и других документов съезда было привлечено около 1000 человек из учреждений Академий наук Китая и других “мозговых трестов”. Думаю, что (в качестве задачи на будущее) было бы интересно проследить (по открытым публикациям) позиции каких групп ученых и экспертов были востребованы. Это — не чисто “текстологическое” любопытство: известно, что по многим вопросам и внутренней, и внешней политики в Китае идут дискуссии и подчас весьма острые столкновения между сторонниками и противниками тех или иных ориентаций. Отражение либо “неотражение” в “высших документах” тех или иных концепций и подходов может быть свидетельством наличия тех или иных тенденций в развитии представлений политической и экономической элиты КНР.

Вот один пример. Помните, при обсуждении вопроса о социальных изменениях в Китае мы уделили много внимания “Докладу об обследовании социальной стратификации современного Китая”, вышедшему в начале 2002 г. под редакцией Лу Сюэи. Тогда мы располагали информацией, что книга встретила, мягко говоря, прохладное отношение у некоторых представителей власти. Но сегодня в докладе Цзян Цзэминя мы находим отдельные сходные поло-

жения, совпадающие с одним из основных выводов упомянутой книги — создавать “средний слой”, а именно: призыв создавать условия для расширения слоя населения со средними доходами.

Особо хотелось бы обратить внимание при анализе документов съезда на то обстоятельство, что доклад Цзян Цзэминя — это не только отчет о проделанной работе, но и в большей мере долгосрочная программа деятельности КПК и шире — программа развития КНР, в которой намечены основные направления деятельности партии, законодательных и исполнительных органов страны.

А.М.Григорьев. Начинаем обсуждение первого “блока”: решений съезда по организационным вопросам и вопросам идейно-политической платформы КПК.

Как известно, одной из главных задач съезда была объявленная задолго до съезда и широко дискутировавшаяся и в самой КПК, и за пределами Китая, в том числе и в нашем институте, смена руководства партии. Еще в 1997 г. при выборах руководства XV съезда КПК обсуждалось неписанное правило ухода с высших постов в органах партии и правительства лидеров, чей возраст превышает 70 лет. Начиная с середины 2001 г. в руководящих органах КПК обсуждались разные сценарии и варианты конфигурации и состава высших органов власти на XVI съезде. Буквально за несколько месяцев до съезда зарубежные эксперты, журналисты, ссылаясь на “надежные источники”, на информацию “из сфер”, утверждали, что крупных персональных перемен в китайском руководстве на съезде не будет, что “большая тройка” — Цзян Цзэминь, Чжу Жунцзи и Ли Пэн, по крайней мере два первых, останутся на своих постах и уйдут не ранее, чем через 2-3 года. Действительность оказалась иной. Какое значение имеют форма и результаты передачи власти для оценки ситуации в Китае? Каков теперь новый состав китайского руководства? Это — темы очередных выступлений.

М.Л.Титаренко. Предваряя конкретное освещение вопросов о составе и конфигурации высших органов КПК, я хотел бы особо отметить, что принятый съездом порядок обновления руководства партии, отвечающий требованиям ее устава и нормам, возникшим еще при Дэн Сяопине, обеспечивает легитимность преемственности и передачи власти. Впервые за долгий период существования КПК новое руководство формируется не в результате чрезвычайных мер, вызванных кризисом партии или ее прежнего руководства, не в результате смерти либо “добровольно-принудительных” отставок ее лидеров и т.п., а на основе устава и консенсуса в высшем руководстве, поддержанном высшим органом партии — съездом. Этот факт, как и вся организация и работа съезда, содержание его основных документов — есть отражение курса на политическую стабильность и преемственность в партии и в ее политике и их известная гарантия.

В.И.Антонов (консультант ИДВ). Хочу познакомить собравшихся с некоторыми объективными данными, характеризующими высшие руководящие органы КПК, образованные на съезде. Чтобы была видна динамика, сведения приводятся в сравнении с соответствующими данными о составе руководящих органов, образованных 5 лет назад на XV съезде КПК.

На XVI съезде КПК высшие руководители КПК и КНР (Генеральный секретарь ЦК КПК и председатель КНР Цзян Цзэминь, председатель Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей Ли Пэн, премьер Государственного совета КНР Чжу Жунцзи, председатель Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая Ли Жуйхуань) не были избраны в новый состав ЦК КПК. Они, предположительно, будут находиться на своих постах до марта-апреля 2003 г., когда на 1-й сессии ВСНП 10-го созыва их сменят новые лица.

На XVI съезде КПК избран новый ЦК КПК: 198 членов ЦК (было 193) и 158 кандидатов в члены ЦК (было 151), а также новый состав Центральной комиссии по проверке дисциплины (ЦКПД) КПК (121 чел., было 115).

На I пленуме ЦК КПК 15 ноября 2002 г. сформированы новые высшие партийные органы. В Политбюро ЦК КПК избрано: членов Политбюро — 24, кандидатов — 1 чел. (было: членов 22 чел., кандидатов — 2 чел.), из прежнего состава — 10 чел., избраны впервые — 15 чел. Средний возраст членов Политбюро — 60,7 года (был — 67,9 года), высшее образование имеют 25 человек, трое окончили зарубежные вузы: СССР — Цао Ганчуань, ГДР — Ло Гань, КНДР — Чжан Дэцзян; остальные окончили вузы КНР, в том числе 18 — политехнические вузы, из них 5 чел. — Пекинский университет Цинхуа (Ху Цзиньтао, У Банго, У Гуаньчжэн, Хуан Цзюй, Цзэн Пэйянь). В прежнем составе Политбюро 2 человека имели среднее специальное образование.

В новом составе Политбюро самый старший Ло Гань (67 лет), самый молодой — Лю Юньшань (55 лет); 14 чел. (56%) — в возрасте 55-60 лет, 11 человек (44%) — в возрасте 61-67 лет. В Политбюро 10 чел. — партийные функционеры, 8 чел. — секретари провинциальных комитетов КПК (Гуандун, Пекин, Цзянсу, Чжэцзян, Тяньцзинь, Шанхай, Хубэй, СУАР); 5 чел. — государственные функционеры; 2 чел. — военные.

В новый состав Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК избрано 9 человек (было 7), из прежнего состава остался один человек — Ху Цзиньтао. Средний возраст членов Постоянного комитета — 62 года (был 70,3 года). Сейчас в Постоянном комитете Политбюро самый пожилой Ло Гань — 67 лет, самый молодой Ли Чанчунь — 58 лет, у всех высшее техническое образование.

Генеральным секретарем ЦК КПК на 1-м пленуме ЦК КПК 16-го созыва избран Ху Цзиньтао (59 лет).

В Секретариат ЦК КПК утверждено 7 членов, его состав обновлен на 6 чел. Самый старший в секретариате Цзэн Цинхун (63 года), самый молодой — Лю Юньшань (55 лет), у всех высшее образование.

На I пленуме ЦК КПК избран Военный совет ЦК КПК из 8 человек (сокращен на 3 чел.), в составе: Председатель (вновь избран Цзян Цзэминь), 3 заместителя и 4 члена. Средний возраст — 62,8 года (было 11 чел., средний возраст — 68,5 года). Все имеют высшее образование, в том числе один — Цао Ганчуань — окончил Военную артиллерийскую академию в СССР.

Первый пленум ЦК КПК 16-го созыва утвердил секретарем ЦКПД КПК У Гуаньчжэна (64 года, окончил университет Цинхуа) и состав Постоянного комитета ЦКПД КПК (18 чел.). Число членов ПК ЦКПД увеличилось на 2 чел., состав обновлен на 2/3, средний возраст — 59,9 года; образование у всех высшее.

Ю.М.Галенович (д.и.н., главный научный сотрудник ИДВ).

Хочу предложить свой вариант понимания перемен в руководстве КПК. Первая особенность. Как уже было в истории КПК, руководство снова разделено на две линии. На первую линию, на политическую авансцену выдвинуто поколение 60-летних руководителей, которое я назвал бы поколением руководителей, сформировавшихся в годы КНР. На вторую линию отошло поколение 75-летних, формирование которых начиналось в КПК еще до 1949 г.

Вновь произошло разделение на лидеров, действующих на открытой сцене, и тех, которые играют часто очень важную роль, находясь за кулисами. При этом на этот раз на вторую линию отошли не один, не два, а несколько человек. То, что складывается в итоге на политической авансцене, — это результат компромисса между “ушедшими за кулисы”. Следствием этого может быть одновременная игра на нескольких площадках, поскольку цели и действия разных руководителей могут не совпадать.

Вторая особенность. Во времена Дэн Сяопина существовала система “старцев”. Это термин самих наших китайских друзей. В 1987 г. на XIII съезде КПК, когда Дэн Сяопин покинул свой пост в ЦК КПК, было принято секретное

решение о том, чтобы обращаться к Дэн Сяопину за советом по наиболее важным вопросам, хотя он стал просто членом партии. В те годы слово одного из двух тогдашних “старцев” — Дэн Сяопина и Чэнь Юня (особенно первого) — значило больше, чем речи и заявления официальных руководителей ЦК КПК и правительства КНР. После смерти Дэн Сяопина в 1997 г. был перерыв в 5 лет, когда “старцев” в их прежнем значении не было. Цзян Цзэминь и его коллеги сами принимали решения.

Вероятно, происходила своего рода подготовка к возобновлению института “старцев”, потому что он показал себя действенным и нужным в условиях современного Китая. Теперь система, или институт, “старцев” восстановлены в новом виде. Возможно, “старцев” теперь уже не двое, а больше, возможно, четверо или пятеро. Все они ушли с высших партийных или правительственных постов, но каждый сохранил свое влияние и своих сторонников в составе нынешнего руководства ЦК КПК и в самом ЦК. Такое формирование руководящих органов партии — это результат своего рода договоренности уходящих руководителей между собой о “квотах” своих сторонников в высших руководящих органах. Люди, находящиеся сегодня на первой линии, — это представители нескольких групп в партии, реально возглавляемых нынешними “старцами”.

Еще одна особенность. Цзян Цзэминь, также по примеру Дэн Сяопина, сохранил (по крайней мере пока) высшую власть над вооруженными силами, продолжая оставаться Председателем Военного совета (ВС) ЦК КПК. Это интересная ситуация. Цзян Цзэминь оставит весной будущего года пост Председателя КНР. Но пленум ЦК КПК после XVI съезда оставил его на посту Председателя ВС ЦК КПК, и срок его пребывания на этом посту ничем не лимитирован. А ведь ВС ЦК КПК — высший орган руководства вооруженными силами страны, Центральный военный совет (ЦВС), который формирует ВСНП, — орган, который обычно просто дублирует решения ВС ЦК КПК. Раньше бывало и так, что составы ВС ЦК КПК и ЦВС практически были одинаковы.

Таким образом, второй раз в истории КПК и КНР после Дэн Сяопина введен порядок, когда не член руководства КПК, а рядовой член партии возглавляет вооруженные силы. Это свидетельствует о том, что, по крайней мере на время, исчезла система концентрации военной, государственной и партийной власти в одном центре, в одних руках. Возможно, к этому идут и придут. Но пока этого нет. На XVI съезде произошло разделение властей. Ху Цзиньтао стал первым лицом в партии, но высший пост в государстве и высший пост в руководстве вооруженными силами он пока не получил. Оба эти поста, по крайней мере пока, остались в руках Цзян Цзэминя. Попутно следует высказать и следующее соображение. Пост Генсека означает, что на Ху Цзиньтао возложены огромные обязанности и ответственность. Но пока у него власть без прямого контроля над силовыми министрами. Ведь ВС ЦК КПК — это средоточие власти над всеми силовыми структурами страны. Более того. Председатель ВС и Председатель КНР — это фигура, которая определяет и внешнюю политику страны. Это — особый участок работы, особые функции, которые передаются, очевидно, тогда, когда лидер партии становится и лидером государства.

Изменился, на мой взгляд, характер высшего органа, руководящего в Китае всем партийным и государственным аппаратом, — Постоянного Комитета (ПК) Политбюро ЦК КПК. Я имею в виду следующее. Ранее в ПК Политбюро входили люди, занимавшие руководящие посты в партии, государственном аппарате, в армии, ВСНП, НПКСК, профсоюзах, то есть люди, осуществлявшие непосредственное руководство на определенных участках партийно-государственной структуры КНР. Сегодня в ПК, который теперь состоит из 9 человек, есть люди, которые, по крайней мере пока, не возглавляют какие-либо важные институты власти или организации национального значения. Это, видимо, отражает договоренность о “квотах” между лидерами, отошедшими на вто-

рую линию. Возможно, несколько иную, чем раньше, новую роль будет играть Секретариат ЦК КПК, который может составлять другой, второй, центр руководства партийным аппаратом. Иными словами, власть над аппаратом и в партии не находится в одном центре (в ПК или руках первого лица этого органа — Генсека), но может осуществляться из двух центров. Следовательно, наряду с Генсеком Ху Цзиньтао член ПК ПБ Цзэн Цинхун, ставший и членом ПК Политбюро, и членом Секретариата, может в роли организатора работы Секретариата ЦК КПК реализовать его возможности второго центра. Это догадка, но она имеет под собой определенные основания: ведь известно, что в предшествовавший съезду период Цзян Цзэминь активно продвигал Цзэн Цинхуна — тогда кандидата в члены Политбюро — в состав его членов. Почему такая конфигурация, такой состав высшего руководства? Одна из причин — это достаточно сложная (при всех успехах) ситуация в стране, известные проблемы деревни, безработица и т.п., подход к решению которых может вызвать разногласия в руководстве. Но, как мне представляется, главная причина — стремление в этой ситуации обеспечить стабильность и преемственность курса при передаче власти. Отход на вторую линию известных руководителей — это не уход из политики, не “уход на пенсию”. При всем отличии нынешней ситуации от обстановки конца 50-х годов, когда Мао Цзэдун объявил о своем отходе на вторую линию, создав тем самым прецедент разделения руководства на две линии, и ситуации с уходом в конце 80-х годов Дэн Сяопина с руководящих постов в партии, а также различий в последствиях этих решений, у них есть одна общая черта: “уходящие” лидеры принимают те или иные меры для сохранения за собой возможности влиять на принятие стратегических решений, оставляя своим более молодым соратникам либо преемникам задачу практической, повседневной реализации этих решений. В этом смысле особое значение приобретает и то обстоятельство, что, как уже справедливо отмечалось, доклад Цзян Цзэминя на съезде — это не только, и я бы сказал даже, не столько отчетный доклад, сколько долговременная программа действий и нового руководства, и тех руководителей, которые придут ему на смену: следующий съезд должен состояться через 5 лет, а экономические ориентиры в докладе Цзян Цзэминя касаются и 2010-го и 2020-го годов.

Я.М.Бергер (д.и.н., главный научный сотрудник ИДВ, зам. главного редактора ПДВ). У меня два вопроса. Первый. Как обстоит дело со сменой партийных руководителей на более низких уровнях: провинций, городов и т.п.? И второй. Судя по послесъездовским материалам в китайских СМИ, создается впечатление о серьезных различиях в позициях местных руководителей, представляющих более развитые и менее развитые районы. Что вы думаете об этом?

Ю.М.Галенович. Смена поколений руководителей происходит и на более низких уровнях. Так, накануне съезда стало известно о смене первых лиц в Пекине, Шанхае, в провинции Сычуань. Эта смена, представляется, связана также со сменой поколений. Видимо, старшее поколение лидеров, тех, кто уходит на “полупокор”, договорилось о необходимости подготовки и выдвижения более молодых, более энергичных руководителей, сформировавшихся в годы реформ и лишенных “родимых пятен” дореформенного опыта.

Думаю, что впечатление о различиях между представителями развитых и отстающих в развитии районов, прозвучавшее в вашем втором вопросе, верно. Вопрос о том, ориентироваться ли в оценке достижений страны и в политике в целом на итоги развитых районов или повернуться к проблемам отстающих регионов, а также к решению трудных проблем деревни не на словах, а на практике, — это одна из наиболее важных проблем, отношение к которой может внести серьезные разногласия в ряды китайских руководителей. Представители наименее развитых районов, а также провинций, в которых положение крестьянства остается трудным, естественно, ставят вопрос о том,

чтобы об их проблемах не забывали в ходе развертывающейся в мире экономической глобализации.

М.Л.Титаренко. В связи с вопросом о смене руководителей на более низком уровне хочу поделиться сведениями, полученными мною от ряда весьма информированных лиц во время последней поездки в Китай. Процесс выдвижения новых руководителей начался не накануне XVI съезда. Мне сообщили, что решение о серьезном изменении кадрового состава партии было принято после XV съезда, состоявшегося в 1997 г. Выдвинутые еще в начале 80-х годов Дэн Сяопином общие принципы — критерии отбора и выдвижения руководящих кадров (“революционизация”, “омоложение”, “повышение образовательного уровня и профессиональной подготовки”) были конкретизированы. Так, требование “омоложения” стало означать, что возраст руководителей провинциального уровня, как правило, должен быть от 50 до 60 лет, уездного — от 40 до 50. “Профессионализация” означает выдвижение на провинциальный уровень лиц, имеющих, как правило, высшее образование. “Революционизация”, означавшая наряду с овладением идеологическим багажом КПК, прежде всего следование в теории и на практике курсу реформ, в последние годы стала включать освоение и поддержку концепции “трех представительств”. Таким образом процесс смены руководителей на местах шел с той или иной степенью интенсивности в течение всего периода между XV и XVI съездами, в ходе выдвижения и отбора кандидатур делегатов XVI съезда, кандидатур в состав избранного съездом нового ЦК партии. Результаты этого процесса нашли отражение в значительном понижении среднего возраста и повышении уровня образовательной и профессиональной подготовки составов всех высших органов партии, образованных на съезде. Абсолютное большинство членов нового ЦК имеет по крайней мере одно высшее образование. Высшее образование имеют все члены нового Политбюро, а члены его ПК — по два высших образования: все они окончили те или иные гражданские либо военные вузы и центральную партийную школу.

Н.Л.Мамаева (д.и.н., главный научный сотрудник ИДВ). Я хотела бы остановиться на двух, представляющихся мне тесно связанными, вопросах, в которых в решениях и документах съезда определились заметные новации и новые тенденции, а именно: на новых подходах к партийному строительству и освещении на съезде содержания и задач политической реформы.

Ответы на вопрос о том, насколько партия на своем XVI съезде продвинулась на пути обновления, могут быть разные, однако очевидно одно: выдвигая идеи “трех представительств”, партия вступила на путь адаптации к новым реалиям, поставила задачу, как говорилось на съезде, “идти в ногу со временем”, “совершать первопроходство и зачинательство”.

Остановимся подробнее на позиции съезда в области реформы политической системы. Как представляется, в данной области имеет место развитие по нескольким направлениям:

- съезд предложил более четкую и частично обновленную трактовку места и роли КПК в политической системе страны;
- новое партийное строительство представлено в качестве предпосылки и одновременно составной части процесса развития реформы политической системы;
- съезд определил и четко сформулировал потенциальные возможности и направления развития политических институтов.

Материалы съезда показывают, что сохраняется основное направление реформы политической системы, медленно, но неуклонно продвигающейся с момента III-го пленума ЦК КПК XI-го созыва. Суть ее — в совершенствовании уже существующих политических институтов при неприятии рецептов политической системы Запада. Съезд обозначил потенциальные возможности и конкретные векторы развития таких политических институтов и направлений, как Собрания народных представителей и их Постоянные Комитеты, институт

многопартийного сотрудничества и политических консультаций, функционирующий под руководством КПК, институт низовой демократии (до уездного уровня включительно), институт национальной культурной автономии и национальной политики в целом, система свободы вероисповеданий и система управления по закону религиозными делами, система связей с хуацяо. Последние три направления впервые представлены в качестве составных частей единого политического процесса.

В общий план реформы политической системы входит курс на дальнейшее построение и усиление системы законности и правопорядка, объявленные в 90-е годы основным направлением развития этой реформы.

Предусматривается "продвижение" системы правосудия и углубление реформы административного управления происходивших после XV съезда КПК.

В ряду направлений политической реформы обращает на себя внимание повышение статуса и значения реформы кадровой политики, которая с конца 90-х гг. постепенно выходит на передние рубежи партийного строительства и реформы политической системы в целом.

Однако главное направление, вокруг которого концентрируются поиски оптимизации политической системы и надежды на ее обновление, связано с проблемой "реформирования и совершенствования методов партийного руководства и партийного управления государством". Материалы съезда, прежде всего новая редакция Устава КПК, дают основания для вывода о новом толковании на съезде места и роли КПК в политической системе КНР. Как никогда четко в новой редакции Устава в политической системе выделена проблема управления страной, а КПК представлена как, по сути, самостоятельный политический институт, как "ядро политической системы".

Четче, чем ранее, прорисован и весь механизм партийного управления страной. Поставлены задачи "нормирования" отношений парткомов с Собраниями народных представителей, с правительственными органами, с политическими консультативными советами и народными организациями". Представляется очевидным, что введение в нормативное русло управленческих функций партии повсеместно, прежде всего в сфере взаимоотношений с государственными органами, будет шагом вперед в деле упорядочения политического строительства.

Говоря о проблеме реформы политической системы в связи с партийным строительством, прежде всего в связи с зафиксированным в новой редакции Устава положением о расширении социального состава КПК, хочу подчеркнуть следующее: решение возможности вступления в правящую партию представителей предпринимательских слоев является проявлением поиска собственных путей развития политической системы. Речь идет о необходимости привлечения широких слоев населения к управлению страной, однако не в рамках многопартийности, но в рамках правящей партии, путем расширения ее социального состава.

Новые решения в области партийного строительства определили новое определение партии. КПК в новой редакции определяется теперь не только как авангард рабочего класса, но и одновременно и как авангард китайского народа и китайской нации.

Вместе с тем ряд положений, касающихся состава новой партии и приема в нее представителей имущих слоев, как в докладе Цзян Цзэмина, так и в новой редакции Устава создают впечатление, что их авторы стремились несколько "смягчить" новизну этих положений, сделать их менее уязвимыми для критики со стороны ортодоксов. Более того, ряд положений в документах съезда может быть истолкован таким образом, что предпочтение при приеме в партию будет отдаваться по-прежнему представителям традиционных социальных групп, представленных ранее в КПК, что прием в партию представи-

телей “иных” социальных слоев будет находиться под особо строгим контролем. По-видимому, эти положения должны подкрепить провозглашенный в документах съезда тезис о проведении политики “упрочения классовой базы партии и расширения ее массовой базы”. Насколько логична такая постановка вопроса и насколько эффективным будет партийное строительство по данному направлению — покажет практика.

Как показывают материалы съезда, главным образом Устав, партия стремится взять процесс расширения социального состава под строгий контроль и не допустить его развития в духе социал-демократических тенденций. Согласно Уставу, усиливаются контрольные функции парткомов на всех партийных уровнях и во всех структурах власти. Расширяются функции действующих в органах управления “партийных групп руководства”, в ведение которых теперь включаются и кадровые вопросы. Предусматривается расширение функций партийных Комиссий по проверке дисциплины, которые впервые получили право координировать свою деятельность с государственными органами данного профиля, а также осуществлять первичную проверку членов парткома равной ступени без предварительного разрешения на эти действия данного парткома. Упорядочивается и расширяется организационная структура партии в целях охвата партийным влиянием всех слоев населения. Усиливается, как показали выборы в провинциальные и центральные органы КПК, централизация власти в руках партии, наблюдается еще более высокий, чем прежде, уровень совмещения партийных и государственных постов.

По-видимому, можно сказать, что формируется специфический тип правящей партии как института управления государством, сочетающий авторитарные черты с демократией. Речь идет о расширении внутрипартийной демократии, о намерении использовать для контроля над деятельностью партийцев-руководителей СМИ, о повышении требований к руководителям в области морали, наконец, о тенденции привлечения в партию и к руководству представителей самых широких социальных слоев. При этом особое внимание уделяется задаче правового нормирования управленческих функций партии.

Р.М.Асланов (к.и.н., заместитель директора ИДВ). Я хотел бы остановиться на одном из весьма важных элементов утвержденного съездом нового определения идейно-теоретических основ деятельности КПК — на концепции “трех представительств”. В новой редакции Устава КПК говорится: «Компартия Китая руководствуется в своей деятельности марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэдуна, теорией Дэн Сяопина и важными идеями “тройного представительства”». И далее: “важные идеи “тройного представительства — это руководящие идеи, которые партия должна решительно поддерживать в течение длительного периода”. Как указывается в докладе Цзян Цзэминя, идеи “тройного представительства” являются продолжением и развитием марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна и теории Дэн Сяопина, отражают новые требования к работе партии и страны, порожденные переменами и развитием в современном мире и в Китае.

Другими словами, выдвижение концепции “тройного представительства” отражает стремление руководства КПК адаптировать партию к новым условиям деятельности, к новым политическим, социальным и духовным реалиям китайского общества. За двадцать с лишним лет строительства социализма с китайской спецификой изменения произошли не только в экономическом укладе государства, произошло также изменение социально-классовой структуры Китая. Возникли слои и прослойки, как сказано в докладе, состоящие из предпринимателей, индивидуальных хозяев, лиц, работающих на предприятиях иностранного капитала, а также занятых в посреднических организациях и т.п., которые за это время, благодаря своим деловым и интеллектуальным качествам, накопили значительные средства и живут в условиях, значительно отличающихся от условий жизни рабочих, крестьян и рядовой интеллигенции.

В обществе, которое еще совсем недавно, во времена Мао Цзэдуна, исповедовало идеологию уравниловки и презрения к богатству, “новые китайцы”, разбогатевшие первыми, естественно, должны испытывать неприязнь и даже антагонизм со стороны большинства населения страны. Эта напряженность в обществе вполне может привести к нарушению социальной стабильности, остановить процесс модернизации и неуклонного экономического роста, подорвать международный авторитет КНР.

Плодотворные экономические связи Китая с развитыми странами в рамках политики реформ и открытости создали условия для активного привлечения огромных сумм иностранных инвестиций в экономику страны, для основания совместных промышленных предприятий, внедрения передовых технологий, участия Китая в международной экономической кооперации и т.д.

Представляется, что именно для того, чтобы избежать социальных столкновений и сохранить общественную стабильность, а также подтвердить неизменность политики Китая, направленной на развитие экономических связей с другими странами, руководство КПК во главе с Цзян Цзэмином сочло необходимым сформулировать новые теоретические идеи, призванные обеспечить продолжение строительства социализма с китайской спецификой, в том числе в рамках экономического сотрудничества в международном масштабе.

Как сказано в докладе Цзян Цзэмина, “важные идеи тройного представительства выдвинуты на основе научного определения исторического пеленга нашей партии”. Иначе говоря, положения о том, что КПК “должна постоянно представлять требования развития передовых производительных сил Китая, постоянно представлять прогрессивное направление передовой китайской культуры, постоянно представлять коренные интересы самых широких слоев китайского народа”, соответствуют идейно-теоретической основе прошлого опыта КПК и вытекают из него, а также соответствуют потребностям нынешнего политического и социально-экономического развития страны.

В идеях “тройного представительства” обрела также законченную формулу важнейшая идея о необходимости развития производительных сил, определяющая практическую деятельность партии в новых социально-экономических и внешнеполитических условиях. Мысль о необходимости развития производительных сил страны должна быть воспринята в сознании китайцев как некая общая цель всех народов Китая, без осуществления которой невозможно развитие национальной культуры и удовлетворение материальных потребностей большинства населения страны.

Идеи “тройного представительства”, особенно акцент на приоритете развития производительных сил, имеют, как говорилось выше, важное значение для расширения и углубления экономического сотрудничества и связей с развитыми странами. Отсутствие упоминания о классовом характере социализма с китайской спецификой представляет Китаю возможность добиваться интеграции своей рыночной экономики в мировую экономическую систему, участвовать в процессе глобализации. Концепция “тройного представительства” вполне предназначена для того, чтобы показать миру, что отныне не только практическая политика, но и идейно-теоретические новации руководства КПК будут служить превращению ее в прогрессивную уважаемую партию не только рабочих и крестьян, в партию, которая считает себя ответственной за главное в жизни государства и общества — развитие производительных сил страны — и на этой основе объединяет все социальные образования Китая.

В.Ф.Бородич (к.ю.н., старший научный сотрудник ИДВ). Я хотел бы высказать некоторые предварительные выводы по вопросу отражения в решениях съезда процесса политической трансформации КНР. Весь комплекс происходящих в Китае в ходе реформ изменений представляет собой системную трансформацию. Одна из ее сторон — трансформация политическая.

Среди факторов, влияющих на политическую трансформацию КНР, которые нашли отражение в документах съезда, можно выделить: вызовы современной эпохи; проблемы, возникающие в ходе реализации политики реформ и открытости; влияние практического опыта и теории зарубежных стран, ушедших вперед в экономическом и культурном отношениях; влияние распространенных в мире политических идеологий; влияние на политическую трансформацию такого субъективного фактора, как противоборство по поводу содержания, темпов и оценки промежуточных результатов этой трансформации, происходящих и внутри политической элиты КНР, и между политической элитой и контрэлитой (особенно по вопросам, затрагивающим этнополитические и религиозные вопросы), и между политической элитой и массами.

Следует обратить внимание на некоторые моменты, характеризующие векторы и динамику политической трансформации в промежутке между XV и XVI съездами КПК. Сравнение докладов, с которыми от имени ЦК КПК выступал на обоих съездах Цзян Цзэминь, показывает направление, в котором действовало реформаторское ядро ЦК КПК во главе с Цзян Цзэмином, а именно: выдвижение на передний план работы по адаптации КПК к вызовам эпохи, к требованиям конкуренции Китая на мировых рынках и необходимости соревнования с ведущими субъектами мировой политики в комплексной национальной мощи, к требованиям обеспечения теоретического сопровождения трансформационного процесса в Китае.

Одновременно документы XVI съезда содержат множество примеров, указывающих на стремление сторонников ускорения процесса социалистической модернизации еще больше сократить влияние на партию опыта КПК дореформенного периода, базировавшегося на парадигме классовой борьбы.

Здесь уже отмечалось характерное в этом отношении новое определение партии. К этому можно было бы добавить, что в разделе доклада об идеях "тройного представительства", именно в том его пункте, где говорится о том, что появившиеся в ходе реформ новые социальные слои, в том числе частные предприниматели, "все они — строители социализма с китайской спецификой", особо подчеркивается, что "коренные интересы всего китайского народа едины, и отношения различных конкретных интересов, а также внутренние противоречия можно регулировать на этой именно базе". Другими словами, "регулировать", а не прибегать к методам классовой борьбы.

Сравнение ряда формулировок, особенно касающихся возможности приема в КПК представителей имущих слоев в документах съезда с соответствующими положениями известного доклада Цзян Цзэминя 1 июля 2001 г., показывает, что эти положения "пробивались" не без определенного сопротивления, возможно, на самом съезде.

Так, прямое заявление в речи 1 июля 2001 г. о возможности приема в партию лиц из среды новых слоев, включая частных предпринимателей, в документах съезда приняло форму о приеме в партию "передовых элементов из других слоев общества".

В той части общих положений новой редакции Устава, где говорится о силах, с которыми "консолидируется" КПК, "передовые элементы из других слоев общества" не упоминаются. Введено в докладе на XVI съезде в обиход положение "об укреплении классовой базы и расширении массовой базы", явно призванное подчеркнуть неизменность прежней социальной базы партии.

Из числа примеров, показывающих динамику трансформационного процесса, представляется существенным отметить положение, касающиеся, на мой взгляд, отношения к ветеранам в ходе проведения реформы кадровой системы. Текст доклада Цзян Цзэминя на XV съезде КПК содержал требование «проявлять больше заботы о ветеранах в политическом и бытовом плане, повышая их роль». Это положение не повторено в докладе на XVI съезде, что

можно объяснить стремлением ослабить значение института ветеранов и их опыта в управлении партией и государством.

Предварительные выводы, касающиеся трансформации “ядра” политической системы КНР, выглядят следующим образом:

Общий вектор политической трансформации представляется направленным в сторону теоретического и практического освоения Компартией Китая как отечественного, так и зарубежного опыта рациональной организации партийной системы, политической власти, включая организацию государственной власти и управления во всех сферах, определяющих процесс «возрождения Китая».

XVI съезд КПК дал убедительные свидетельства того, что руководство КПК утвердилось в дальнейшем отходе от парадигмы классовой борьбы и в дальнейшем освоении парадигмы политической системы. Последняя как раз и предполагает развитие политической системы не в результате актуализации классовой борьбы, а путем совершенствования процесса соисполнения функций политической системы ее различными политическими институтами.

В.В.Михеев (д.э.н., зам. директора ИДВ). Формально съезд подтвердил приверженность марксизму, идеям Мао и Дэна, однако тем, что заслуживает пристального внимания и анализа, представляется концепция “сяо кан”, провозглашающая задачу построения в Китае в ближайшей перспективе общества “среднего достатка”. КПК как бы вбрасывает населению новый лозунг с тем, чтобы не допустить образования идеологического вакуума в условиях, когда все большая часть китайцев, вслед за развитием национального рынка, интеграцией китайской экономики в мировое информационное пространство, с возрастающим равнодушием или даже со скептицизмом относится к идеям социалистической и коммунистической перспективы.

Понятие “сяо кан” уходит корнями в историю и означает “общество среднего достатка”. Согласно древней концепции, уточненной Конфуцием применительно к проблемам государственного строительства, *сяо кан* — это “уютное для жизни” и “упорядоченное” общество, основанное “на дружных семьях”. Построение “общества среднего достатка”, *сяо кан*, согласно древним воззрениям, представляет собой отправной момент для движения к следующей, высшей, стадии общественного развития — “датун”, на которой нет классового расслоения, “все равны и свободны”.

В современный политический оборот понятие *сяо кан* вернул Дэн Сяопин в 1984 г., вероятно, с целью придать прагматичные очертания новому курсу реформ и модернизации, пришедшему на смену маоистской уравниловке. В трактовке Дэна построение общества среднего достатка означало достижения уровня производства ВВП на душу населения в 800 долларов США. В 1987 г. XIII съезд КПК охарактеризовал *сяо кан* как уже “очередной этап на пути социалистической модернизации” Китая. В 90-е годы был поднят, правда, затем вновь опущен, количественный критерий достижения общества среднего достатка — до 1000 долл. по показателю ВВП на душу населения.

На XVI съезде КПК, исходя из нынешнего уровня ВВП КНР на душу населения в 1000 долл., было констатировано, что в Китае “в основном” построено общество среднего достатка. Имеется в виду, что не все население Китая, а лишь его городская, наиболее преуспевшая, часть достигла состояния *сяо кан*. Доход же сельских граждан остается значительно ниже и не превышает 300 долл. в год. Исходя из этого, поставлена задача до 2020 г. достичь состояния общества среднего достатка для всего населения Китая. При этом заданы главные параметры такого общества: увеличение ВВП КНР в четыре раза по сравнению с нынешним периодом, то есть в подушевом исчислении примерно до 3000-3500 долл.; развитие “социалистической демократии” и создание “более совершенного общества” на основе верховенства закона; обеспечение современного, по мировым стандартам, уровня развития науки, техники,

здравоохранения; обеспечение устойчивого развития на основе поддержания баланса между экономическим ростом и экологией.

Ставку на разработку прагматичных и в то же время уходящих корнями в китайскую историю основ китайской идеологии, а не концепций наподобие “развитого социализма” можно трактовать как постепенную подмену коммунистической идеологии национализмом или же прагматизмом. В пользу первого варианта оценки происходящего свидетельствуют и другие вброшенные партией ориентиры, такие, как превращение Китая в мощную мировую державу, увеличение “совокупной мощи” китайского государства. В пользу второго — введение в определение “общества со средним достатком,” рациональных критериев, созвучных с задачами, которые стремится сегодня решать весь цивилизованный мир.

Окончательный вывод в пользу одного (национализм) или другого (прагматизм) из высказанных мнений можно будет сделать, только внимательно наблюдая за развитием идеологической ситуации в КНР после XVI съезда КПК. Однако, как представляется автору, о новой китайской идеологии можно говорить скорее как о “прагматично-националистической”, чем как о “националистически-прагматической”.

Смещение акцентов в идеологических установках потребовало от КПК и уточнения классовой сути партии. Именно в этом контексте резонно рассматривать утвержденную на съезде и внесенную в устав партии концепцию “трех представительств”.

Концепция “трех представительств” подразумевает, что КПК на нынешнем этапе своего развития превращается в партию, которая представляет и (1) передовые производительные силы, и (2) передовую китайскую культуру, и (3) коренные интересы широких слоев китайского народа. Первое “представительство” как раз и дает право частным предпринимателям, капиталистам, бизнесменам вступать в партию.

С точки зрения ортодоксального марксизма, это означает “ревизионизм” и потерю партией своей “классовой сущности”, на что и указывали в ходе предсъездовских дискуссий партийные ортодоксы. В целях ненарушения внутривнутрипартийной стабильности в партийном уставе в одном абзаце с идеей “трех представительств” сохранены и тезисы о том, что КПК является “авангардом рабочего класса” и одновременно “авангардом китайского народа”, и классическая для компартий цель — “осуществление коммунизма”.

Парадоксальная, на первый взгляд, способность идеологической эклектики обеспечивать политическую стабильность в Китае объясняется, в первую очередь, тем, что и в партии, и в стране сторонники ортодоксального марксизма, хотя и сохраняют существенный политический вес, но не имеют реальной финансовой, административной и политической власти.

Впервые в развернутой форме тезис о “трех представительств” был вброшен Цзян Цзэминем в его докладе, посвященном 80-й годовщине создания КПК в 2001 г. Доклад тогда стал своего рода компромиссной уступкой консервативно настроенной части китайских руководителей в обмен на неприкосновенность курса рыночных реформ и встраивания китайской экономики в экономику глобальную. Первым была оставлена коммунистическая риторика и тезис о главенстве “общественной формы собственности”, вторым — свобода экономических преобразований и возможность обеспечить легальное объединение интересов частного бизнеса и партийной власти.

В.Ф.Феокистов (к. филос. н., заместитель руководителя Центра изучения духовных цивилизаций Восточной Азии ИДВ, советник Международной конфуцианской ассоциации).

Из теоретических проблем, которые подняты в докладе на съезде, мне бы хотелось остановиться на одном, но принципиальном, вопросе — о соотно-

шении понятия *сяо кан* и концепции «строительства социализма с китайской спецификой».

Мнение, что понятие *сяо кан*, которое переводится как «общество средней зажиточности», начинает вытеснять из политического лексикона КПК концепцию «социализма с китайской спецификой», мне представляется ошибочным, и доклад Цзян Цзэминя на XVI съезде КПК убедительно это доказывает. В нем четко определено место «общества *сяо кан*» как органичного этапа в строительстве «социализма с китайской спецификой». «Целью всестороннего (полного) строительства общества *сяо кан*, определяемой данным съездом, — говорится в докладе Цзян Цзэминя, — является всестороннее развитие экономики, политики и культуры социализма с китайской спецификой...», что позволит «...еще более четко выявить великие преимущества социализма с китайской спецификой».

Что же такое «общество *сяо кан*»? Впервые этот термин появился в одной из од древней «Книги песен» («Ши цзин»), относящейся к XI-VI вв. до н.э. Затем мы встречаем это понятие в «Книге ритуалов» («Ли цзи»), окончательно составленной в I в. до н.э. В главе «Действенность ритуала» («Ли юнь») приводится описание общества *сяо кан*, приписываемое Конфуцию. Это — общество, где неукоснительно соблюдаются конфуцианские нормы поведения и морали (*ли*) и где свято чтут чувство долга (*и*). «С их помощью — говорится в этом памятнике, — упорядочивают отношения государя и подданных, связывают родственными чувствами отцов и детей, дружелюбием — братьев, согласием — супругов». Как видим, это общество морали, основанного на ней долга, общества «семейного умиротворения». Впоследствии понятие *сяо кан* по-разному интерпретировалось философами и комментаторами-конфуцианцами, пока оно не было вытеснено другим социальным идеалом — обществом *да тун* («Великого Единения»). Последнее понятие неоднократно использовалось в трудах мыслителей-реформаторов (Кан Ювэя, Сунь Ятсена, вплоть до Мао Цзэдуна). И вот в конце 70-х годов к идеалу *сяо кан* обращается архитектор китайских реформ Дэн Сяопин. Он существенно переосмыслил содержание традиционного понятия, сведя его главным образом к определенному этапу экономической модернизации Китая (размеру среднедушевого показателя валового национального продукта). Так изначальное понятие морального общества «малого умиротворения» превратилось в общество «среднезажиточного достатка».

Тем не менее следует заметить, что в докладе Цзян Цзэминя содержание понятия «общество *сяо кан*» приобрело более широкий смысл, чем это было у Дэн Сяопина. Помимо чисто экономических характеристик, оно включает в себя уже спектр политических, социальных и культурно-духовных проблем строительства специфически китайского социализма. Общество *сяо кан* предстает, таким образом, как этап реализации социального идеала КПК.

Другими словами, политический лексикон программных документов КПК пополнился еще одной, чисто китайской, категорией общественного развития, что представляет концепцию строительства «социализма с китайской спецификой» как продолжение и развитие в новых исторических условиях традиционной мысли Китая. Стремление придать социально-политическим и экономическим концепциям и идеалам национальную, китайскую, окраску — черта, вообще характерная для политики КПК начиная с конца 30-х годов XX в. В этом прослеживается стремление руководства КПК сделать политические теории, вообще свою политику более понятной не только элите, но и простым китайцам, перевести ее на язык народа, «укоренить» ее в китайской истории. Думается, что это должно способствовать восприятию нового, социалистического, общества широкими слоями китайцев как результат исторического преемствования, способствовать развитию чувства патриотизма, национальной гордости, освободить от ощущения привнесенности идеалов социализма извне. Нынешнее руководство КПК продолжает линию на поиски «корней» социализ-

ма в собственно китайской истории, которую начал еще Сунь Ятсен, продолжил в 40-е годы Мао Цзэдун и подхватил в конце 70-х годов Дэн Сяопин.

Л.С.Переломов (д. и. н., главный научный сотрудник ИДВ, член Правления Международной конфуцианской ассоциации, президент Русского конфуцианского фонда).

При анализе текста доклада Цзян Цзэминя следует учитывать специфику китайской политической культуры. Одно из ее кардинальных отличий от западной политической культуры заключается в многозначности основных терминов и понятий, особенно из разряда ключевых. Возникнув в период «осевого времени» (VI-III вв. до н.э.), эти термины, зафиксированные в канонических текстах, за прошедшие столетия обросли многочисленными толкованиями, стали многозначными и поэтому трудно, а подчас и невозможно подыскать в европейском языке какое-либо одно слово, которое не смогло бы передать изначальный смысл данного понятия в полном объеме. Более того, сам факт многозначности «кодового» термина позволяет китайскому политику, владеющему знанием канонических текстов, выбрать нужную ему трактовку для «внутреннего пользования» и общения с внешним миром. При этом он уже заранее знает, какое впечатление должен произвести избранный им термин или понятие на жителя конфуцианского культурного региона, особенно на образованного человека.

К числу таких «кодовых» понятий я отношу сяо кан. В интернет-сайте газеты «Жэньминь жибао» и агентства Синьхуа название доклада Цзян Цзэминя переведено следующим образом: «Всесторонне вести строительство среднезажиточного общества и создавать новую обстановку для дела социализма с китайской спецификой». В китайском тексте доклада выражению «среднезажиточное общество» соответствует словосочетание сяо кан шэцхуэй (букв. «общество малого благоденствия»). Термин сяо кан относится к разряду ключевых понятий традиционной политической культуры Китая. Именно этим термином Конфуций обозначил свою социальную утопию. К данному понятию обращались многие политические деятели Китая, особенно когда они приступали к каким-либо общественно-политическим и экономическим преобразованиям. Оказавшись вытесненным на Тайвань, Чан Кайши по совету идеологов Гоминьдана и знатоков канонических текстов, объявил, что он будет строить на острове сяо кан. Тем самым он хотел показать, что в отличие от коммунистов — приверженцев марксизма — он наследует основные ценности национальной традиции. И гоминьдановцы действительно считали, что они добились построения сяо кан.

По моему мнению, Дэн Сяопин был прекрасно осведомлен о реконструкции идеи сяо кан на Тайване. И его обращение к сяо кан как символу начатых им великих реформ по модернизации Китая преследовало, помимо всего прочего, две стратегические цели. Памятуя об антиконфуцианской кампании 1972-1976 гг., когда средства массовой информации КНР, вдохновленные «четверкой», призывали народ «бить Конфуция как крысу, перебегающую улицу», а сам Дэн Сяопин с клеймом последователя Конфуция оказался в ссылке. Дэн осознавал, что только он, со своим авторитетом, может вернуть страну в конфуцианский культурный регион. Идея сяо кан понадобилась ему и для подкрепления теоретического обоснования его концепции: «одно государство — две системы», ибо в результате антиконфуцианской кампании КНР на время уступила Тайваню право наследования традиционной национальной культуры.

Разрабатывая концепцию своего Учителя — Конфуция, Мэн-цзы (IV — начало III в. до н.э.) усилил ее экономическую составляющую, подробно описав, какие социальные слои и каким образом будут благоденствовать в «обществе сяо кан». Дэн Сяопин как бы продолжил эту линию, конкретизировав уровень благоденствия: 800-1000 долларов на душу населения. Дэн использовал поня-

тие *сяо кан* в различных сочетаниях — «общество *сяо кан*», «семья *сяо кан*», «государство *сяо кан*» и т.п. Впервые он раскрыл замысел *сяо кан* в беседе с представителем конфуцианского культурного региона — премьер-министром Японии — в 1979 г.: «Мы собираемся осуществить четыре модернизации. Это будут четыре модернизации китайского типа. Концепция наших четырех модернизаций не схожа с концепцией ваших модернизаций — это будет *сяо кан чжи цзя* («сяо кан семьи»»). Примечательно, что в данном случае Дэн Сяопин счел излишним конкретизировать понятие *сяо кан чжи цзя*, ибо уже сам термин много говорил носителю конфуцианской политической культуры.

Поэтому перевод термина *сяо кан шэцхуэй* на русский язык как «среднезажиточное общество» не отражает всей полноты его смысла: для жителей Китая и для китайской диаспоры *сяо кан шэцхуэй* означает нечто большее.

Уяснив значение *сяо кан*, мы поймем и значение обращения Цзян Цзэминя к установке: «Управлять страной не только на основании *фа* (закона), но и на основании *дэ*». Что касается перевода термина *фа* как «закона», то здесь не нужен особый комментарий. Хотя следует отметить, что сам термин зародился тоже в «осевое время» и принадлежит он легистам, которые трактовали его как принцип всеобщности закона и равенства всех перед законом, исключая его творца — правителя царства. Термин *дэ* обычно переводится на русский язык как «мораль», «нравственность», «добродетель». Но следует учитывать, что *дэ* так же относится к разряду ключевых понятий китайской политической культуры и диапазон его значений весьма широк: от «добродетели» до «мироустроительных функций» императора как «сына Неба», по праву управляющего Поднебесной. Обращение к термину *дэ* — это, в известном смысле, продолжение курса Дэн Сяопина на возрождение традиций конфуцианской политической культуры.

Вклад Цзян Цзэминя в теорию Дэн Сяопина заключается, в частности, в подразделении процесса строительства общества *сяо кан* на несколько последовательно повышающихся уровней. Только творческая разработка теории Дэн Сяопина о построении в Китае «общества *сяо кан*» позволила Цзян Цзэминю выступить с концепцией «трех представительств», базирующейся на национальной традиции стремления не только к гармонии настоящего, но и к гармоничному развитию.

А.Е. Лукьянов, (д. филос. н., профессор, руководитель Центра изучения духовных цивилизаций Восточной Азии ИДВ). Не буду затрагивать те стороны концепции *сяо кан*, которые глубоко и подробно осветил Л.С. Переломов. Остановлюсь только на термине и архетипической конструкции *сяо кан*.

Действительно, как уже здесь отмечалось, словосочетание *сяо кан* впервые встречается в своде «Ши цзин», в песне «Минь лао» («Народ страждет») раздела «Да я» («Великие оды»), состоящей из пяти строф. Каждая строфа начинается с одной и той же фразы: «*Минь и лао чжи*» («Народ ведь выбился из сил»). Вторые фразы пяти строф идентичны, за исключением последнего, четвертого иероглифа, понятийно примыкающего к иероглифу *сяо* («маленький», «немного»). Сочетание иероглифов *сяо кан* стоит во второй фразе первой строфы в параллели остальным терминам, образованным с иероглифом *сяо*. Все эти фразы передают один и тот же смысл: «Настало время дать немного отдохнуть». *Сяо кан* семантически идентичен четырем другим терминам и означает потребность уставшего народа в передышке.

Иное значение *сяо кан* приобретает в «Ли цзи». Здесь — это тип общества, следующий за обществом *да тун* («Великого единения»), когда «великое Дао сокрылось во тьме» и «Поднебесная стала принадлежать семьям». Принципиально важно, что *сяо кан* основывается на архетипических духовных сущностях *синь* («доверия»), *ли* («ритуала»), *и* («долга»), *жэнь* («человсклобия»), которые воспроизводят человеческую сущность на новом витке цивили-

зации, формируют ее как подлинную цивилизацию и дают людям постоянство/стабильность (*чан*).

Дэн Сяопин извлек именно это значение *сяо кан* из глубин китайской древности, насытил его новым смыслом и утвердил в качестве образца на ближайшее будущее. Чтобы глубже понять осуществленную Дэн Сяопином социально-политическую и мировоззренческую процедуру, обратимся к первой конституции китайской Поднебесной — «Хун фань цзю чоу» («Великий образец [обуздания потопа/хаоса] в девяти разделах») и первому цивилизатору Юю. Общеизвестен миф о борьбе Гуня и Юя с потопом, вошедший во все анналы политической культуры Китая. Вот как действия Гуня и Юя расшифровываются и оцениваются в «Шу цзине»: «Тринадцатый год правления У-вана. Ван спросил совета у Цзин-цзы. Веда речь, ван сказал тогда: “Увы, Небо тайно печется о том, чтобы жизнь людей внизу протекала во взаимном согласии и потому не знаю той основы, на которой оно установило порядок этических норм и принципов”. Взяв слово, Цзинцзы ответил: “Я слышал, что в древности Гунь оградил воды потопа, укрепил порядок пяти первоэлементов по-своему. Первопредок тогда громоподобно разгневался, что сделано это не по “Великому образцу [обуздания потопа/хаоса] в девяти разделах”. Гунь был казнен, а после него Юй преуспел. И тогда Небо даровало Юю “Великий образец”, он-то и есть то, на чем [Небо] установило порядок этических норм и принципов”».

Сущность сказанного заключается в том, что Гунь и Юй относительно хаоса, таящего в себе бесконечность вариантов развития общества, использовали различные архетипы *Дао*. Гунь использовал архетип с алгоритмами естества (*цзыжань*), мировоззренчески обращенный в прошлое, Юй — архетип с алгоритмами человеческой искусственности, мировоззренчески обращенный в будущее. Аналогичный по масштабам творческий акт совершил и Дэн Сяопин. Он взял на себя величайшую ответственность «усмирения хаоса в Китае» (слова современных китайских лидеров), чреватого непредсказуемыми последствиями. Духовным архетипом *сяо кан* Дэн Сяопин задал цивилизационный смысл и перспективу гармонизации китайской Поднебесной. Воистину Дэн Сяопин осуществил для Китая судьбоносный акт и сам при этом стал сакральной (в светском смысле) личностью. Более того, Дэн Сяопин стал выше и Гуня, и Юя. Дело в том, что, с одной стороны, *сяо кан* следует после общества *да тун* и является его производной. *Да тун* остается в прошлом. С другой стороны, *сяо кан* будет строиться с перспективой на будущее: его развитие приведет к *да тун* нового качества. Таким образом, *сяо кан* соединяет традицию и современность, естество и историю, стабильность и динамику, а Дэн Сяопин из «института старцев» переходит в сонм созидателей и хранителей основ китайской цивилизации.

А.М.Григорьев. Переходим к обсуждению вопросов социально-экономического развития, поставленных на XVI съезде КПК.

Я.М.Бергер. Главным приоритетом предложенной на XVI съезде КПК программы действий до 2020 г. остается обеспечение высоких темпов экономического роста, который рассматривается как основное средство превращения Китая в могущественное и процветающее государство. Вместе с тем определенное внимание будет, по всей вероятности, уделено и смягчению некоторых социальных проблем, обострение которых за последнее десятилетие начинает угрожать другому важному приоритету китайского руководства — сохранению относительной социальной и политической стабильности. Речь идет в первую очередь о таких проблемах, как рост безработицы, увеличение разрывов между городом и деревней, между восточными и западными регионами, между верхними и нижними слоями общества. На приведение в определенное соответствие основных направлений социально-экономического развития страны нацелен главный тезис доклада — о «всестороннем строительстве общества *сяо кан*».

Основными факторами экономического роста в последние годы были, во-первых, государственные капиталовложения и, во-вторых, иностранные инвестиции. Ни от одного из них Китай в перспективе не собирается отказываться. Однако ряд обстоятельств побуждает все в большей мере опираться на мобилизацию ресурсов негосударственного сектора экономики, прежде всего — частного национального капитала. Национальный капитал, вклад которого в народное хозяйство страны за последние годы стабильно возрастает, способен поддерживать быстрый рост экономики, одновременно расширяя, а не сокращая — в отличие от государственного сектора — занятость, смягчая, а не обостряя в отличие от государственных капиталовложений, проблему растущего государственного долга, создавая определенный противовес монополизации ряда важных отраслей национальной экономики Китая иностранным капиталом.

На последнем обстоятельстве следует остановиться особо. Привлечение иностранных инвестиций в Китай, принесшее стране немало выгод и способствовавшее быстрому экономическому росту, созданию больших валютных резервов, освоению западных технологий и западного управленческого опыта, вместе с тем имеет и свои теневые стороны. Отраслевая и территориальная структура иностранных инвестиций далеко не оптимальна с точки зрения потребностей экономического и социального развития Китая. Транснациональные компании не горят желанием вкладывать свои капиталы в те отрасли и те регионы, где они наиболее нужны. Очень мало иностранных инвестиций направляется в сельское хозяйство, базовые отрасли промышленности, наукоемкие отрасли сферы услуг, центральные и западные регионы.

Транснациональные корпорации, используя свои преимущества в капиталах, технологиях, организации и управлении, в доступе к рынкам, вступили в жесткую конкуренцию с отечественными китайскими производителями, поставив часто под угрозу не только перспективы их развития, но и само существование. Транснациональные корпорации захватили господствующие позиции в таких отраслях, как электроника и производство коммуникационного оборудования, производство изделий из пластмасс, пищевая промышленность, производство средств транспорта, активно проникают в текстильную и швейную отрасли, производство электротехники, резиновых изделий, лекарственных средств. В ряде случаев они уже монополизировали китайский рынок, заставив национальный капитал отступить. С китайского национального рынка вытесняются даже известные китайские марки, что особенно стало заметно после вступления Китая в ВТО, снявшего многие преграды на пути иностранных товаров к китайскому рынку.

Немалый ущерб несет отечественный производитель — государственный и негосударственный — вследствие того, что транснациональные компании перетягивают к себе лучшие инженерно-технические и управленческие кадры из национальных компаний. В конкуренции с отечественными китайскими производителями транснациональные компании успешно используют такой мощный рычаг, как фактически монопольно устанавливаемые и не подчиняющиеся законам рынка внутрикорпоративные цены, позволяющие им манипулировать стоимостью экспорта и импорта и уходить от налогов (по данным ГСУ КНР, от налогов уклоняются более 60% предприятий с иностранным капиталом).

На дальнейшее развертывание потенций национального капитала направлен ряд новаций в документах самого съезда и им предшествовавших, направленных на поступательную политическую, социальную и юридическую эмансипацию его представителей в современном китайском обществе. Однако для того, чтобы эта тенденция реализовалась в полной мере, предстоит еще сделать очень многое, и прежде всего, в области правовой защиты частной собственности. На это, в частности, нацелен подготовленный проект Гражданского кодекса КНР.

Основными направлениями социальной трансформации китайского общества в возрастающей степени становятся, во-первых, урбанизация и, во-вторых, формирование среднего класса, прежде всего за счет сокращения в социальной структуре доли беднейших низов и увеличения доли лиц «со средними доходами».

По уровню урбанизации Китай далеко отстает от стран с сопоставимым уровнем ВВП на душу населения. Дальнейшее сосуществование быстро развивающегося и богатящегося, но составляющего меньшинство населения города, с абсолютным преобладанием стагнирующей деревни становится все менее терпимым в социальном, политическом и чисто экономическом отношениях. Сохраняющаяся все еще в идеологическом арсенале правящей партии формула «сельское хозяйство — основа» все более утрачивает свой смысл. Могучий и процветающий Китай не может быть построен при преобладании сельского типа расселения и аграрной занятости, что и подчеркивает провозглашенная съездом установка на развертывание индустриализации нового типа, с приоритетом информатизации. В условиях рыночной экономики капитал, стремящийся к максимизации прибыли, неизбежно отдает предпочтение городским кластерам перед дробной деревенской экономикой. Без перехода от Китая крестьянского и сельского к Китаю урбанизированному страна не достигнет уровня среднеразвитых стран, в частности и по показателю ВВП на душу населения. Без урбанизации подавляющей массы населения Китая невозможно преодолеть огромный и все более растущий разрыв не только в уровне доходов, особенно располагаемых, но и в таких важнейших для настоящей и будущей жизни общества сферах, как образование и здравоохранение. От успеха или неуспеха урбанизации зависит в целом выполнение программы завершения модернизации страны в середине нынешнего столетия.

Превращение сотен миллионов людей из сельских жителей, занятых, особенно в глубинных районах, преимущественно сельскохозяйственным трудом, и горожан, главной сферой приложения труда которых станет неаграрная сфера, представляет собой задачу неимоверной сложности. Для ее решения потребуется не один десяток лет.

Этот процесс невозможно ускорить посредством обезземеливания (например, в результате приватизации земли) и неизбежного затем массового разорения крестьян с последующим переселением их в города, как это происходит во многих развивающихся странах. Наличие у крестьянина пусть крохотного, но надежного клочка подрядной земли служит для него гарантией возможного возвращения в деревню и сохранения хотя бы минимальных шансов на выживание в случае неудачи городского обустройства. Однако если ставить целью всеобъемлющую модернизацию китайского общества, обойти поступательное продвижение урбанизации нельзя, как нельзя и ограничиться полумерами, сосредоточив основную массу сельского населения в малых поселках, где по-прежнему будет сохраняться в той или иной мере сельскохозяйственная занятость населения и где соответственно общественная производительность труда будет неизмеримо меньше, чем в городах.

В переходе сотен миллионов крестьян от сельского образа жизни к городскому свою роль призваны сыграть как малые, так и большие и средние города. Последние способны обеспечить наибольшую занятость и наибольший заработок временным и сезонным мигрантам из села, тогда как первые могут дать им более дешевое и постоянное пристанище.

Не менее трудна и задача формирования среднего класса. Ни одно общество, ни одно государство не могут существовать без достаточно широкого социального слоя, который бы пользовался определенными привилегиями и служил бы социальной опорой власти. Совсем не обязательно, чтобы такой слой сам по себе обладал бы властью или тем более был бы господствующим. Но определенными рычагами воздействия на принятие важнейших политичес-

ких решений он должен обладать и соответственно должен получать определенные материальные и иные дивиденды от их реализации.

В дореформенном Китае такие функции, как известно, принадлежали рабочим и служащим государственных предприятий. По мере продвижения рыночных реформ из деревни в город, из сферы экономической в сферу социальную, а в перспективе — в политическую этот класс утратил свое привилегированное положение в обществе, особенно по сравнению с вновь появившимися и занявшими верхние позиции в социальной стратификации группами и слоями, и соответственно перестал исполнять роль социальной опоры власти. Рабочие и служащие государственных предприятий, утратившие многие социальные преимущества, включая и пожизненную занятость в своей «единице», более не ощущают себя вершителями судеб общества и страны. Более того, многие из них оказались перед реальной угрозой потерять работу и войти в число париев города.

Отсюда — насущная необходимость в новой опорной конструкции, которая обеспечивала бы общественную стабильность. Роль такой конструкции и призван играть средний класс, или слой со средними доходами, доля которого в обществе, согласно материалам XVI съезда КПК, должна возрастать.

Процесс модернизация Китая и соответственно реформы, направленные на ее обеспечение, носят специфический характер. Они непосредственно не были продиктованы интересами сколько-нибудь значительных социальных групп дореформенного китайского общества. Роль инициатора модернизации и реформ взяли на себя правящая партия и государство, которые вынуждены целенаправленно возвращать соответствующую социальную среду, на которую они могли бы положиться в проведении своего курса и которая впоследствии смогла бы взять на себя основное бремя его формулирования и дальнейшей реализации. Только таким путем общество может вновь обрести определенное единство и сплоченность, утвердить свои собственные ценности и управлять собой.

Средний класс в Китае образуется из разных источников. Это и лица, работающие по найму, преимущественно — «белые воротнички», занятые как в государственном, так и особенно в негосударственном секторах экономики, и люди свободных профессий, и частные предприниматели. Процесс этот находится, однако, еще в своей самой начальной стадии и займет немалое время до своего завершения.

Пока же это не состоялось, пока власть в Китае не обрела прочной и долговременной общественной поддержки, ситуация в Китае не может считаться устойчивой. Отсюда вытекает особая необходимость в гибкой социальной политике, которая не допускала бы обострения существующих противоречий, способствовала бы смягчению недовольства в обществе, сбалансировала бы конфликтующие интересы.

Особого внимания требует защита интересов слабых групп населения, существование которых не так давно было признано в китайских партийных документах. В связи с этим нуждается в серьезном укреплении и реформировании существующая система социального обеспечения и социальных гарантий.

Все это требует серьезного пересмотра не только структуры бюджетных расходов и структуры инвестиций в пользу удовлетворения неотложных социальных нужд, но и самих приоритетов экономической политики. Подлинная социальная ориентированность экономического развития подразумевает, что плодами экономического роста должны пользоваться (пусть и не в равной мере) все основные социальные группы населения. Ситуация, при которой весьма значительный прирост ВВП не сопровождается соответствующим увеличением занятости, ведет к серьезному обострению существующих социальных противоречий, вряд ли может считаться удовлетворительной. Именно поэтому в обозримом будущем можно ожидать конкретной корректировки модели экономического развития Китая в духе тех установок на «всестороннее строи-

тельство общества *сяо кан*», которые содержатся в общем виде в документах XVI съезда КПК.

А.В.Островский (д.э.н., главный научный сотрудник ИДВ). Я хотел бы остановиться на оценке намеченных съездом перспектив социально-экономического развития Китая. Как отмечалось в документах съезда, Китай успешно справился с задачами первого и второго этапов программы “трех шагов”, жизнь народа поднялась на уровень общества достатка. В XXI в. начался третий этап программы, целью которого является выход на уровень экономически развитых стран. Тем не менее далеко не все согласны с этими утверждениями и считают, что через 5-10 лет экономика Китая в процессе перехода к рынку и вступления в ВТО начнет разваливаться, что приведет к фундаментальному изменению китайской политики и распаду страны.

Примерами такого рода взглядов является работа американца китайского происхождения Гордона Чана (Gordon G.Chang. *The Coming Collapse of China*. New York: Random House, 2001), и статья научных сотрудников Массачусетского технологического института Дж.Гиблбоя и Э.Хигинботамы “Предстоящая трансформация Китая” в журнале *Foreign Affairs*. (May-June, 2001). Подробный анализ таких оценок дан в статье Я.Бергера, которая опубликована в шестом номере журнала за 2002 г.

На наш взгляд, материалы съезда и ряд работ, опубликованных в Китае до съезда в 2000-2002 гг., как раз и свидетельствуют о том, что там видят эти проблемы и пытаются выработать необходимые меры для их решения. Доклад Цзян Цзэминя свидетельствует о том, что основой для разрешения возникающих противоречий являются не меры административного характера, а проведение комплекса мероприятий по ускорению экономического развития, способных обеспечить рост жизненного уровня большей части населения.

В Китае признают многие проблемы, с которыми столкнулась страна при переходе от плановой к рыночной экономике (противоречие между растущими потребностями народа и отсталым общественным производством, большие межрегиональные различия, большая доля бедного населения и людей пожилого возраста, проблемы трудоустройства и социального обеспечения). На съезде КПК было объявлено, что эти проблемы можно решить только на основе осуществления стратегических задач “третьего шага” модернизации и решения задачи построения “общества достатка”. Для решения этой задачи в экономической сфере намечено увеличить к 2020 г. валовой внутренний продукт в 4 раза по сравнению с 2000 г., то есть до 4 трлн ам.долл., значительно усилить совокупную мощь страны и международную конкурентоспособность, осуществить в основном индустриализацию, создать совершенную систему рыночной экономики и открытую экономическую систему, повысить удельный вес городского населения, устранить тенденции к увеличению различий между промышленностью и сельским хозяйством, городом и деревней, отдельными регионами, совершенствовать систему социального обеспечения, сделать более полной общественную занятость, повысить доходы населения и обеспечить народу более зажиточную жизнь.

Анализ материалов XVI съезда КПК показывает, что в Китае видят дальнейшие пути социально-экономического развития страны не в ускоренной приватизации государственных предприятий и тотальной либерализации цен по всей стране, а в расширении внутреннего спроса и перехода к активной финансовой и умеренной монетаристской политике. Многочисленные материалы, посвященные анализу итогов 9-й пятилетки и задач 10-й пятилетки, показывают реалистичность намеченной китайским руководством программы социально-экономического развития страны. Что бы ни говорили, но Китай стал одной из немногих стран в Восточной Азии, которая смогла сравнительно безболезненно преодолеть последствия азиатского финансового кризиса и в целом решить кризис внутреннего спроса. Среднегодовые темпы прироста ВВП в со-

поставимых ценах с 1995 по 2000 гг. составили 8,3%, что значительно выше среднегодовых темпов развития мировой экономики — 3,8%.

Важным фактором развития китайской экономики является урегулирование производственной структуры, что постепенно уменьшает ее различия с другими странами. В 90-е годы произошли значительные изменения в структуре ВВП Китая, выражающиеся в увеличении доли третьей сферы, сокращении доли первой сферы и сохранении на прежнем уровне второй сферы. Однако при сравнении отраслевой структуры ВВП как с развитыми, так и с развивающимися странами легко обнаружить, что доля первой и второй сфер в КНР намного выше, чем во многих странах мира. Таким образом, у Китая обнаруживаются значительные резервы экономического развития при значительном повышении производительности труда в промышленности и сельском хозяйстве и создании значительного количества рабочих мест в третьей сфере, и прежде всего в сфере услуг, которая является наиболее трудоемкой. На наш взгляд, именно здесь, в создании дополнительных рабочих мест и увеличении занятости населения в третьей сфере в ходе реформы крупных предприятий государственного сектора и неизбежном сокращении численности занятых на них, скрыты дополнительные резервы развития китайской экономики в XXI в.

Быстрое развитие внешней торговли вывело Китай в восьмерку стран с наибольшим объемом внешнеторгового оборота. В 2001 г. доля готовой продукции в общем объеме экспорта составила 90,1%, а в общем объеме импорта — 81,2%. При этом в общем объеме как экспорта, так и импорта уже в 90-е годы преобладала продукция машиностроения и транспортного оборудования, а такая структура внешней торговли уже характерна для развитых, а не развивающихся стран. Со второй половины 90-х годов сохраняется высокий объем привлеченных иностранных инвестиций — от 48 до 65 млрд.долл. ежегодно. Только в 2001 г. было подписано 26140 контрактов с привлечением прямых иностранных инвестиций на общую сумму 69,2 млрд.долл., а объем валютных запасов превысил показатель 200 млрд.долл. Стабильное экономическое положение Китая на мировом рынке позволило ему с наименьшими потерями выйти из азиатского финансового кризиса в 1997-1998 гг., сохранить неизменным курс китайского юаня и даже увеличить объем внешней торговли за счет роста экспорта. На наш взгляд, в этой ситуации вступление КНР в ВТО не столько окажет сильное разрушительное воздействие на экономику Китая, сколько экспорт дешевых китайских товаров сможет оказать разрушительное воздействие на экономики многих стран, являющихся членами ВТО. Более того, не зря в ряде статей обсуждается вопрос об использовании юаня, а не йены как резервной валюты для стран Восточной и Юго-Восточной Азии.

Развитие науки, техники и образования в КНР за прошедшее время шло довольно быстрыми темпами. Расходы на научно-исследовательские работы и освоение достижений науки и техники составили 10,9% в год, однако пока еще общий уровень развития науки и техники остается невысоким по сравнению с другими странами. Доля расходов на НИОКР в ВВП Китая в 1999 г. составляла всего 0,8%, в то время как в развитых странах она составляла не менее 2%. Такое же отставание от развитых и ряда развивающихся стран сохранялось и в сфере образования. В КНР доля расходов на образование составляла 2,3% ВВП, в то время как в Японии — 3,6, США — 5,4, Индии — 3,2%. В то же время за последние годы Китай совершил рывок в информатике и в производстве средств передачи информации. За последние 10 лет среднегодовые темпы роста информационной сферы в 4 раза опережали рост ВВП. В 2001 г. общий объем производства информационных продуктов превысил 1 трлн.юаней, составив 19% ВВП. Общее число пользователей сети Интернет выросло с 620 тыс.чел. в 1997 г. до 22,5 млн.чел. в 2000 г. Тем не менее пока еще число персональных компьютеров на 1000 человек невелико и составляет всего 8,9 комплектов при среднемировом уровне 71 компьютер на 1000 человек.

Особенно заметные успехи за годы реформ в 80-90-е годы были достигнуты в сфере повышения материального благосостояния. По данным китайской статистики, показатель душевого ВВП вырос с 379 юаней в 1978 г. до 3608 юаней в 2001 г. Причем рост жизненного уровня китайского населения выражается конкретно в повышении покупательной способности и приобретении новых потребительских товаров, которые народ способен покупать. Если в 80-е годы это были такие предметы потребления, как холодильники и телевизоры, то в настоящее время многие китайские семьи могут позволить себе купить компьютер, модную одежду, мобильный телефон и домашний музыкальный центр. Многие семьи могут позволить себе приобрести новую квартиру или легковую машину. Тем не менее жизненный уровень населения Китая пока еще отстает от развитых стран как по среднему доходу на душу населения, так и по уровню обеспеченности жильем и медицинскому обслуживанию.

К 2005 г. Китай планирует обогнать по экономической мощи Францию и Италию и войти в пятерку сильнейших стран мира. Для дальнейшего ускорения экономического развития на съезде КПК были выдвинуты следующие задачи: совершенствование системы социалистической рыночной экономики, урегулирование экономической структуры, осуществление индустриализации, всестороннее развитие информатизации, ускорение процесса модернизации народного хозяйства при непрерывном повышении жизненного уровня населения.

Карлусов В.В. (д.э.н., главный научный сотрудник ИДВ). Для оценки места решений этого съезда в ряду происходящих в Китае институциональных изменений целесообразно, во-первых, учитывать переходный характер китайского общества, сохраняющиеся элементы политизации экономических и идеологизации общественных отношений, использование КПК «социалистических» по форме политико-пропагандистских штампов, во-вторых, опираясь на методологию системного междисциплинарного сопоставительного анализа, попытаться проникнуть глубже уровня простого цитирования китайских официальных источников.

Анализируя институциональные изменения, отраженные в документах съезда, целесообразно особо выделить следующие принципиальные моменты, связанные с развитием процесса институализации частной собственности в Китае:

- Фактический «карт-бланш» на дальнейшее опережающее развитие предприятий частной собственности, «важную роль» которых в «стимулировании экономического роста страны, увеличении занятости и оживлении рынка», как указано в докладе Цзян Цзэминя на съезде, «нужно полностью выявлять», «поощрять, поддерживать и ориентировать».

- Фактическое признание неизбежности дальнейшего убывания в экономике «доминанты» госсектора, которую необходимо, как отмечено в указанном докладе, приводить в соответствие со «стимулированием развития общественного сектора экономики».

- Поиск путей и форм приватизации госсектора «сверху», в рамках планируемой «реформы управления госимуществом», «продолжение поиска эффективных систем и форм госимущественной эксплуатации» за счет делегирования государством прав собственников и капиталовкладчиков центральному и местным правительствам.

- «Гармонизация отношений распределения», а на деле — дальнейший отход от характерного для традиционного социализма принципа распределения по труду и переход к рыночной форме распределения по факторам производства.

- Закрепление выдвинутой Цзян Цзэминем на базе «теории Дэн Сяопина» политической концепции «тройного представительства» в качестве краеугольного камня политической платформы КПК и основного принципа партийного строительства, предполагающего значительное расширение массовой социальной базы партии за счет вступающих в ее ряды «новых коммунистов» из числа «передовых» частных предпринимателей, постепенное превращение

КПК в надклассовую общенародную партию, которая должна «представлять коренные интересы самых широких слоев народа» (независимо от того, «есть ли у них имущество, а если да, то сколько»).

- Новую ступень на эволюционном пути отказа от традиционных социалистических идеологических догматов и замены их на адаптированную к социальному менталитету китайцев, приближенную к конфуцианским культурным истокам и в то же время адекватную современным рыночным преобразованиям формулу строительства «среднезажиточного общества» (*сяо кан шэжунь*), формулу, по сути идеологически ориентирующую китайское общество на возможное ограничение масштабов социальной дифференциации, формирование среднего класса как субъекта расширения емкости внутреннего рынка, фактора устойчивого экономического роста и гаранта социально-политической стабильности.

- Приход к высшей власти в КПК нового («четвертого») поколения лидеров, «не отягощенных бременем» ортодоксальной марксистской идеологии и способных в силу этого выступить в качестве инициаторов дальнейших рыночных экономических и институциональных преобразований в Китае.

Таким образом, резюмируя вышесказанное, можно утверждать, что, инициировав, а по сути под давлением внутренних и внешних факторов, допустив развитие в Китае процесса социально-экономической регенерации, последующей легитимизации и институционализации частной собственности, КПК как бы «выпустила джинна из бутылки» и — сейчас это особенно очевидно — вполне осознавая набираемые этим процессом «критические» массу и скорость, отнюдь не желает оказаться выброшенной на его обочину, а потому и предпринимает все доступные ей меры для сохранения своего контроля. Насколько долго и успешно ей это удастся делать, оставаясь де-юре коммунистической партией в де-факто некоммунистическом обществе, — покажет время.

Опыт же подобного рода авторитарного управления рыночными преобразованиями и торможения политических реформ вовсе не уникален и имеет в той или иной мере сопоставимые прецеденты и аналоги как в истории самого Китая (в частности, прецедент в целом поступательного развития КНР на основе маоцзэдуновской модели «новой демократии» в 1949–1953 гг.), так и в более современной мировой практике, например в истории развития «первого эшелона» азиатских новых индустриальных стран и территорий.

Кудин А.П. (помощник директора ИДВ по международным связям) в своем выступлении поддержал основные положения, высказанные В.В.Карлусовым относительно политики КПК в отношении национального капитала.

Он особо отметил, что внешний фактор, не менее чем внутренние обстоятельства, ориентирует КПК на повышение значимости национального бизнеса в структуре своих приоритетов. Не удивительно в связи с этим, что нынешний съезд КПК как первый съезд после вступления страны в ВТО, констатируя безусловную важность полномасштабного использования Китаем своих преимуществ на международном рынке, призвал и к поощрению предприятий всех форм собственности, включая частную.

А.Волкова (к.э.н., старший научный сотрудник ИДВ). Я хотела бы обратить внимание на постановку в материалах съезда проблем сельскохозяйственного производства.

В докладе Цзян Цзэминя и в докладе председателя Госплана КНР Цзэн Пэйяня на съезде были подведены итоги реформы и развития отрасли и определены цели на 10-ю пятилетку и на период до 2010 г. Снижение доли сельского хозяйства (I сфера) в структуре трех сфер общественного производства является позитивной тенденцией развития. Соотношение первой, второй и третьей сфер общественного производства в добавленной стоимости ВВП в 1990 г. составляло 27:42:31, в 2001 г. — 15:51:34, то есть доля сельского хозяйства снизилась на 12 пунктов. Это позволило Цзян Цзэминю сделать вывод о том,

что в стратегическом упорядочении структуры экономики достигнуты успехи, а положение сельского хозяйства в качестве основы продолжало укрепляться.

Структурная реформа экономики деревни также оценена как успешная. В стоимости валовой продукции растениеводства, лесного хозяйства, животноводства и рыбного хозяйства более быстрыми темпами возрастало производство двух последних отраслей. Непрерывно, как было отмечено, повышалась степень переработки сельскохозяйственной продукции, в результате росла эффективность хозяйствования и доходы крестьян. В структуре самого растениеводства стала формироваться архитектура сбалансированного развития, производятся различные сельскохозяйственные культуры все более концентрируясь в районах, где для этого наличествуют наиболее благоприятные условия. В русле структурной реформы проводились мероприятия по сокращению площади пашни, распаханная в прошлом под лесонасаждения, осушенные водоемы стали возвращаться на нужды их первоначального использования. По данным 24 провинций, приведенным Цзян Пэйянем, за период с 2000 г. по июль 2001 г. под лесные посадки было возвращено 43,3 млн му (2,9 млн га) пахотных земель. Одновременно с этим проводились мероприятия по эффективной охране пахотных ресурсов страны.

За 13-летний период (с 1990 г.), как отметил Цзян Цзэминь, экономика продолжала развиваться быстрыми темпами, и развитие это происходило на здоровой основе, успешное выполнение 9-й пятилетки заложило хороший фундамент для выполнения 10-го пятилетнего плана. Удалось в основном осуществить переход от плановой экономики к социалистической рыночной экономике, структура последней первоначально уже сформирована. Рынок стал играть основополагающую роль в распределении ресурсов. В настоящее время цены на 92,5% объема закупок продукции сельского хозяйства и подсобных промыслов регулируются рынком, непрерывно увеличивается объем сделок на рынке земли, хотя, по нашему мнению, последний находится в зачаточном состоянии и вряд ли выйдет из него в перспективе даже до 2010 г.

Как положительный фактор был отмечен рост доходов крестьян в 1990—2001 гг. на 62%, при том, что среднедушевой доход жителей городов и поселков увеличился более чем вдвое за этот период. Численность бедствующего населения деревень составляла в конце 2001 г. 28 млн человек, тогда как в начале реформы эта цифра была на порядок выше — 220 млн человек. Положительные сдвиги отмечены в структуре потребления сельского населения: доля среднедушевого расхода на покупку продуктов питания населением деревень в общих расходах семьи снизилась с 58,8% в 1990 г. до 47,7% в 2001 г.

Среди названных в докладе Цзян Цзэминя трудностей и проблем, с которыми сталкивалась страна, на первое место поставлен медленный рост доходов крестьян и части населения городов и поселков, а также неурегулированность отношений в распределении доходов. Кроме того, указано на отсутствие существенных сдвигов в сближении экономической структуры города и деревни и в преодолении тенденции к увеличению различий в положении отдельных районов. Озабоченность руководства страны вызывает также обострение экологических проблем, увеличение противоречий между сохранением среды обитания, природными ресурсами и экономическим развитием.

Среди целей всестороннего строительства общества среднего достатка (сяо кан) экономике деревни и сельскому хозяйству отведено второе место под рубрикой: "всесторонний расцвет экономики деревни, ускорение строительства городов и поселков". Сбалансированное развитие города и деревни, модернизация сельского хозяйства, развитие экономики деревни и повышение доходов крестьян названы важнейшими задачами в деле всестороннего строительства общества сяо кан. Указано на важность упрочения положения сельского хозяйства в качестве основы, продолжения структурной реформы сельского хозяйства и экономики деревни, сохранения и умножения возможностей комп-

лексного производства зерна, повышения качества и безопасности продукции сельского хозяйства, повышения ее конкурентоспособности. Подчеркнута необходимость активного развития форм хозяйствования на основе интеграции, повышения степени организованности крестьян при вступлении в рынок и комплексной эффективности сельского хозяйства, а также необходимость развития на местах переработки сельскохозяйственной продукции, усиления экономики на уровне уезда.

Неизбежной тенденцией индустриализации и модернизации названо перемещение рабочей силы из трудоизбыточных сельских районов в неземледельческие районы, в города и поселки. Урбанизацией с китайской спецификой названо одновременное развитие крупных, средних и малых городов, с одной стороны, и поселков городского типа — с другой. Развивать поселки городского типа предусматривается на базе уже имеющих уездных городов и подходящих по условиям поселков, осуществлять их научное проектирование, рациональное размещение и координацию с предприятиями волостей и поселков и сферы обслуживания.

В докладе Цзян Цзэминя подтверждается неизменность основных политических установок партии в деревне: в течение длительного периода времени сохранять стабильной и непрерывно улучшать двухступенчатую систему хозяйствования, при которой семейное ведение хозяйства с подрядом на землю является основой и сочетается с развитием общего и отдельного хозяйствования. В отдельных районах, где для этого имеются условия, руководствуясь законами, соблюдая принципы добровольности и компенсации при передаче подряда на землю, можно развивать масштабное хозяйствование. Одновременно с этим предполагается расширять обновление хозяйственной структуры деревни, относясь к крестьянскому двору как к субъекту рынка, и усиливать экономический потенциал коллективных форм хозяйства.

Поставлены задачи совершенствования сферы общественного обслуживания деревни, продолжения налоговой реформы и облегчения бремени крестьян, увеличения капиталовложений в сельское хозяйство, ускорения научно-технического прогресса в аграрном секторе.

Особым пунктом выделены мероприятия, проведение которых необходимо для более быстрого развития отсталых западных, преимущественно сельских, районов страны.

Акцент при этом делается на помощи и сотрудничестве с более развитыми восточными районами страны, увеличение капиталовложений, в том числе и государственных.

Л.Д.Бони (к.э.н., ведущий научный сотрудник ИДВ). Я хотела бы продолжить освещение проблем деревни.

Наряду с впечатляющими и неоспоримыми успехами за годы экономической реформы, отмеченными XVI съездом КПК, были указаны и основные проблемы и противоречия, возникшие в процессе рыночной трансформации, при этом большая часть их касается китайской деревни. Это прежде всего низкие и медленные темпы роста доходов крестьян; сохранение двухосновной структуры экономики; усиливающаяся тенденция различий в уровне темпов доходов населения деревни и города, внутри деревни, между регионами; наличие еще значительной прослойки бедных в деревне и частично в городе; продолжающийся рост численности населения и обострение проблемы неполной занятости; нерешенность проблемы социального страхования; усиливающееся противоречие между экологией, природными ресурсами и экономическим и социальным развитием. Сюда следует добавить и низкую эффективность и конкурентоспособность сельского хозяйства. Обострение дефицита сельскохозяйственных ресурсов (земля, вода).

Важнейшими звеньями повышения производительности труда, эффективности производства, конкурентоспособности, роста доходов крестьян и ре-

шения практически всего комплекса задач агросферы избран ряд основных направлений: 1. Структурные реформы (уже почти три года как началась реализация десятилетней комплексной программы стратегического урегулирования производственной и отраслевой структуры сельского хозяйства, сельской экономики). 2. Ускорение процесса урбанизации. Известно, что процесс этот серьезно отстает, сдерживая темпы сельской миграции. Съезд пошел на решительные меры, способные расчистить основные завалы на этом пути. Отчетный доклад, с одной стороны, дает добро (впервые) на "увеличение в сравнительно больших масштабах удельного веса городского населения", с другой, — "ликвидирует все системные и политические препятствия на пути развития урбанизации, чтобы обеспечить рациональное и упорядоченное обращение сельской рабочей силы." Это, в первую очередь, должно означать отмену системы сельской прописки, запрещавшей сельскому населению переезд в города. (Известно, что она недавно была отменена в пров.Фуцзянь и Гуандун). Подобные меры неизбежно приведут к существенному расширению масштабов урбанизации, ускорят процесс перелива излишка сельской рабочей силы в город, ибо наряду с малыми городами (или поселками городского типа) двери для сельских мигрантов должны открыть крупные и средние города. В отчетном докладе ставится задача: "поднять уровень урбанизации, проводить курс на согласованное развитие крупных, средних и малых городов." Это может означать плановое регулирование потока мигрантов и рациональное их распределение по городам разного уровня, но не ограничение. Данное решение будет иметь далеко идущие последствия для экономического и социального развития деревни. Оно будет стимулировать: 1) отток излишней сельскохозяйственной рабочей силы с земли, что ослабит нагрузку живого труда на единицу пашни, будет способствовать созданию хозяйств укрупненных размеров, специализации, росту производительности труда, повышению эффективности, качества и конкурентоспособности продукции сельского хозяйства, росту доходов крестьян; 2) свободное обращение основных факторов производства (не только рабочей силы, но и капитала, и земли, то есть имущественного права на землю), что ускорит формирование ресурсных рынков, станет важным шагом навстречу единому общенациональному рынку; 3) преодоление искусственной изоляции и развитие и расширение рыночных связей между городом и деревней; 4) ускорение структурных реформ в сельском хозяйстве и сельской экономике в целом и оптимизацию структуры, возможность использовать сравнительные преимущества разных видов продукции в разных регионах, развивать переработку и другие новые отрасли, включая 2-ю и 3-ю сферы. Это должно поднять эффективность и доходность сельского хозяйства. В конечном счете начнет выравниваться существующая ныне огромная диспропорция между структурой сельскохозяйственной занятости (на ее долю приходится 47-50% всей рабочей силы страны) и удельным весом вклада отрасли в ВВП страны (15,9% в 2000 г.), что будет означать действительно начало реального процесса модернизации агросферы, повышения производительности труда в сельском хозяйстве.

В плане социальном "снятие всех системных и политических препятствий" с обращения сельской рабочей силы, и прежде всего отмена системы сельской прописки, уравнивает социальный статус сельского населения с городским, делает его полноправными гражданами КНР. Это предполагает также неизбежный постепенный отказ от двухосновной структуры общества и экономики, разделившей все общество на две изолированные части — город и деревню и утвердившей практику "двух политик в одном государстве," различных по отношению к городу и деревне. Это, как известно, нашло свое проявление во всех сферах экономики и общественной жизни. Новые шаги могут означать уравнивание крестьян в правах с горожанами в получении основных общественных ресурсов и благ (от системы образования и здравоохранения до условий жилья и труда, социального страхования и пр.), более справедливое рас-

пределение финансовых ресурсов государства, общественных фондов страны, более адекватное финансирование строительства производственной и социальной инфраструктуры в деревне. Другими словами, за этими первыми важнейшими шагами КПК может стоять начало формирования активной социально-экономической политики, которая должна способствовать сглаживанию разрыва в уровне доходов и жизни горожан и крестьян, благоприятствовать развитию сельского хозяйства, экономики деревни, росту доходов крестьян, снятию определенного социального напряжения в ряде сельских районах.

3. Укрепление экономики уездного уровня. Акцент на укреплении уездного звена экономики может иметь важные последствия для экономического и социального развития всей сельской экономики (от уезда и ниже) по следующим причинам. Во-первых, уезды должны стать базой сельской урбанизации и индустриализации. Съезд указал, что имеющиеся уезды (а также имеющиеся условия поселки городского типа) должны стать основой для развития малых городов. К ним привязывается также развитие групп волостно-поселковых предприятий и сферы услуг. Уезды, таким образом, должны стать центрами формирования новых структур производительных сил, первыми принять на себя миграционный поток излишней сельскохозяйственной рабочей силы. Одновременно повышен статус малых городов, что создаст более благоприятные условия для мигрантов. Во-вторых, как показала экспериментальная реформа налоговой системы в деревне пров. Аньхой, растущее бремя косвенных налогов с крестьян во многом связано с хроническим дефицитом средств на низовом уровне административной системы (особенно в волостях и поселках, а также в части уездов). Средства, изымаемые у крестьян в виде денежных поборов и отчислений, в основном идут на нужды сельского образования и других социальных услуг, развития производственной и социальной инфраструктуры волостей, поселков и части уездов. Причиной подобной ситуации является серьезное недофинансирование государством этих нижних звеньев административной системы. На этом уровне проживает 1,1 млрд человек, в том числе 920 млн сельского населения, в уездных городах и городских поселках живет 170 млн человек, то есть абсолютное большинство населения страны, и систематическое и значительное недофинансирование всей социально-экономической сферы на базовом уровне самым серьезным образом сдерживает нормальное развитие всех сфер сельской экономики, ограничивает рост доходов населения волостей, поселков, деревень. Администрация уездов, волостей и поселков несет важнейшую функцию по удовлетворению жизненно важных потребностей (образование, здравоохранение, жилье, трудоустройство, социальное страхование, обеспечение общественного порядка и т.д.). Основные же поступления в бюджет от 2 и 3 сфер общественного производства и от налогов концентрируются преимущественно в городе. Реформа финансовой системы, проводившаяся с 1994 г., не была, на наш взгляд, доведена до логического завершения, разделение компетенции между центром и местами не сопровождалось адекватным распределением финансовых поступлений до уездного уровня. Вот один характерный пример. В г.Сиань в 1999 г. оказалось сконцентрированной и израсходованной половина всей стоимости валовой продукции, произведенной в пров. Шэньси, а уезды и волости провинции при этом испытывали большие проблемы со средствами на общественное производство.

4. "Комплексное планирование социально-экономического развития города и деревни." Эта установка может означать начало единого подхода в части планирования и распределения ресурсов, применения единых критериев развития и эффективности к промышленности и сельскому хозяйству. Она предполагает отказ от двухосновной структуры экономики, закрепившей двойной стандарт в политике в отношении города и деревни. Речь может идти о налаживании более пропорционального размещения производительных сил и более эффективного их использования в масштабах страны, исходя из сравни-

тельных преимуществ ресурсов на местах. Это может означать постепенное распространение формирующейся системы социального страхования и на деревню, хотя бы частично, введение единой системы образования в городе и деревне, утверждение единых тарифов на электроэнергию и другие энергоресурсы по стране в целом. Наконец, речь может идти об унификации налоговой системы и постепенном на единую общегосударственную налоговую систему. Пока же уровень налогообложения (прямые налоги) крестьян в среднем в 9 раз превышают налоговое бремя городского жителя, а с учетом косвенных поборов с крестьян, осуществляемых разными уровнями администраций (от волости и до провинции), — в 30 раз.

5. И, наконец, самое главное. Цзян Цзэмин, признав, что "система распределения доходов еще не отлажена", поставил задачу "углубления реформы распределительной системы." При этом, если первичное распределение доходов исходит из эффективности и фактически регулируется рынком, "стимулируя часть людей посредством честного труда законно разбогатеть в первую очередь," то "при перераспределении доходов следует исходить из принципа справедливости." Эта установка должна усилить функцию государства по регулированию распределительных отношений, выравниванию чрезмерно большой разницы в доходах разных слоев населения и разных регионов. Это очень важная установка. Она может означать, в действительности, начало активной социальной и распределительной политики в стране, которая позволит сгладить или уменьшить чрезмерный разрыв в доходах между отдельными социальными слоями, между городом и деревней, регионами, и соответственно ослабить социальные противоречия. И не только это. В связи с этим в газете "Нунминь жибао", отмечается, что правительство приняло решение урегулировать структуру национального дохода и структуру распределения общественных фондов. Подчеркивается, что при планировании и размещении инвестиционных средств в первую очередь необходимо обеспечивать потребности развития сельского хозяйства, чтобы осуществлять капитальное строительство с акцентом на ирригации, вести посадку лесов и лугов и бороться с эрозией, решать проблемы экологии.

Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что руководство страны, возможно, впервые настроено серьезно на корректировку традиционной стратегии развития с ее акцентом на индустриализацию и недооценкой проблем "трех нун" (деревни, сельского хозяйства, крестьянства) в плане отказа от практики косвенного изъятия средств из деревни на нужды промышленности и пересмотра структуры источников финансирования нового этапа индустриализации. Нынешняя стратегия развития, основанная на изъятии части прибавочного продукта, создаваемого крестьянами, путем "ножниц цен," методом внеэкономических дополнительных поборов ("бремени") и проведения политики двойного стандарта в отношении города и деревни, давно себя изжила, превратившись в серьезное препятствие на пути развития не только сельского хозяйства, но, в конечном счете, всей экономики страны, рынка и общества в целом. Если наше предположение верно, то многие негативные процессы, набравшие силу в деревне в 90-х гг., удастся преодолеть и перейти к реальному строительству новой деревни, к модернизации сельского хозяйства и повышению его эффективности, к росту доходов и благосостояния крестьян, к более сбалансированному, устойчивому развитию экономики страны в целом, к реальному социальному согласию в ближайшие двадцать лет.

З.А.Муромцева (к.э.н., старший научный сотрудник ИДВ) Хочу обратить внимание на две задачи, поставленные съездом: "Идти по индустриализации нового типа" и "Продолжать сохранять и совершенствовать основную экономическую систему. Углублять реформу системы управления государственным имуществом".

Индустриализация нового типа, осуществление которой в основном предполагается к 2020 г., характеризуется в докладе Цзян Цзэминя как наукоемкое и техноемкое производство с высокой экономической эффективностью, низкими затратами ресурсов, минимальным загрязнением окружающей среды и возможностями выявления преимуществ в людских ресурсах. Осуществление индустриализации по-прежнему остается труднейшей исторической задачей в процессе модернизации Китая. Поскольку информатизация — неизбежный выбор в ускорении индустриализации и модернизации Китая, необходимо стимулировать индустриализацию за счет информатизации и, наоборот, содействовать информатизации на основе индустриализации, избирать пути для индустриализации нового типа. Очевидно, что осуществление индустриализации нового типа по тем критериям, которые перечислены в докладе Цзян Цзэминя, — неимоверно сложная проблема в условиях роста безработицы в Китае, связанной как с естественным ростом трудоспособного населения в ближайшие годы, так и с необходимостью повышения конкурентоспособности индустрии за счет высвобождения ненужных эффективно производству работников. Между тем национальная идея — “великое возрождение китайской нации по пути социализма с китайской спецификой” — настраивает руководящую элиту Китая на мысль о том, что “первые 20 лет XXI в. — это для Китая период наиболее важных стратегических шансов, за которые необходимо крепко ухватиться и которые дают возможность многое сделать”. Следует отметить, что в стране идут интенсивные поиски и институализация необходимых изменений для развития системы инноваций, высоких технологий и новой экономики, а также развитие и укрепление стратегии “импорт — ассимиляция — инновация”. Уже к 2005 г. планируется создание в предварительном порядке национальной системы инноваций, отвечающей рыночной экономике и укреплению способности к самостоятельному поиску нововведений, а также повышению степени научно-технического развития.

Среди средств достижения поставленных целей необходимо обратить внимание на четвертую задачу — “сохранять и совершенствовать основную экономическую систему. Углублять реформу системы управления государственным имуществом”. Для выполнения этой задачи требуются, в соответствии с резолюцией, новое мышление в вопросах развития, новый прорыв — в области реформы, создание новой обстановки — в сфере открытой политики, причем всем участкам работы необходимы нововведения.

В выполнении этой задачи акцент в докладе Цзян Цзэминя сделан на реформировании государственных предприятий, названных “опорой народного хозяйства”. Углубление реформы связывается с поисками многообразных форм действенной реализации возможностей общественной, особенно государственной собственности, и всемерным стимулированием структурных, технологических и управленческих инноваций. В материалах съезда констатируется создание первоначальной системы современных предприятий, которая уже охватила 84% ведущих крупных и средних промышленных предприятий госсектора. В 2001 г. стоимость государственного имущества превысила 10,93 трлн юаней, увеличившись по сравнению с 1995 г. на 91,4%. Естественно, что необходимость сохранности этого громадного достояния страны в условиях растущей коррупции и тенденции значительного укрепления негосударственных секторов в смешанной экономике страны вызывает у стареющего поколения руководителей КПК, наряду с заявлениями о поддержке и поощрении общественных секторов, стремление оградить государственное имущество от растаскивания. Вопрос о том, что государству предстоит ввести соответствующие законы и правовые нормы и на основе их учредить систему управления госимуществом, благодаря которой центральные и местные правительства смогут от имени государства исполнять обязанности капиталовкладчика и обладать правами собственника, соблюдая интересы государственного собственника, не яв-

ляется новым. Речь об учреждении самостоятельной структуры управления госимуществом идет давно. Цзян Цзэминь, предлагая осуществление плюрализации субъектов инвестирования, настаивает на том, чтобы контрольный пакет акций наиболее важных производств находился в руках государства. Предложена схема, по которой обязанности капиталовкладчика по отношению к крупным предприятиям, инфраструктурным объектам, наиболее важным видам природных ресурсов и т.д., представляющим командные высоты народного хозяйства и касающихся госбезопасности страны, будет от имени государства исполнять центральное правительство, а в отношении остального государственного имущества — местные правительства.

Проблема эффективного и персонифицированного владения, пользования и распоряжения государственным имуществом, от решения которой зависит судьба индустриализации нового типа, остается одной из болезненных проблем в условиях нарастающей доли негосударственной собственности и возрастающих социальных проблем.

И.Н.Коркунов (к.э.н. ведущий научный сотрудник ИДВ).

На съезде Цзян Цзэминь заявил, что наступил новый этап открытости национальной экономики. В связи с этим я хотел бы кратко остановиться на некоторых направлениях реформы сельскохозяйственного производства. Как полагают в Китае, интеграция страны в мировую экономику предоставляет ей позитивные шансы, одновременно предъявляя ряд негативных вызовов. Очевидно, что эти шансы позволяют Китаю шире использовать импорт передовой технологии, иностранные инвестиции, новые рынки, тогда как вызовы определяются более низкой эффективностью многих отраслей экономики, высокими издержками производства и, как следствие, их малой конкурентоспособностью на мировых рынках. Поэтому мировые цены обычно ниже внутренних китайских цен.

Наиболее уязвимым является сельское хозяйство, признаваемое в КНР базовой отраслью и одновременно наиболее слабым звеном, "ахилесовой пятой" китайской экономики. Вызывает опасения ситуация, что даже прирост сельскохозяйственного производства не сопровождается увеличением среднедушевых доходов крестьян, которые в 2,5 раза ниже, чем у городского населения. В результате низкий спрос на рынке тормозит развитие экономики. Главным средством адаптации аграрной сферы к мировому рынку является повышение ее эффективности за счет расширения поступления государственных инвестиций, формирование увязки мелкого производства с рынками сбыта, урегулирование разницы в доходах между регионами путем финансовых, налоговых рычагов.

Особенно важной мерой является урегулирование структуры сельского хозяйства, усиление его конкурентоспособности в соответствии с принципом сравнительных преимуществ. Такими преимуществами в КНР обладают трудоемкие виды продукции — овощи, фрукты, продукция животноводства, водных промыслов. Поэтому предлагается повышать долю производства этих видов продукции и снижать долю других видов, не имеющих преимуществ — зерна, сахаросов, хлопка.

Для защиты сельского хозяйства в КНР предлагают, используя принципы ВТО, шире применять государственную поддержку сельского хозяйства. Китай отнесен к развивающимся странам и по нормам ВТО уровень поддержки не должен превышать 8,5% стоимости валовой продукции отрасли, то есть 5 млрд долл., в действительности он составляет лишь 3,6 млрд долл., то есть существует немалый резерв для повышения защиты отрасли. Однако этот резерв все-таки недостаточен. В связи с этим в Китае намечают ускорить создание системы контроля за качеством продукции, исходя из мировых стандартов и заключенных соглашений в рамках ВТО, а также разработать правую защиту торговли в условиях ВТО.

И.Б.Шевель (к.э.н., ведущий научный сотрудник ИДВ). Финансовая политика специально не рассматривалась на XIV съезде. Дело в том, что она была выработана в предшествующие съезду годы и в настоящее время в целом напряженно выполняется.

Представляется целесообразным рассмотреть некоторые направления финансовой политики между XV и XVI съездами, которые затрагивались как на XVI съезде, так и в выступлениях в ходе нашей дискуссии.

Одним из таких направлений является “активная финансовая политика”, к которой правительство перешло в результате влияния азиатского финансового кризиса. В 1998 г. правительство пошло на весьма неординарные меры — осуществило дополнительный выпуск обязательств государственного казначейства на 100 млрд ю, скорректировав центральный бюджет 1998 г. в сторону увеличения его дефицита на 50 млрд ю. Это означало изменение концептуального подхода правительства к вопросам дефицитности госбюджета. В течение всего периода экономической реформы, как и до ее начала, официальная позиция китайского руководства, несмотря на хронический дефицит госбюджета, заключалась в необходимости его сбалансированности, рассматриваемой в качестве условия стабильности финансово-экономического положения страны. Главная задача Министерства финансов заключалась в достижении сбалансированности бюджета к началу нового столетия. Однако в результате влияния азиатского кризиса финансово-экономическая ситуация подверглась весьма серьезным изменениям, что вынудило правительство предпринять меры по стимулированию экономического роста. Новая политика была направлена прежде всего на расширение внутреннего спроса. Она рассматривалась как особая политика в особых условиях и как чрезвычайная мера на краткосрочный период. Однако время показало, что за один—два года она не могла дать желаемых результатов. Как строительство инфраструктуры, так и структурная перестройка экономики требуют крупных государственных вложений, поэтому, согласно распространенному среди китайских экономистов мнению, эта политика должна проводиться также в течение 2000—2005 гг.

За весь период с 1998 г. она сыграла весьма существенную роль в стимулировании экономического роста страны. Ее вклад в прирост ВВП ежегодно составлял по официальным данным от 1,5 до 2,0 процентов. При этом ежегодно создавалось от 1,5 до 2 млн рабочих мест.

В то же время имеется другая сторона этой политики. Некоторые экономисты предостерегают, что эта политика не должна рассматриваться как долговременная из-за роста финансового дефицита и задолженности правительства. За период с 1998 по 2001 г. долгосрочные казначейские обязательства были выпущены на общую сумму 510 млрд ю. В 2001 г. дефицит бюджета составил 260 млрд ю., что составляет 2,7% ВВП, а непогашенная задолженность — 1,56 трлн ю., то есть 16,3% ВВП. И хотя эти показатели еще находятся в пределах принятого в мире уровня безопасности, представляется, что правительство вынуждено будет предпринять усилия для ускорения подготовки к ее завершению.

Другое весьма важное направление работы китайского правительства — продолжение реформы налоговой системы, начатой в 1994 г., но еще не завершенной. При этом упор делается на упорядочение финансовой нагрузки на крестьян. Проблема заключается в том, что в течение длительного времени нагрузка эта все более возрастала, а причиной ее было не официальное налогообложение, а наличие большого количества сборов и платежей на местах, часто носивших произвольный характер. Согласно установкам правительства, крестьяне должны уплачивать в виде налогов и сборов не более 5% своего чистого дохода за предшествующий год. Фактически же этот уровень в отдельные годы составлял более 10%, порой достигая 15%, что создавало угрозу для стабильности китайского общества. В создании дополнительной финансовой на-

грузки на крестьян участвовали административные органы различных уровней — от ведомств центрального правительства до волостных органов. В целях сохранения стабильности в деревне неоднократно предпринимались меры по упразднению незаконных сборов и платежей, однако практически вместо ликвидированных незаконных поборов появлялись другие.

Финансовое бремя крестьян использовалось, в частности, на содержание избыточного штата поселковых органов, на проведение различных мер в сфере образования. В различных местностях в ведении волостных органов имеется 20—30 структур, включающих планирование семьи, состояние дорог, культуры, школ, сети радио и телевидения и т.д. Их содержание должны обеспечивать крестьяне.

Реформа на экспериментальной основе началась в марте 2000 г. в пров. Аньхуэй, получив название реформы по “замене сборов налогами”. Там были отменены 50 видов дополнительных платежей, что снизило на 31% финансовое бремя крестьян и улучшило их отношения с должностными лицами. В 2002г. правительство расширило этот опыт на 18 других провинций. Согласно плану, стандартизированная налоговая система постепенно заменит серию налогов и сборов, ранее взимавшихся с крестьян в основных зернопроизводящих провинциях Центрального и Западного Китая.

Ожидается, что проходящая в настоящее время реформа снизит финансовое бремя 620 млн человек, то есть 3/4 всего сельского населения Китая. Согласно принятой схеме, крестьяне будут уплачивать 7% от денежного дохода в виде сельхозналога либо немного больше в виде налога на специфическую продукцию сельского хозяйства, и, кроме того, дополнительный налог, который не должен превышать 20% сельхозналога. Этот дополнительный налог будет использоваться для покрытия накладных расходов волостей и заработной платы волостных работников. По сравнению с 1999 г. реформа снизит финансовую нагрузку на крестьян в размере до 50 млрд ю.

В Китае считают, что реформа по “замене сборов налогами” представляет собой третью важную революцию в деревне после земельной реформы 50-х годов и перехода к системе подрядной ответственности крестьянских дворов в конце 70-х — начале 80-х годов прошлого столетия. Центральное правительство выделяет определенные средства на проведение реформы “по замене сборов налогами”, но наряду с этим требует, чтобы поселковые и уездные правительства развивали несельскохозяйственные виды бизнеса для приобретения новых источников поступления средств в целях повышения доходов крестьян.

Наконец, весьма важным представляется также третье направление финансовой политики китайского правительства. Оно связано с развитием и реорганизацией банковской системы. Суть проблемы заключается в том, что в течение длительного периода государственные коммерческие банки (“большая четверка”), представляющие собой стержень банковской системы страны, осуществляли кредитование госпредприятий без учета кредитоспособности этих предприятий, что привело к накоплению огромной непогашенной задолженности. Это вызвало крупные потери банков и стало главной причиной возникновения в больших размерах недействующих, или “плохих” кредитов — главного тормоза реформирования банковской системы.

Для выхода из сложившейся ситуации в 1999 г. были созданы 4 государственных компании, которые должны были взять на себя управление “плохими” кредитами и приложить усилия для преобразования их в акционерный капитал. Эти компании взяли на себя обязанность реализовать недействующие кредиты в размере 1,4 трлн ю. Для этого используются различные методы, включая реорганизацию предприятий, аукцион, контракт, банкротство, продажу, получение котировок акций.

Согласно оценкам, за 3 года были реализованы “плохие” кредиты на сумму 400 млрд ю. Что же касается 1 трлн ю., то есть основания полагать, что

эта сумма может превратиться в убытки в связи с отсутствием возможностей для ее реализации. Что касается той части неработающих активов, которая осталась на счетах “большой четверки”, то правительство поставило перед банками следующую задачу: в течение 10-й пятилетки (2001—2005) добиться ежегодного их снижения на 2—3%. По данным на сентябрь 2001 г., такие активы составляли 1,8 трлн ю., или 26,6% общего объема кредитования этих банков.

Руководящие органы Народного банка Китая и “большой четверки” банков дали обещание быть энергичными в продвижении реформы банковского сектора, чтобы справиться с вызовами от вступления Китая в ВТО.

Э.П.Пивоварова (д.э.н., главный научный сотрудник ИДВ). Остановлюсь на некоторых социально-экономических проблемах КНР, освещение которых считаю наиболее дискуссионными.

КНР стала одной из немногих стран, где вносимая в ходе рыночного реформирования экономики социальная плата, а именно: имущественная дифференциация, не полностью гарантированная занятость, замена прежних бесплатных социальных услуг системой долевого участия государства, предприятия и самих граждан в оплате образования, здравоохранения, жилья и т.п., оказалась посильной для населения, качественные параметры жизни которого постепенно, но верно улучшались на протяжении всех лет реформы.

Именно на основании этого, в первую очередь, следует говорить о рыночной реформе в КНР как о социально ориентированной. Отрицание социально ориентированного характера китайской реформы, а тем более утверждение об огромной социальной цене за экономический прогресс в КНР, как это делают некоторые ученые, ссылаясь на низкие среднедушевые показатели ВВП в КНР или на некоторые статистические стандарты международных организаций, некорректно и не основано на анализе всей совокупности прежних и нынешних социально-экономических реалий страны.

Само понятие “ориентированность” в переходной экономике говорит о направленности преобразований, а не о степени богатства страны. Главными же результатами рыночных преобразований в китайском обществе явилось то, что в огромной и гипернаселенной стране относительно к дореформенному прошлому улучшились жизненные условия почти всех слоев населения, в 4-5 раз выросли реальные доходы трудящихся, заметно повысилось качество жизни. И это при том, что страна по уровню народного благосостояния по-прежнему остается бедной и отсталой.

Характерно, что и в условиях нарастающих социальных трудностей после более активного со второй половины 90-х годов проведения рыночных преобразований на крупных и средних государственных предприятиях в КНР продолжается рост реальных доходов трудящихся. Согласно официальным данным, фактический рост средних доходов рабочих и служащих в городах и поселках составил 6,4 в 2000 г. и 8,5% в 2001 г., крестьян — соответственно, 2,1 и 4,2%. Только в 2001 г. число бедняков на селе сократилось на 4 млн человек.

Основываясь на вышеназванных фактах, никак не могу согласиться с утверждением, что сегодня экономический рост нужен Китаю “сам по себе, а не для решения социальных проблем”. Не только факты, но и само название доклада Цзян Цзяминя на съезде “Всесторонне вести строительство среднезажиточного общества и создавать новую обстановку для дела социализма с китайской спецификой” — опровергают это.

В связи с вышесказанным коротко остановлюсь на вызвавшем споры тезисе, высказанном автором, о неправомочности заявлений о подмене в КНР понятия “социализм с китайской спецификой” понятием “общество сяо кан”. Во-первых, это разнопорядковые категории, которые нельзя заменять одну другой. Первая из них, характеризующая общественно-производственные, то есть экономические отношения людей, не может быть заменена категорией “общества средней зажиточности” даже со всем его набором морально-этичес-

ких норм. Во-вторых, это вовсе не следует из материалов съезда и в первую очередь из самого названия доклада Цзян Цзэминя, где все политэкономически грамотно расставлено по своим местам. Акцент съезда на необходимости достижения *сяо ка* для всего китайского общества (к концу XX века уровня *сяо кан* достигло примерно 70% населения страны), свидетельствует о последовательных шагах китайского руководства для решения им же выработанной стратегической задачи избавления страны от бедности и отсталости и построения в конечном счете мощного и богатого государства.

Не могу согласиться с мнением, что XVI съезд впервые поставил акценты на развитии частного хозяйства и необходимости защиты его интересов подкрепленными поправками в Конституции.

Реформа затронула основу всей экономической деятельности страны (отношения собственности), уже к середине 80-х годов реальностью стали легальное развитие не только индивидуальных, но и частных хозяйств, распределение не только по труду, но и по капиталу, теоретическую и практическую основу обрел госкапитализм. Такой способ развития производительных сил и производственных отношений в стране получил официальное одобрение уже на XV съезде КПК в 1997 г. и правовое оформление в поправках к конституции КНР в 1999 г.

Отказавшись от мышления категориями классового антагонизма, в КНР по существу сделали ставку на допущение всего, что работает на создание могучего и богатого государства, но ради защиты интересов трудящихся сохранили идею социального контроля над производством.

Внимательное прочтение материалов XVI съезда КПК, и в первую очередь доклада Цзян Цзэминя, свидетельствует, что XVI съезд, на котором управление страной передано новому поколению руководителей, еще раз подтвердил все те подвижки в социально-экономической политике, которые были сделаны в сторону признания необходимости параллельного развития различных хозяйственных укладов на XV съезде КПК и в обновленной Конституции КНР. Обратимся к документам и фактам.

Подчеркнув, что основу социалистической экономической системы КНР составляет социалистическая собственность на средства производства, принятая в декабре 1982 г. на 5-й сессии ВСНП 5-го созыва Конституция КНР определила положение и роль различных секторов народного хозяйства: государственного, основанного на общенародной собственности, кооперативного, базирующегося на коллективной собственности трудящихся масс, индивидуального хозяйства городских и сельских тружеников, а также совместных предприятий, основанных на китайском и иностранном капитале.

Исходя из действительности, характеризовавшейся быстрым перерастанием единоличных хозяйств в частные, состоявшийся в октябре 1987 г. XIII съезд КПК поставил задачу: в кратчайшие сроки разработать политику и законы о частном хозяйстве. В соответствии с этой задачей на 1-й сессии ВСНП 7-го созыва (апрель 1988 г.) было принято дополнение к 11-й статье Конституции КНР, а в июне 1988 г. Госсовет опубликовал "Временные положения о частных предприятиях КНР".

Характерно, что если вначале индивидуальные и частные хозяйства, получившие правовой статус в КНР, рассматривались как "важное дополнение к социалистической экономике", то на XV съезде КПК в 1997 г. речь о них шла не просто как о "дополнении" к занимающему ведущие позиции общественному сектору, а как о "важной составной части" народного хозяйства, а общий новый подход был сформулирован как "совместное развитие разных секторов многоукладной экономики при доминирующем положении общественной собственности".

В соответствии с поправками к Конституции КНР, внесенными на 2-ой сессии ВСНП 9-го созыва в марте 1999 г., подчеркивалось, что государство

поддерживает экономическую систему, при которой общественная собственность (государственная и коллективная) доминирует, а другие формы собственности развиваются параллельно. Необщественный сектор экономики, включающий индивидуальные и частные хозяйства, был назван важной составляющей социалистической рыночной экономики, деятельность которого государство должно контролировать, а законные права и интересы — охранять.

На XVI съезде КПК была подтверждена необходимость “сохранения и совершенствования основной экономической системы — совместного развития разных секторов экономики при доминанте сектора общественной собственности”. При этом подчеркивалась необходимость “укрепления и развития общественного сектора безо всяких колебаний”. В пользу этого названы следующие аргументы: “Развитие и укрепление государственной экономики, ее контроль над командными высотами народного хозяйства играют ключевую роль в развертывании преимуществ социалистического строя, усилении нашей экономической мощи, оборонного потенциала и сцементированности нации. А коллективная экономика как важная часть общественного сектора играет свою важную роль в осуществлении всеобщей зажиточности”. Это — во-первых.

Во-вторых, съезд обращает внимание на необходимость “поощрения, поддержки и ориентирования развития необщественного сектора экономики безо всяких колебаний”, который “как важная часть социалистической рыночной экономики играет существенную роль в полной мобилизации активности всех кругов общества и ускорении развития производительных сил”.

Наконец, в-третьих, подчеркивается, что сохранение доминанты за общественной собственностью важно приводить в единство со стимулированием развития необщественного сектора экономики, не противопоставляя одно другому.

То есть почти дословно официальные формулировки 3-5 последних лет в отношении и к общественным, и к необщественным формам хозяйств повторены в решениях XVI съезда КПК.

Сегодня некоторые ведущие китайские ученые-экономисты как старшего, так и нового поколения, с которыми пришлось беседовать автору во время научной командировки в КНР в ноябре 2002 г., накануне открытия XVI съезда, считают, что нынешние наиболее сложные проблемы дальнейшей реформы экономической системы страны (рост безработицы, социальная и имущественная дифференциация в обществе, неотлаженность финансовой системы и системы распределения доходов, неотрегулированность цен, рост разрыва в уровне социально-экономического развития между городом и деревней, между восточными и западными регионами, рост коррупции) взаимосвязаны и замыкаются на отыскании наиболее пригодного для специфических условий Китая рецепта преобразования государственных предприятий.

В связи с этим хотелось бы обратить внимание на следующий тезис в докладе Цзян Цзэминя на XVI съезде: “Государственные предприятия — опора нашего народного хозяйства. Важно углублять их реформу, вести дальнейшие поиски многообразных форм действенной реализации общественной и особенно государственной собственности, всемерно стимулировать структурную, технологическую и управленческую инновацию предприятий”. В этом тезисе и в его последующей конкретной расшифровке прямо ощущается учет рекомендаций ведущих ученых-экономистов Китая. По мнению автора, реализация этих рекомендаций может выразиться в более осторожной и более выборочной дальнейшей реформации крупных государственных предприятий, чем это было в последние 5-7 лет.

Л.И.Кондрашова (д.э.н, главный научный сотрудник ИДВ). Я хочу осветить вопрос об изменениях в экономической системе и о характере общества в Китае.

Съезд подтвердил приверженность прежней стратегии на создание социалистической рыночной экономики и построение “социализма с китайской спецификой”. Новых теоретических концепций, за исключением, пожалуй, «те-

ории трех представительств», продемонстрировано не было. Однако есть один момент, который заслуживает самого пристального внимания, это — выдвигаемое в настоящее время положение о переходе Китая к новой индустриальной модели, ориентированной на наукоемкие, ресурсосберегающие, экологически безопасные отрасли промышленности с высокой экономической отдачей и эффективным использованием человеческих ресурсов. Казалось бы, об этом говорили и прежде, но сейчас это прозвучало, на мой взгляд, как главная стратегическая установка.

Хотелось бы подчеркнуть три самых главных момента:

- Китай достиг за годы реформы колоссальных экономических успехов, доказав на своем опыте возможность успешного реформирования социализма. Можно констатировать, что китайская реформа обошлась без «неизбежных издержек», если под ними понимать снижение жизненного уровня населения. Следует особо отметить, что модель экономического роста, которой до сих пор придерживался Китай, полностью себя оправдала.

- Экономическая система претерпела кардинальные изменения. В Китае уже сложилась, хотя еще и несовершенная, рыночная система. Можно согласиться с официальным выводом о том, что «народное хозяйство страны переходит от стадии, когда ведущую роль играли правительственные установки (мы бы сказали административно-командной системы), к новой стадии, на которой в полной мере проявляются спонтанные, самостоятельные, иначе говоря, рыночные факторы роста» (позиция ГСУ КНР).

- В то же время нельзя отрицать, что в экономической и общественной жизни страны имеется множество серьезных проблем, частично доставшихся от прежнего хозяйственного механизма, частично порожденных новыми условиями рынка. Нерешенными остаются и такие «традиционные» проблемы Китая, как демографическая и экологическая. Но именно таков магистральный путь прогресса — одни угрозы и опасности меняются на другие.

Единственный путь решения накопившихся проблем и новых нежелательных тенденций — это продолжение реформ и продолжение экономического роста, что и подтверждено в материалах съезда. Однако масштабность проблем такова, что прежних, главным образом экстенсивных, методов роста уже недостаточно. Китай догоняет развитые страны по общим масштабам производства, но продолжает отставать по технико-экономическим показателям. Анализ материалов съезда позволяет сделать заключение, что Китай в настоящее время переключается на модернизацию производительных сил в самом широком толковании этого понятия, включающего в себя техническую реконструкцию производства, его реструктуризацию, повышение качества рабочей силы, широкое внедрение в производство достижений науки и техники. Задача перехода с экстенсивного на интенсивный путь развития, только декларировавшаяся прежде, сейчас вносится в повестку дня. Именно в такой постановке вопроса (первое «представительство» из трех) я вижу основное значение и назначение съезда. Модель роста с приоритетом занятости (то есть продолжение экстенсивного роста) отвергается как несоответствующая с тенденциями новой информационной эпохи.

Само собой разумеется, что такой поворот создает новые проблемы и новые угрозы. Так, решение новых задач невозможно в рамках прежней социалистической идеологии, которая была идеологией индустриализации, призванной преодолеть экономическую отсталость мобилизационными методами. В такого рода условиях улучшение экономического положения работников и полное выявление их творческих возможностей не являлось непосредственной целью экономической стратегии. Заслугой китайских коммунистов можно считать то, что они в ходе экономической реформы уже пошли на серьезную ревизию классического социалистического учения (что касается перехода к рынку, реабилитации частной собственности, легитимизации различных видов доходов и

многих других моментов). Но логика «открытого общества» требует новых идеологических уступок, что показывает, в частности, постепенное вхождение в научный лексикон прежде неприемлемого термина «приватизация».

Встает вопрос о соотношении «ядра» идеологии и вводимых инноваций. При каком масштабе инноваций совершается переход к новому качеству, происходит смена самой идеологии? Новые цивилизационные просторы, на которые выходит Китай, несовместимы ни с догматическим социализмом, ни с архаикой капитализма, ни с расплывчатой моралью «третьего пути» в трактовке западных теоретиков. Китай идет к созданию нового общественного строя и новой идеологии, но, осознавая необходимость подлинного «идеологического прорыва», пока предпочитает оставаться в устраивающей многих «позе умолчания». Это демонстрирует, в частности, затянувшийся уход от определения характера китайского общества. Я полностью согласна с прозвучавшими здесь выводами о том, что «Китай не связывает себя идеологическими путями», «не спешит с характеристикой строя». Но, как мы знаем из самой китайской философии, каждое явление должно иметь свое «имя». Оно не только характеризует современную «данность», но и определяет траекторию дальнейшего развития. Считать ли наблюдающуюся «идеологическую паузу» проявлением мудрости китайских руководителей или же их неготовностью совершить подлинный идеологический прорыв — этот вопрос пока остается, на мой взгляд, открытым.

Хочу обратить внимание на то, что марксистско-ленинское учение, обвиняемое многими в догматизме, отнюдь не утверждало незыблемость господствующей идеологии. Ленин говорил о том, что «исторически условна всякая идеология, но безусловно то, что всякой научной идеологии (в отличие, например, от религиозной) соответствует объективная истина, абсолютная природа».

И все же можно отметить несколько моментов, свидетельствующих о поисках и подступах к «новой идеологии»:

Во-первых, это особый акцент на «национальном возрождении», что выглядит отступлением от традиционного «классового подхода» (это отступление прослеживается и по многим другим направлениям);

Во-вторых, ряд новых моментов в определениях «общественного» и «частного», в интерпретации тезиса о «господстве общественной собственности на средства производства», в поисках нового определения процесса разгосударствления как «демократизации собственностиских отношений».

В-третьих, уход от прежнего лозунга о «социальной справедливости» как уничтожении эксплуатации человека человеком и обращение к проблемам причин и последствий имущественной дифференциации, рациональной занятости, создания системы социального обеспечения. Показательно отсутствие комментариев к дансяопиновскому тезису «пусть одни обогащаются раньше других».

Ряд политологов предложил в свое время деление послереволюционного периода на три этапа: харизматическое руководство, переходный этап, институционализированное руководство. В настоящее время, если придерживаться этой схемы, в Китае заканчивается переходный этап, включившей в себя и хозяйственную реформу. На повестку дня выходят серьезные институциональные преобразования, к числу которых относится изменение (разделение) государственных функций.

Согласно общим теоретическим представлениям, государство несет три основные управленческие функции — административное управление, макрорегулирование и выполнение роли собственника. В свое время были высказаны предложения о том, что функции государства-собственника должен выполнять специальный орган — Комитет по делам государственного имущества с региональными подразделениями, который может либо сам осуществлять право держатели государственного пая, или передоверять его государственным холдингам или другим организациям (инвестиционные фонды, крупные производ-

ственные объединения). Этот орган должен работать вне существующих государственных структур, на правах «второго правительства».

К практическому осуществлению этого плана приступили уже в 1988 г., когда было учреждено Управление государственным имуществом, и стали создаваться его региональные подразделения. Примерно 10 лет ушло на организационное оформление этой системы, которая, тем не менее не заменила прежнюю систему прямого или местного управления. Комитет по управлению госимуществом остался бюрократической организацией, выполняющей функции регистрации госучреждений, не представляя интересов собственников и к тому же дублируя работу Государственной плановой комиссии.

В 1998 г. в ходе административной реформы аппарат этого Комитета был сокращен, а он сам переброшен сначала под управление Комитета по экономике и торговле, а потом Министерства финансов, что значительно снизило его авторитет. Критику вызвала и начавшая создаваться в некоторых районах система «доверительного управления». Фактически право собственности продолжает оставаться раздробленным, и государственные дивиденды не получили своего собственного кругообращения. Созданные государственные холдинги сохранили в значительной мере прежний характер административный организаций.

В докладе Цзян Цзэминя на съезде было заявлено, что «обязанности капиталовкладчика (т.е. собственника) по отношению к крупным госпредприятиям, инфраструктуре, важным видам природных ресурсов и т.д., которые представляют собой командные высоты народного хозяйства и касаются государственной безопасности, будет от имени государства выполнять Центральное правительство. В отношении же остального госимущества обязанности капиталовкладчика от имени государства возлагаются на местные правительства». Одновременно было указано на необходимость продолжения поисков по созданию эффективной системы управления госимуществом.

Уже 4 декабря 2002 г. появилось сообщение об организации Комитета по управлению государственной собственностью, который в отличие от прежде созданного, не будет входить в структуру правительства. Это свидетельствует о том, что многие важные решения будут приняты на предстоящей сессии ВСНП и на этапе ее подготовки.

В.В.Михсев. XVI съезд КПК закрепил на высшем партийном уровне наметившиеся в последние годы тенденции экономического и политического развития Китая в направлении глобализации и либерализации китайской экономики, постепенной демократизации общества, но при сохранении всей полноты власти в руках КПК.

На съезде не было принято каких-либо «неожиданных» решений или решений «прорывного характера». В то же время основные решения съезда имеют **стратегическое** значение для Китая. Они содержат принципиальные политические и идеологические новации, на которые китайское руководство идет вслед за трансформацией национальной экономики в рыночном направлении.

Съезд не внес каких-либо значимых нововведений в экономическую стратегию, сохранив тем самым преимущество прежнего курса, возложив на новых лидеров ответственность за формулирование будущего курса развития Китая.

Ключом к пониманию логики мышления и мотивации принятия решений китайскими лидерами является понятие «**стабильность**». Высшее китайское руководство, на своем опыте знающее о трагедиях «культурной революции» 60-х, кризисе политической власти, поставившем страну на грань гражданской войны в 70-е годы, о студенческих волнениях 1989 г., во главу угла своих действий ставит именно задачу сохранения социальной и политической стабильности более чем миллиардного китайского общества. Китайские лидеры прекрасно понимают, что стабильность является гарантией и условием сохранения власти в руках КПК, но для обеспечения стабильности нужны высокие темпы экономического развития, постоянное осязаемое людьми улучшение со-

циальных условий их жизни и единство или, по крайней мере, поддержание его видимости. КПК вправе рассчитывать на свою легитимность, пока она обеспечивает стабильный экономический рост и избегает острой внутривнутриполитической борьбы.

Основой сохранения политической власти в своих руках китайское руководство считает поддержание баланса между реформой, развитием и стабильностью на основе стратегических рыночных постулатов Дэн Сяопина, в глазах современных китайских лидеров положившего конец хаосу и смуте.

Главное условие укрепления власти КПК в стране с более чем миллиардным населением — поддержание экономического роста. Пока КПК доказывает, что она способна справиться с этой задачей, позиции партии остаются прочными. Вместе с тем главными факторами экономического роста КНР выступают интеграция страны в мировое рыночное поле, либерализация финансовой политики, приватизация госпредприятий, рост частного капитала. Однако развитие именно на этой основе неизбежно приводит к противоречию между экономическим плюрализмом и монополией партии на власть.

Вместе с тем было бы неверным считать, что данное противоречие разрешимо лишь через политический кризис, хотя такой вариант развития событий нельзя исключать. У КПК есть шанс использовать свою монопольную власть ради сохранения стабильности в обществе как можно дольше, пока такого рода и такой цены стабильность продолжает обеспечивать рост, реформу и интеграцию в глобальную экономику.

Превращение Китая в экономически развитое и процветающее государство (условно говоря, на уровне Южной Кореи и Тайваня 80-х — 90-х годов, когда в этих странах начался процесс демократизации) создаст социальную основу, на которой либо будет реализован градуалистский вариант политических реформ в Китае, либо общество более или менее спокойно перенесет политический кризис, сопровождающий «быстрые» политические трансформации.

А.М.Григорьев. Переходим к обсуждению решений съезда по вопросам внешней политики и внешнеэкономических связей.

С.Н.Морозов (к.и.н., первый зам. главного редактора журнала “Проблемы Дальнего Востока”, ведущий научный сотрудник ИДВ).

Как свидетельствуют материалы XVI съезда КПК, за истекшие годы, и особенно за последнее десятилетие с лишним интенсификации политики реформы и открытости, Китай сумел достичь внушающих уважение результатов. Притом не только в виде цифровых показателей стабильного экономического роста и качественного укрепления суммарной мощи государства, в том числе и существенного улучшения благосостояния большинства населения, но и в виде создания в стране фундамента уверенности в двух аспектах. Во-первых, в возможности выполнения намеченной стратегической программы модернизации. Во-вторых, в укреплении убежденности в том, что КНР уверенно идет к превращению в подлинно мировую силу, одну из ведущих держав мира. Акцент на культивировании такой уверенности ощутим в обнародованных материалах съезда. Похоже, что китайские руководители третьего и четвертого поколений обдуманно стараются превратить такое самосознание и усиливаемое им чувство национального достоинства и национальной гордости в общенациональный политический, идейный и психологический фактор, который призван способствовать более эффективному выполнению утвержденных амбициозных планов дальнейших преобразований и тем самым играть роль движущей силы для ускорения дела модернизации страны, или, если воспользоваться еще одной, более развернутой установочной формулой из доклада Цзян Цзэмина, “ускорения социалистической модернизации в интересах превращения социалистического Китая в развитую могучую страну и внесения более весомой лепты в дело прогресса человечества”. Это — основная и главная установка, которой предостит руководствоваться всей политике Китая в первой половине XXI века.

При этом, заканчивая свой доклад, Цзян Цзэминь предупредил (и это его предупреждение было записано в резолюции XVI съезда): "Перед лицом весьма беспокойного мира, трудных и сложных задач все партийные товарищи обязаны заострять свою бдительность против возможных бед и заблаговременно принимать меры предосторожности. Нужно трезво смотреть на тот суровый вызов, который бросает все более ожесточенная международная конкуренция, на те трудности и опасности, которые стоят на нашем пути вперед..."

Хотелось бы выделить несколько характеристик, особенностей и акцентов во внешнеполитических положениях решений XVI съезда.

1. Эти решения в целом являются продолжением и развитием той внешнеполитической стратегической платформы, которая была определена на XII и последующих партийных съездах пореформенного периода. Конечно, она осуществляется с учетом очень серьезных изменений в международной обстановке, однако неизменно руководствуясь магистральными направлениями движения вперед по пути, как формулируют в Китае, реформ, открытости и социалистической модернизации. Отсюда проистекает плотная сопряженность внешнеполитических решений XVI съезда с установками на всестороннее преобразование экономики на принципах рыночного социализма "с китайской спецификой", а также во всех других областях внутреннего строительства страны и укрепления системы руководства КПК в государстве и обществе.

"Строительство социализма с китайской спецификой" — данное определение не просто присутствует в заглавии отчетного доклада на XVI съезде, оно проведено через буквально все разделы его решений в качестве основополагающего. Оно подразумевает, в частности, высокую активность во всей внешнеполитической работе и международных связях КНР. Ибо — и в этом исходная оценка съездовского анализа положения дел в мире — в международной обстановке происходят глубокие перемены, зигзагообразно (т.е., надо понимать, в противоречиях и столкновении интересов) идет развитие тенденции к многополярности мира и экономической глобализации, стремителен научно-технический прогресс, все больше обостряется конкуренция в совокупной государственной мощи. "Поэтому, — подчеркивается в докладе Цзян Цзэминя, — ситуация вынуждает идти вперед, чтобы не отойти назад".

Логично развить такой вывод до предположения о том, что в этих условиях Китай будет стремиться не только не допускать отставания, но, по существу, все больше брать на себя активную и инициативную, а при необходимости и возможную — и авангардную роль в делах мира, международных отношениях. "Наша партия обязана твердо стоять в голове веяний эпохи", — сказал Цзян Цзэминь, повторив три "великие исторические задачи" Китая, которые впервые были названы Дэн Сяопином на XII съезде КПК в 1982 г. и которые передавались на протяжении 80-90-х гг. от съезда к съезду по эстафете стратегических целей КПК: продвижение вперед дела модернизации; завершение объединения Родины (т.е. решение и тайваньского вопроса); защита мира во всем мире и стимулирование совместного развития.

2. Съезд показал, что реализовать стратегические задачи своего внешнеполитического курса КПК и руководимое ею государство намерены на основе развития "основного опыта" и принципов, выработанных за годы реформ и открытости. Прежде всего, согласно обобщающей формуле: "проводя самостоятельную и независимую внешнюю политику, защищать мир во всем мире, стимулировать совместное развитие". В отчетном докладе ЦК КПК также выделено положение о том, что важно всегда ставить на первое место суверенитет и безопасность государства.

Очевидно, что "установка на мир" вытекает и из внешнеполитических, и из внутренних задач, сформулированных на съезде. Был сделан вывод о том, что "развитие тенденции к мультиполяризации и глобализации экономики

создало шансы и благоприятные условия для мира на Земле и ее развития" и что в обозримый период времени новая мировая война не вспыхнет.

Вместе с тем, в докладе констатируется — "мир все еще очень неспокоен, и человечество стоит перед лицом многообразного сурового вызова": переплетаются старые и новые факторы угрозы безопасности, растет вред терроризма, то и дело вспыхивают локальные конфликты на почве национально-религиозных противоречий, пограничных и территориальных споров, еще больше увеличивается разрыв в уровне развития Юга и Севера.

Меры, предложенные XVI съездом для развязки названных проблем, в целом являются конструктивными, нацеленными на поиски мирных решений и смягчение противоречий и споров. Эти меры не выходят за рамки известных позиций и предложений КНР, и они еще раз были изложены на съезде в подчеркнуто неконфронтационной форме.

Съезд в своей резолюции выразил готовность "совместно с народами мира охранять общие интересы всего человечества, активно стимулировать мультиполяризацию мира, выступать против всех форм гегемонизма и силовой политики и сообща продвигать вперед благородное дело мира во всем мире и развития". Цзян Цзэминь сказал в отчетном докладе о стремлении Китая "стимулировать гармоничное сосуществование различных сил и поддерживать стабильность международного сообщества".

В докладе на съезде руководитель Китая подчеркнул активную позицию своей страны в вопросе о борьбе с угрозой международного терроризма. Вместе с тем, был осужден "несправедливый и неразумный старый международный политический и экономический порядок" и повторено предложение о формировании нового, справедливого международного порядка.

Особо, в частности, Цзян Цзэминь выделил необходимость того, чтобы активно стимулировать развитие экономической глобализации в направлении, благоприятном для совместного процветания, "выявлять ее плюсы и избегать ее минусов, давать всем странам, но особенно развивающимся, извлекать из нее пользу".

Высказанные позиции соответствуют заинтересованности Китая в поддержании стабильной и спокойной международной обстановки, благоприятной с точки зрения возможности выполнения в намеченных объемах и сроках программы реформ и развития страны.

Возможно, не без влияния внешнеполитической и дипломатической практики последних лет, когда Пекин принимал активное участие в разрешении ряда кризисных и сложных международных ситуаций и в широком круге консультаций и переговоров на региональном, глобальном и двустороннем уровнях, в документах съезда следующим образом сформулирована установка для внешней политики Китая: "Решать международные дела согласно курсу на хладнокровное наблюдение и сдержанную реакцию и в соответствии с духом взаимного уважения и изыскания общего при сохранении разногласий". Можно предположить, что эта установка по-своему свидетельствует о готовности Китая стать более активным "стратегическим" и "тактическим" игроком в международной политике.

3. Содержание внешнеполитических усилий Китая в обозначенных решениями съезда временных рамках первого полувека XXI века — "на третьем шаге модернизации", будет во многом определяться необходимостью наступательной, энергичной внешнеэкономической политики и со стороны государства, и по линии негосударственных секторов китайской экономики. Есть основания полагать, что политика КНР в сферах внешней экономики и внешней торговли будет характеризоваться особым динамизмом. Объявлено на съезде, что на новом этапе эта политика станет функционировать на основе принципа "привлечения к себе в сочетании с собственным выходом за границу", со "стратегией выхода за границу".

Судя по оценкам экспертов из системы внешней торговли и внешней экономики КНР, область китайских интересов в этих вопросах распространяется практически на все регионы мира, прежде всего на сопредельные — ЮВА, Центральную Азию, другие соседние с КНР районы Азии и тихоокеанского бассейна, особенно, как можно понять, на те, что богаты сырьем и природными ресурсами, но также и на более отдаленные регионы и континенты, такие, как Восточная Европа, Африка, Латинская Америка.

Это — настоящая, неотложная в повестке дня цель китайской политики на новом этапе открытости. Как отметил в докладе Цзян Цзэминь и записал в своей резолюции съезд, первые двадцать лет XXI века для Китая — “период наиболее важных стратегических шансов, за которые необходимо крепко ухватиться и которые дают возможность многое сделать”.

Уместно заметить, что многократно используемый в документах XVI съезда термин “совместное развитие” (или “соразвитие”), также, вероятно, служит обозначением более активной позиции Китая в вопросах международных экономических связей и внешней политики в эпоху глобализации и с учетом его присоединения к ВТО.

4. Заслуживает внимания, как принципиальный момент подхода XVI съезда к международным делам, акцентированная постановка на нем вопроса о самобытности и первопроходческой сути пути развития Китая к “социализму с китайской спецификой” и его перспективах в социально-экономическом и социально-политическом контексте мирового развития.

Другой примечательный аспект в документах XVI съезда это то, что в них не сделано никаких уступок в направлении признания возможности при проведении реформ в политической системе Китая использования каких-то стандартов и мерок западной демократии — в этом остром вопросе диалога Пекина с Западом. Может быть, это в какой-то степени связано с определенными внутрипартийными и внутривластными моментами при утверждении в решениях XVI съезда и в пересмотренном Уставе КПК новых “важных идей тройного представительства”. Однако думается, что исходные позиции здесь более глубокие и принципиальные. В материалах съезда просматривается стремление отмежеваться от трактовок и оценок задач китайского курса реформ в интерпретации, которая дается им и консервативными, и либеральными кругами в политическом истеблишменте и средствах массовой информации западного мира.

Откровенным в этом отношении было следующее высказывание в докладе Цзян Цзэминя (в целом сдержанном по тону и неполемичном по манере изложения) относительно преобразований в политической системе Китая: “Важно, продолжая исходить из наших собственных национальных реалий, подытоживать свой практический опыт и в то же время учитывать полезные достижения политической культуры человечества, но при этом ни в коем случае не копировать модель политической системы Запада”. В принципе, положение это не новое для позиции руководства КПК, и оно не раз произносилось в той или иной форме ее лидерами, в том числе с трибун съездов партии, однако случайно ли то, что его сочли нужным повторить и на этот раз?

В этом смысле показательные акценты сделаны и в форме прозвучавшей на съезде высокой оценки международного значения “отставания” в конце 80-х и начале 90-х годов XX столетия “великого дела социализма с китайской спецификой”. Тогда, по определению Цзян Цзэминя, “развитие дела социализма у нас оказалось перед лицом небывало огромных трудностей и небывало большого прессинга”: в Китае “возникли серьезные политические волнения, острые изменения произошли в Восточной Европе, Советский Союз распался, и мировой социализм сделал серьезный зигзаг. Но именно в этот важный исторический момент, решавший перспективы и судьбу нашей партии и страны,

ЦК КПК... успешно стабилизировал общую обстановку реформы и развития и отстоял тем самым великое дело социализма с китайской спецификой”.

Прямую связь с корректным и вместе с тем твердым подтверждением на съезде КПК права Китая на независимое и самостоятельное определение собственного пути общественного прогресса имеют и декларированные в международном разделе отчетного доклада положения о том, что Китай “выступает за плюрализм моделей развития”; о том, что “существующие в мире цивилизации, неодинаковые общественные устройства и пути развития должны пользоваться взаимным уважением, в процессе конкуренции и сопоставления заимствовать друг у друга все полезное и совместно развиваться на основе того, что есть у них общего, при сохранении различий. Дела той или иной страны должны решаться ее собственным народом, а дела планеты — на основе равноправных консультаций всех стран”.

5. Еще одна тема в решениях XVI съезда КПК, которая привлекает внимание аналитиков под углом зрения тесной взаимосвязи внутренних и внешнеполитических граней его проблематики, — это поставленная задача культивирования “великого национального духа китайской нации”. В отчетном докладе объяснено, почему эта задача приобретает универсальное место в политике партии и государства: “Перед лицом взаимного столкновения разных идеологий и культур в мировом масштабе развитие и культивирование национального духа необходимо включать в весь процесс народного образования и весь процесс строительства духовной культуры”, так как, по формуле Цзян Цзэминя, “ядро национального духа составляет патриотизм” и он “выражается в сплоченности и единении, миролюбии, трудолюбии, мужестве и неустанном стремлении вперед”.

Сплоченность всех народов Китая, “сцементированность” китайской нации и стабильность страны, о которых многократно говорится в материалах XVI съезда, — это, по его определению, залог успеха “исторического похода к великому возрождению китайской нации”.

К.М.Барский (к.и.н., начальник отдела внешней политики КНР, региональных проблем, Тайваня и Гонконга Первого департамента Азии МИД РФ). Время проведения XVI съезда КПК совпало с поистине тектоническими сдвигами в системе международных отношений, знаменующими завершение непродолжительного “постбиполярного” периода и начало формирования основ нового миропорядка XXI века. Какое место суждено занять Китаю в складывающемся “концерте государств”? Какую политику необходимо проводить, чтобы достичь поставленных внутри- и внешнеполитических целей? Над этими вопросами в Пекине стали задумываться не вчера, но именно события последних лет, когда глобализация с ее невиданными преимуществами и в то же время суровыми вызовами начала стремительно менять привычный порядок вещей, ускорила процесс трансформации китайских подходов к отношениям с отдельными зарубежными государствами, многостороннему сотрудничеству и международным проблемам. Сформулировать обновленные установки и был призван XVI съезд КПК.

Принципиально важно, что съезд подтвердил нацеленность внешнеполитического курса Китая на обеспечение долгосрочного мирного окружения для осуществления программы реформ и модернизации страны. Высший орган правящей в КНР партии вновь высказался за создание нового справедливого международного политического и экономического порядка на основе пяти принципов мирного сосуществования. Незыблемыми для Китая по-прежнему остаются верховенство ООН и ее Совета Безопасности, примат международного права.

Таким образом, Китай, за два десятилетия реформ в 6,3 раза увеличивший свой валовой внутренний продукт, обладающий крупнейшей в мире армией и ставящий перед собой далеко идущие цели, однозначно заявил о том, что

намерен и впредь придерживаться конструктивного и мирного внешнеполитического курса. "Как бы ни менялась международная ситуация, Китай будет неизменно проводить независимую и самостоятельную внешнюю политику, призванную защищать мир во всем мире и содействовать совместному развитию".

Вместе с тем во внешнеполитическом разделе доклада Генерального секретаря ЦК КПК Цзян Цзэминя на съезде содержится ряд новых моментов, которые заслуживают внимания.

По оценке китайских стратегов, развитие тенденции многополюсности и глобализации создало благоприятные возможности для международного мира и развития. В то же время, как отметил Цзян Цзэминь, в современном мире возникают новые формы проявления гегемонизма и политики силы, традиционные факторы угрозы безопасности переплетаются с нетрадиционными.

Осудив террористические акты 11 сентября 2001 г. и терроризм во всех его формах и проявлениях, Китай однозначно высказался за наращивание международного сотрудничества в борьбе с этим злом и выразил готовность активно участвовать в ней. Пекин поддержал антиталибскую операцию в Афганистане, наладил двустороннее антитеррористическое взаимодействие с целым рядом стран, прежде всего с США. Деятельное подключение Китая к усилиям мирового сообщества по борьбе с терроризмом снискало ему высокий международный авторитет и открыло для его дипломатии новые горизонты.

На первое место в своем докладе Генеральный секретарь ЦК КПК поставил необходимость улучшения и развития отношений с развитыми странами, на второе — с соседними государствами, на третье — с развивающимся миром. Примечательно, что на XV съезде КПК последовательность была иной: соседние государства, развитые страны, развивающиеся страны.

Съездовский тезис о корректировке в изменившихся условиях отношений между крупными державами касается в первую очередь отношений с США. Неблагополучный период после прихода к власти в США республиканской администрации благодаря осознанию сторонами выгод от взаимного сотрудничества, особенно перед лицом угрозы терроризма, сменился выходом на конструктивное, несмотря на сохраняющиеся противоречия, взаимодействие по всем линиям. Было заявлено, что Китай и США, будучи великими державами, имеющими общие интересы по широкому кругу важнейших вопросов, должны развивать диалог и усиливать координацию в международных и региональных делах. Характерно, что одновременно с китайско-американским сближением завершился и 15-летний "марафон" переговоров о вступлении Китая в ВТО.

Несмотря на односторонний выход США из Договора по ПРО, Китай остался на взвешенной позиции в вопросах стратегической безопасности. В Пекине приветствовали подписание российско-американского Договора о сокращении СНП. Китай поддержал усилия России по выстраиванию новых отношений с НАТО, приветствовал учреждение Совета Россия-НАТО, а впоследствии и сам установил с альянсом рабочие контакты. В то же время Пекин выступает против намерения Вашингтона развернуть национальную ПРО и против американско-японских планов создания ПРО ТВД в Азии. Категорически неприемлемым является для КНР какое-либо подключение к этим планам Тайваня.

Стремясь играть более активную роль в области стратегической стабильности, Китай выдвинул новую концепцию безопасности, основными принципами которой являются равенство всех государств, взаимная выгода, взаимное доверие и взаимное уважение. Примером реализации указанных принципов в Пекине считают созданную по инициативе КНР Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС). Китай видит в ШОС важный инструмент укрепления безопасности и развития многостороннего сотрудничества в Центральной Азии, предпринимает усилия в целях скорейшего организационного

оформления и развертывания практической деятельности Секретариата ШОС в Пекине и Региональной антитеррористической структуры ШОС в Бишкеке.

За последние годы Китай завершил урегулирование пограничных проблем с Россией, Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, заключил соглашения с Вьетнамом о сухопутной границе и о разграничении в Тонкинском заливе. На саммите "Китай-АСЕАН" в Пномпене в ноябре 2002 г. подписана Декларация о кодексе поведения в Южно-Китайском море. Достигнут определенный прогресс на китайско-индийских пограничных переговорах.

В Пекине придают приоритетное значение развитию процессов экономической интеграции в Азии. Ключевым направлением здесь является создание к 2010 г. зоны свободной торговли Китай-АСЕАН. Параллельно развивается взаимодействие по формуле АСЕАН+3 (Китай, Япония, Южная Корея) и в рамках восточноазиатской тройки.

Пекин заинтересован в сохранении стабильности на Корейском полуострове и готов играть здесь подобающую ему роль. Китай выступает за обеспечение безъядерного статуса Корейского полуострова, выполнение Вашингтон и Пхеньяном Рамочного соглашения 1994 г. и призывает к мирному решению всех проблем путем диалога между заинтересованными сторонами.

На южноазиатском "фланге" Пекин в последние годы явно стремится проводить сбалансированную политику. Не отказываясь от тесного партнерства с Пакистаном, Китай ведет линию на улучшение отношений с Индией. Подходы китайской стороны к проблематике Южной Азии стали все более определяться не приоритетами двусторонних отношений КНР с расположенными здесь странами, а задачей обеспечения региональной стабильности и безопасности. Пекин является активным сторонником развития трехстороннего взаимодействия между Китаем, Россией и Индией, начало которому было положено контактами в рамках "второй дорожки" и неформальной встречей мининдел трех стран в сентябре 2002 г. во время сессии Генассамблеи ООН в Нью-Йорке.

После свержения режима талибов Китай энергично восстанавливает свои позиции в Афганистане, подчеркивая дружественный характер китайско-афганских отношений и конструктивную роль КНР в афганском урегулировании. Пекин предоставил Кабулу значительную финансовую помощь, оказывает содействие в восстановлении народнохозяйственных объектов на афганской территории, возведенных в свое время при участии КНР.

Резюмируя, подчеркнем, что XVI съезд КПК, заявив о последовательности внешней политики КНР, одновременно закрепил коррективы, которые Пекин внес в последнее время в свой внешнеполитический курс, адаптируя его к меняющемуся глобальному и региональному контексту. Общие же впечатления от решений съезда и тенденций дипломатической деятельности Китая последнего времени можно свести к следующему.

1. Укрепление политических позиций и экономической мощи позволило Китаю позиционировать себя в качестве державы мирового, а не регионального масштаба, выйти за рамки самовосприятия как крупной развивающейся страны.

2. Изменение геополитических реалий в виде "мутации" прежних вызовов и появления нетрадиционных угроз заставило Китай усилить внимание к вопросам обеспечения своей национальной (военно-политической, энергетической, информационной и т.д.) безопасности. Важную роль здесь сыграли события 11 сентября 2001 г. и разворот мирового сообщества в направлении борьбы с терроризмом.

3. Отношения с Россией, преимущество которых была подтверждена съездом, являются одним из важнейших направлений внешней политики Китая. Китайско-российское стратегическое партнерство оценивается как крупное достижение и ценное достояние, отвечающее коренным интересам КНР. Ставится задача его дальнейшего укрепления и углубления.

4. Исходя из потребностей модернизации страны и используя возможности антитеррористической коалиции, Китай добился существенного улучшения отношений с США, подтвердил приоритетность сотрудничества с Западом, установил рабочие контакты с НАТО. Этот курс в обозримой перспективе будет продолжен.

5. Китай настроен на развитие конструктивного сотрудничества с соседями. Готовность к урегулированию проблем с сопредельными странами и развитию добрососедства с ними гарантирует Китаю необходимое для решения задач модернизации мирное окружение.

6. Активизация многосторонней дипломатии обеспечила Пекину инициативу в региональных интеграционных процессах и достойное место в диалоговых механизмах по вопросам безопасности и сотрудничества в Азии, а в перспективе может позволить Китаю выйти на ведущие позиции в регионе.

Очевидно, что в Пекине тщательно изучают влияние складывающейся геополитической ситуации на международное положение КНР и ведут поиск новых путей и средств эффективной защиты и продвижения китайских национальных интересов на мировой арене. Как и сама международная обстановка, китайская внешнеполитическая мысль и практика находятся в постоянной динамике.

В то же время можно констатировать, что XVI съезд задал китайской внешней политике четкий вектор, нацелив страну на проведение независимой и самостоятельной, но вместе с тем конструктивной и ответственной — и в этом смысле достаточно предсказуемой — линии на международной арене. Именно такая внешняя политика способна помочь Китаю в создании наиболее благоприятных внешних условий для решения стоящих перед страной масштабных задач.

В.Б. Якубовский (к.э.н., ведущий научный сотрудник ИДВ). В опубликованном докладе Цзян Цзэминя на XVI съезде внешнеэкономическим проблемам страны отведены всего три, но весьма емких по своему содержанию, параграфа. В них практически изложена программа нового этапа стратегии «выхода за рубеж», или «выхода вовне», сформулированной в 2000 г. как новый этап развития политики открытости и курса экспортной ориентации. Смысл этой стратегии состоит во включении экономики Китая в международное экономическое и техническое сотрудничество во все более крупных масштабах, более широких сферах, более интенсивно и на более высоком уровне.

Необходимость нового этапа открытости внешнему миру вызвана сложным комплексом внешних и внутренних факторов.

В ряду внешних компонентов — необходимость адаптации и использования в национальных интересах объективных процессов экономической глобализации и регионализации, а также новой ситуации в связи со вступлением Китая в ВТО.

Следует отметить, что у китайского руководства сложилась определенная система взглядов на эти явления. В наиболее концентрированной форме они нашли свое отражение в выступлениях Председателя КНР Цзян Цзэминя на Шанхайском саммите АТЭС в 2001 г. В них экономическая глобализация рассматривается как новое, объективное явление, вызванное развитием производительных сил, научно-технической и информационно-технологической революцией. Это не просто количественные изменения, а сдвиги качественного порядка, своеобразная «смена эпох», открывающая качественно новые возможности для социально-экономического прогресса.

При этом совершенно определенно говорится о негативных последствиях этого процесса в мире — «разрыв между богатыми и бедными продолжает существовать», растет «информационно-технологический разрыв» между развитыми и развивающимися странами. И ставится вопрос об особом вкладе и особой ответственности промышленно развитых стран, получивших наиболь-

ший выигрыш от участия в процессах глобализации, как за преодоление нынешних экономических трудностей, так и за превращение «цифрового разрыва» в «цифровой дивиденд».

Участие в АТЭС и других интеграционных группировках рассматривается в Китае в качестве одного из важных средств сокращения этого неравенства, более справедливого распределения достижений «экономики знаний». Непосредственным орудием реализации этой задачи является программа экономического и научно-технического сотрудничества, в центр которой поставлена цель развития человеческого потенциала.

Во внутривополитическом плане углубление участия в динамичных процессах мировой и региональной экономики рассматривается в материалах XVI съезда КПК как средство дальнейшего углубления реформ, улучшения основ жизни народа. А создание мощной экономики, обеспечивающей, по крайней мере, среднезажиточный уровень населения, является важнейшей составляющей реализации национальной идеи — создания великого Китая.

Достаточно конкретно определены в Китае пути и средства реализации поставленных задач при сочетании традиционных, проверенных методов с новыми подходами.

Во внешней торговле ставится задача дополнения торговых операций продажами услуг как наиболее сложного и, подчас, более доходного вида деятельности. В ходе диверсификации внешнеторговой деятельности на основе сравнительных преимуществ предусматривается закрепление традиционных рынков при освоении новых на базе экспортной экспансии. При этом просматривается понимание ограниченности экстенсивного развития торговой деятельности и подчеркивается необходимость повышения качества, конкурентоспособности китайских экспортных товаров и сервиса.

В целях решения задачи модернизации производства делается акцент на оптимизации структуры импорта и ввоз передовых технологий и оборудования.

В соответствии с изменениями в общественном развитии страны отмечается необходимость стимулирования множественности внешнеторговых субъектов, что открывает новые возможности для частнопредпринимательской деятельности при регулирующих функциях государства путем налоговых режимов, механизма торгового авансирования, учетной ставки и т.п.

В области привлечения иностранного капитала в экономику страны указывается на важность его использования во всевозможных формах на среднесрочной и долгосрочной основе, но в увязке со структурным регулированием национальной экономики и с решением самой большой проблемы хозяйства страны — реорганизацией и реконструкцией государственных предприятий. Определяются и основные отрасли, куда предпочтительно стимулировать инвестиции транснациональных корпораций, — сельское хозяйство, машиностроение, высокотехнологичные предприятия.

Считается, что для осуществления этих задач необходимо улучшать инвестиционную среду, применяя национальный режим по отношению к зарубежным инвесторам, повышать прозрачность нормативных актов и государственной политики, создавать благоприятные условия для зарубежных специалистов самых различных профилей.

Привлечение иностранного капитала предусматривает и определенный государственный механизм регулирования — но рыночными экономико-финансовыми методами. Открытие фондового рынка облигаций класса А сопровождалось в Китае целым рядом условий по объему вложений, качественным характеристикам инвесторов, доле акционерного капитала, открытого для покупки. Правда, пока неясно, является ли это либерализацией фондового рынка или новой формой контроля над иностранным спекулятивным капиталом.

Ставится вопрос об интенсификации зарубежного инвестирования китайскими предприятиями всех форм собственности на основе сравнительных

преимуществ и о стимулировании создания своих транснациональных корпораций, способных конкурировать на мировых рынках, получивших признание фирменных брэндов.

Китайское руководство рассматривает участие в интеграционных процессах в АТР в качестве одного из важнейших перспективных направлений китайской внешней политики. Практически уже создана экономическая база для активного участия КНР в интеграционных процессах в АТР. В 2000 г. на долю стран региона приходилось 72% внешнеторгового оборота Китая, 73% его экспорта и 72% импорта. В том же году из общего числа освоенных иностранных прямых инвестиций на страны региона приходилось 74 % общего объема вложений. По мере углубления участия в международном разделении труда в регионе, перехода все большего числа предприятий к внутриотраслевой специализации Китай оказывается все более глубоко встроенным в региональную производственную сеть.

В центре внимания остается деятельность в АТЭС, который, как можно предвидеть, сохранит за собой место ведущей экономической организации в регионе. Интересам Китая отвечает сохранение нынешнего характера АТЭС в качестве консультативной организации, проводящей встречи на высшем уровне, что объективно способствует повышению авторитета КНР в качестве одного из основных участников этой организации.

Пекин считает перспективным свое участие во вновь формирующихся процессах экономической интеграции на субрегиональном уровне и выступает в качестве инициатора становления некоторых из них. В ноябре 2001 г. на пятом саммите Китай — АСЕАН было принято решение о создании в течение 10 лет зоны свободной торговли.

Китайское руководство придает особое значение укреплению и расширению сотрудничества в рамках структуры АСЕАН + 3 (КНР-Япония-Южная Корея), идет проработка идеи создания Восточноазиатского форума в составе Китай-Япония-Республика Корея. В целях предотвращения повторения событий финансового кризиса в Восточной Азии 1997-98 гг., Китай активно участвует в развитии сотрудничества по поддержке валют по схеме «своп» между странами Восточной Азии.

Для российской стороны значим опыт Китая, накопленный им в ходе проведения сложной, многогранной политики в АТЭС, его содействие в установлении связей с новыми региональными структурами, в частности АСЕАН+3. В более широком плане представляется перспективным сотрудничество России и Китая в многосторонних проектах по развитию нефтяных и газовых ресурсов российского Дальнего Востока и Сибири, создающих новую конфигурацию сотрудничества в этой области в Северо-Восточной Азии, активное использование «геотранспортного» положения России как естественной связующей между Европой и Восточной Азией, и использование потенциала научных центров как на Востоке, так и на Западе России, регулируемое привлечение иностранной рабочей силы для экономического освоения малонаселенных российских дальневосточных районов на основе соблюдения норм иммиграционного законодательства и при межгосударственном сотрудничестве со странами-экспортерами рабочей силы.

Опираясь на укрепляющийся экономический потенциал и исходя из растущей роли Китая в экономике и политике АТР и из возрастания значения региона во внешних и внутренних процессах развития страны, Пекин стремится взять на себя роль лидера в продвижении интеграционных процессов в этом регионе и создании новых интеграционных структур, бросая вызов Токио, продвигавшему концепцию «летающей гусиной стаи» во главе с Японией в качестве модели объединительных процессов в регионе.

Объективно намечается процесс экономического объединения вокруг Китая, что в перспективе может оказать существенное воздействие на расста-

новку сил в АТР, конфигурацию и характер международных связей и даже на формирование основ нового международного порядка в регионе.

Иная точка зрения по вопросу о внешней политике Китая была выражена **А.Г.Яковлевым** (д.и.н., главный научный сотрудник ИДВ), который высказал мнение о том, что установки, изложенные на съезде, можно охарактеризовать как "программу мягкого умиротворения Запада". По его оценке, такая позиция Китая является выражением "доминанты национальных интересов". Отсюда вместо четко очерченной линии противодействия агрессивной политике США и Запада в целом выдвигается курс на сотрудничество с ними по самому широкому кругу проблем. Установку съезда "решать международные дела согласно курсу на хладнокровное наблюдение и сдержанную реакцию" А.Г.Яковлев расценил как "уклонение Китая от самой деятельной работы по сплочению и мобилизации международных антигегемонистских сил" в условиях, когда западный супергегемонизм "энергично развертывает генеральное наступление на остальной мир".

Другие участники Круглого стола в ходе обмена мнениями не согласились с подобной трактовкой, отмечая, что в материалах съезда, хотя и в общей форме, высказано понимание руководством Китая сложности международной обстановки и зафиксированы пределы, за которые Китай не намерен отступать, отстаивая свои национальные интересы, стабильность и мир. Практически в противовес стремлению США к созданию однополярного мира, XVI съезд подтвердил приверженность Китая идеям многополярности, созданию нового справедливого международного политического и экономического порядка, праву всех стран и народов на самостоятельное определение собственного пути развития, укреплению роли ООН и т.д.

В.В.Михеев. Позвольте мне высказать несколько общих соображений по вопросу о том, что положительного принес XVI съезд для международной безопасности, а также интересов России и какие новые вызовы содержат его решения.

Главное, пожалуй, состоит в том, что съезд не создал реальных военно-политических угроз международной безопасности и безопасности России.

Более того, фактом мирной и спокойной смены власти, продолжением либерализации и глобализации экономики, началом, пусть медленных, но все же политических реформ съезд вызвал новые позитивные ожидания.

Наконец, съезд представил мировому сообществу весомые основания прогнозировать внутривосточную стабильность и экономический рост Китая в краткосрочной и среднесрочной перспективе, а также рассчитывать на Китай как на партнера по международной антитеррористической борьбе.

С другой стороны, итоги работы съезда позволяют ожидать усиления международной экономической и политической конкурентоспособности Китая и повышения его активности в глобальных и региональных делах. Это представляет серьезный вызов и России, и другим странам — мировым и региональным лидерам. Нам предстоит искать и конструировать новые механизмы взаимодействия с "выходящим за пределы своих границ" Китаем.

Сразу после съезда Китай, подтвердив приверженность своей прежней внешнеполитической линии, в том числе, на сотрудничество с Россией, обозначил и то новое, что он намерен делать в отношении других глобальных игроков. Были возобновлены военные контакты с США, с перспективой, в числе прочего, и расширения военно-технического сотрудничества, подчеркнута особая значимость сотрудничества с США в борьбе с терроризмом (напомню, что "Фронт освобождения Восточного Туркестана" недавно был включен США в список террористических организаций со всеми вытекающими последствиями). Со страниц "Жэньминь жибао", в годовщину Нанкинской трагедии, был повторен призыв положить конец прошлому в отношениях с Японией. Наконец, Китай инициировал диалог с НАТО по вопросам глобальной безопасности и стратегической стабильности, новым угрозам и ситуации в Центральной Азии.

Для России здесь встает насущная проблема реструктуризации российско-китайских отношений “стратегического партнерства”, сложившихся на явно или неявно обозначавшейся логике “сдерживания США”, и одновременно задача выстраивания новых механизмов стратегического взаимодействия в условном треугольнике Россия-США-Китай на основе совместной борьбы с терроризмом и ответственности за глобальную и региональную безопасность и соразвитие.

Общим выводом-рекомендацией может стать тезис о том, что у мирового сообщества, после XVI съезда КПК, стало больше оснований для сотрудничества с Китаем на прагматической основе и для вовлечения Китая в строительство новой мировой архитектуры на базе стратегической заинтересованности Пекина в сохранении как внутривнутриполитической, так и международной стабильности.

А.М.Григорьев. Мы работаем уже два дня, и я думаю, что можно завершать наше обсуждение. В целом, при некоторых расхождениях в оценках тех или иных аспектов его решений все выступавшие были едины в том, что решения XVI съезда КПК имеют стратегическое значение для развития Китая в XXI в. Они продемонстрировали стабильность и преемственность в политике руководства страны, реализм и новаторство в подходах к разрешению многих сложных политических, экономических и социальных проблем Китая. Нет необходимости пояснять, что наше обсуждение не исчерпывает всех вопросов, рассматривавшихся в материалах съезда. Дальнейший углубленный анализ его решений и хода их реализации во внутренней и внешней политике КНР — останется в центре внимания специалистов и редакции нашего журнала.

Реформа системы валютного регулирования в Китае

© 2003

И. Софьянников

Реформа системы валютного регулирования в КНР — одна из важнейших составляющих процесса строительства в стране социалистической рыночной экономики с китайской спецификой. Реформа системы валютного регулирования является важной составной частью финансовой реформы Китая. Последние 20 лет реформа системы валютного регулирования осуществляется синхронно с экономическими реформами и в этом направлении были получены важные положительные результаты.

I. Основные направления реформы системы валютного регулирования

Реформу системы валютного регулирования можно разделить на два этапа:

1979-1993 гг. — период поиска новой системы. Еще не были определены цели создания новой рыночной экономики, поэтому велись трудные поиски соответствующего типа системы валютного регулирования.

Период после 1993 г. — период приспособления валютного регулирования к требованиям рыночной экономики. Цели были определены, вопрос был не в том, какой тип системы выбрать, а в том, как ее создать.

Поиски путей реформирования системы валютного регулирования

В 1979-1993 гг. в системе валютного регулирования произошли большие перемены, это был период постепенного перехода от централизованного планового регулирования к косвенному рыночному управлению. После 3-го пленума ЦК КПК XI созыва все силы были направлены на строительство социалистической рыночной экономики с китайской спецификой. Осуществлялась политика внутреннего оживления и внешней открытости. С каждым годом расширялось международное сотрудничество в сфере экономики, финансов и техники; в геометрической прогрессии возрастали международные платежи, стал активно использоваться иностранный капитал, создавались совместные предприятия, внедрялись передовые зарубежные технологии и методы регулирования; были созданы 5 особых экономических районов¹, открыты 14 приморских горо-

дов. В 1980 г. было восстановлено место Китая в Международном валютном фонде и Всемирном банке. С 1987 г. Китай начал активные переговоры о восстановлении своего места в системе ГАТТ. Все это потребовало ускорения реформы системы валютного регулирования, направленной на ее приспособление к рыночной экономике и активному международному сотрудничеству. За 15 лет реформ экономической системы и углубления внешней открытости были проведены следующие мероприятия по реформе системы валютного регулирования:

А) В марте 1979 г. Госсовет КНР утвердил создание Государственного управления валютного контроля (ГУВК) и наделил его функциями регулирования валютой всей страны. Это означало, что валюта стала рассматриваться как экономическая переменная и важный фактор, влияющий на функционирование экономики. Управление валютой стало важной составной частью правительственной экономической политики.

ГУВК как бы имеет двойное подчинение. С одной стороны, подчиняется Народному банку Китая, с другой — Комитету по финансовой политике и валютному регулированию Госсовета КНР, который по согласованию с Управлением кадровой политики ЦК КПК утверждает кандидатуру руководителя ГУВК — Генерального Директора (с апреля 2001 г. ГУВК возглавляет Го Шучин). Руководитель ГУВК одновременно является заместителем Управляющего Народного Банка Китая (НБК)².

Основные функции ГУВК³:

- установление курса, политики и законов по управлению валютой;
- осуществление мероприятий, утвержденных Госсоветом и Народным банком;
- контроль над планированием валютных платежей и использования иностранных капиталов;
- составление баланса международных платежей;
- контроль над валютными накоплениями, определение курса юаня и его публикация;
- регистрация, статистика и контроль всех зарубежных займов, контроль над использованием зарубежных займов;
- контроль над ценными валютными бумагами, распространяемыми в стране и за рубежом;
- контроль учетных ставок; контроль над валютой предприятий с иностранным капиталом и их персонала, зарубежных дипломатических представительств и их персонала;
- контроль над валютными расходами китайских организаций за рубежом;
- контроль над валютными расходами специализированных банков и небанковских организаций;
- работа над концепцией реформы валютной системы и осуществление непосредственно реформы валютного регулирования (эта функция получена от координационной группы Госсовета КНР) и пр.

Б) Публикация положений и подробных правил валютного контроля.

До начала реформ и открытости в Китае не было общих для всей страны методов валютного регулирования. В связи с расширением политики внешней открытости в декабре 1980г. были опубликованы «Временные положения КНР о валютном управлении» (вступили в силу с 1 марта 1981г.). В развитие этого положения опубликован ряд подробных правил и положений: «Правила регулирования валютой зарубежных представительств, аккредитованных в КНР и их персонала», «Правила обращения с валютой, драгоценными металлами и ценными бумагами при их прохождении через границу КНР», «Правила обращения с валютой частных лиц», «Правила регулирования валютной предприятий с иностранным капиталом и капиталом хуацяо», «Правила

регулирования валютой иностранных и смешанных банков в особых экономических зонах», «Относительно санкций за нарушения правил пользования валютой», «Правила регулирования внешних инвестициями в валюте», «Правила регистрации внешних займов», «Временные правила регулирования валютой в сфере туризма», — всего более 10 правил и положений. На основе этих документов были сделаны первые шаги в создании системы валютного регулирования.

В) Реформа системы распределения валюты, оставшие части валюты.

В условиях плановой экономики осуществлялось полное изъятие валюты и централизованное распределение, что не благоприятствовало развитию экспортной активности предприятий и не способствовало увеличению валютных резервов страны. 13 августа 1979 г. Госсовет опубликовал «Постановление относительно некоторых вопросов развития внешней торговли и увеличения валютных доходов», где указывалось, что при сохранении централизованного регулирования и единого баланса часть торговой и неторговой валютной выручки может оставаться у предприятия или передаваться местному правительству. Были также определены долевые соотношения. Платежи в валюте исчисляются в юанях по установленному государством курсу. Оставляемая валюта являлась дополнением к единой системе планового распределения, это сыграло определенную роль в стимулировании и упорядочении экспорта.

Г) ГУВК и Народным банком разработаны «Временные меры валютного регулирования». В 1981 г. были опубликованы «Временные меры по нормам валютного регулирования», в марте 1986 г. ГУВК опубликовало «Некоторые постановления по оставлению валютной выручки», где государственным и коллективным предприятиям, которые имеют право оставлять валюту, разрешалось по государственной цене продавать излишки валюты государственным и коллективным предприятиям, которые в ней нуждаются. В «Постановлении относительно стимулирования инвестиций предприятиями с иностранным капиталом» от октября 1986 г. разрешались валютные взаиморасчеты внутри страны между предприятиями с иностранным капиталом. В 1988 г., чтобы стимулировать развитие подряда во внешнеторговых операциях ГУВК на основании постановления Госсовета «Относительно валютного регулирования» установило в провинциях, автономных районах, городах центрального подчинения, особых экономических районах и приморских городах Центры регулирования валютных операций, которые осуществляли взаиморасчеты между местными органами, отраслями и предприятиями. Стоимость валюты определялась сторонами в зависимости от спроса и предложения. Так сложился довольно упорядоченный валютный рынок с единым управлением.

Д) Создание системы валютного регулирования с развитым финансовым механизмом

До 1979 г. все валютные операции в Китае осуществлялись только Банком Китая. После начала реформ и открытости в связи с развитием внешней торговли стало увеличиваться с каждым годом использование иностранного капитала. В это же время были созданы особые экономические районы и районы развития, открылись приморские города. Иностранные банки все настойчивее стремились к созданию своих структур в пределах Китая. Уже имеющиеся банки с иностранным капиталом настаивали на расширении своей деятельности. Банк Китая один уже не мог удовлетворять все потребности. Поэтому в банковской системе внешнего обслуживания были проведены соответствующие реформы. В октябре 1979 г. создается Китайская международная трастовая компания, которой предоставляется право заниматься валютными операциями. Затем по всей стране, в центре и на местах, созданы трастовые инвестиционные компании, финансовые и кредитные компании, которые имели право заниматься валютными операциями.

В 1982 г. Наньанский коммерческий банк особой экономической зоны Шэньчжэнь получил право заниматься валютными операциями; в 1984 г. это право получили 4 шанхайских банка. В апреле 1985 г. Госсовет опубликовал «Положения относительно регулирования иностранными и смешанными банками в особых экономических зонах». После этого в указанных районах появились китайские и смешанные банки, осуществляющие валютное обслуживание. В 1991 г. некоторые иностранные банки получили разрешение открывать филиалы в г. Шанхае с правом осуществления валютных операций.

В октябре 1984 г. Шэньчжэньскому отделению Торгово-промышленного банка Китая и немного позднее Транспортному банку, Шэньчжэньскому банку развития, Гуандунскому банку развития, Сямэньскому международному банку, Фуцзяньскому банку возрождения, Шэньчжэньскому торговому банку, Китайскому инвестиционному банку и другим было предоставлено право на валютные операции, а также было разрешено вести дела с различными специализированными банками.

Реформы в пяти вышеуказанных областях валютного регулирования были проведены с целью приведения в соответствие требований региональных и отраслевых предприятий с политикой реформ и открытости. Оставление части валютной выручки и создание центров по валютным операциям способствовало повышению экспортной активности и привлечению иностранных инвестиций. С другой стороны, поскольку эти меры отличались от принятых в международной практике, они обнажили и недостатки китайской системы валютного регулирования, что проявилось в следующем:

1) Сложилась две формы валютного регулирования: по сумме платежей и по наличной валюте. Относительно оставляемой части валюты регулирование осуществлялось по сумме платежей. Предприятия со смешанным капиталом и использующие иностранные займы регулировались по наличной валюте. Хотя в регулировании по сумме платежей сохранялись некоторые ограничения, присущие плановой системе, и предприятия не всегда получали гарантии своих прав, оно сыграло положительную роль.

2) Распределение валюты осуществлялось по двум каналам: плановому и рыночному. Централизованное снабжение осуществлялось плановым методом, снабжение предприятий обычной валютой и снабжение предприятий со смешанным капиталом осуществлялось рыночными методами. При таких методах государство контролировало валюту по капитальным и текущим операциям предприятий. Центральное правительство могло дотировать и защищать основные проекты, однако противостояние центру местных правительств и отраслей приводило к расточительству и простоям оборудования, невозможно было контролировать непомерно выросшие импортные запросы. С другой стороны, предприятия, зарабатывающие валюту, не получали должной компенсации, им трудно было осуществлять экономические расчеты, у государства также были проблемы рационального использования валюты и стимулирования иностранных инвестиций.

3) Валютные резервы состояли из центральных резервов и резервов Народного банка Китая. Резервы Народного банка Китая включали также оставляемую валюту предприятий, а также получаемые из-за рубежа доходы китайских инвесторов. При такой системе повседневные международные платежи и приходно-расходные операции могли осуществлять только путем зачисления или снятия со счета в банке. При этом смешивались государственные валютные резервы и находящиеся в обороте деньги специализированных банков, что еще больше затруднило управление резервами и открытым рынком.

4) Валютный курс юаня устанавливался по официальному плавающему курсу и курсу валютного рынка. При международных расчетах, взимании налогов и сборов использовался официальный курс, во внутренних расчетах ме-

жду китайскими и смешанными предприятиями использовался рыночный курс. Такая двойная система соответствовала требованиям развития экономики, однако она не была лишена недостатков, в частности открывала возможность для различного рода спекуляций, препятствовала развитию рыночных механизмов регулирования. В конечном итоге это вызывало валютные потрясения и нестабильность цен.

5) Регулирование курса на открытом валютном рынке и в центрах валютного обслуживания. В 20 центральных городах были созданы открытые валютные рынки, где осуществлялись конкурентные сделки, в других центральных городах были созданы центры валютного обслуживания, где курс определялся в зависимости от спроса-предложения. Существование этих двух рыночных моделей делало рынок открытым и упорядоченным, это был важный переход к большей открытости валютных сделок, однако продолжительное существование этих механизмов было неблагоприятным для развития валютного рынка Китая и не соответствовало международным правилам.

6) Проводилась политика раздельного регулирования текущих и капитальных операций. При регулировании суммы к экспорту предъявлялись строгие требования. Однако система контроля не была достаточно эффективной. Доля оставляемой валюты постоянно увеличивалась, в результате валютные отчисления от экспорта с каждым годом сокращались, нарастала тенденция уклонения от отчислений. Контроль над текущими валютными операциями был очень строгим, а над капитальными валютными операциями — более мягким, что приводило к серьезной утечке капитала. За 3 года с 1990 по 1992г. утечка капитала значительно превысила его поступления. С 1992 г. вывоз капитала по международным платежам стал превышать 10 млрд долл., это стало основной причиной напряженного положения с валютой в стране. По всей видимости, на тот период политика валютного регулирования была довольно беспорядочной и малоэффективной.

Двойная система валютного регулирования, принятая в то время в Китае, сильно отличалась от международной практики. Она не только подрывала авторитет китайской национальной валюты и мешала дальнейшему продвижению открытости, но и не соответствовала требованиям создания социалистической рыночной экономики и нуждалась в дальнейших реформах.

II. Создание системы валютного регулирования, соответствующей новой системе рыночной экономики

В ноябре 1993 г. ЦК КПК издал «Постановление о некоторых проблемах строительства социалистической рыночной экономики», где указывалось: «Реформировать систему валютного регулирования, создать единый валютный рынок, основу которого составит спрос-предложение и управляемый плавающий курс, постепенно сделать юань конвертируемым».

Во второй половине 1993 г. Госсовет начал всестороннюю реформу системы валютного регулирования. С учетом международного опыта первой целью реформы стала конвертируемость юаня по текущим операциям, а конечной целью определена полная конвертируемость юаня.

В январе 1994 г. Госсовет распространил извещение о необходимости ускорения реформы системы валютного регулирования. Народный банк опубликовал «Сообщение о дальнейшей реформе системы валютного регулирования». Основное содержание реформ следующее:

1) Осуществлена стыковка валютных курсов, введен единый плавающий курс, основанный на рыночном спросе-предложении. Его основные особенности:

— в основу установления курса положены спрос — предложение на рынке. Особенно это стало заметно с апреля 1994 г., когда сформировался межбанковский валютный рынок; колебания курсов основных валют на международном рынке стали важнейшим фактором для определения курса юаня относительно этих валют;

— введен единый валютный курс для всей страны. 13 банков, определенных для работы с валютой объявляли валютный курс в соответствии с указаниями Народного банка Китая (это касалось валюты для торговых и неторговых операций, а также капитализированной валюты). Курс стал единым как для расчетов по платежам, так и для обмена. Внутри страны единый курс был установлен для китайских и иностранных предприятий, для граждан КНР и иностранцев;

— определены основные меры в деле регулирования и контроля курса юаня со стороны Народного банка Китая. Если на рынке происходили серьезные колебания, Народный банк Китая сразу принимал меры по регулированию или вмешивался в дела рынка путем валютных интервенций, таким образом, юаню удавалось обеспечить относительную стабильность на рациональном уровне;

— введена система плавающего курса. С одной стороны Народный банк Китая ежедневно сообщал курс с учетом изменений внешней и внутренней обстановки, с другой — допускал колебания курса, устанавливаемого другими банками в пределах разрешенного коридора. Слияние курсов сыграло важную роль в расширении внешней открытости Китая, развитии экономического и торгового сотрудничества со всеми странами мира, создало благоприятные условия для свободной конвертируемости юаня.

2) Осуществлена система покупки и продажи валюты⁴, отменена система оставления части валюты, появилась возможность свободного обмена при определенных условиях. В прошлом часть экспортной валютной прибыли предприятия должны были сдавать государству, определенную долю можно было оставлять себе. Оставление части прибыли было своего рода правом на пользование валютой, определенной суммой, выраженной в юанях. Каждый раз на использование оставленной валюты требовалось разрешение на закупку необходимых импортных материалов и оборудования. Необходимо было согласование между руководством отрасли и банком. Новая реформа системы валютного регулирования упростила процесс покупки валюты предприятием, ускорила оборачиваемость капитала. Валютную прибыль предприятие могло продавать банку по текущему курсу и получать соответствующий доход в юанях. Однако если предприятию требовалась валюта, оно могло приобретать ее на основании соответствующих документов в определенном банке, т.е. осуществлять обмен при определенных условиях. Таким образом, процедура валютных операций была существенно упрощена, предприятиям стало удобнее вести расчеты, это способствовало развитию экспортной активности предприятий.

3) Упразднена административно-командная система в валютных расчетах. Для макрорегулирования в системе валютных международных платежей государство стало использовать экономические и юридические методы. В прошлом, при использовании валютных ресурсов в основном применялись административные методы, распределение валюты проводилось в планово-приказном порядке. Применение рыночных методов повысило рациональность и эффективность использования валютных ресурсов.

4) Прекращена эмиссия и хождения валютных чеков (waihuijuan). Валютные чеки были продуктом особых исторических условий. С началом политики реформ и открытости стали стремительно развиваться туризм и международные экономические отношения. Китай стало посещать много иностранцев, соотечественников из Тайваня, Гонконга и Макао. В то время курс юаня был

недостаточно рациональным, ощущался дефицит многих товаров. Для защиты интересов иностранцев Госсовет утвердил эмиссию с апреля 1980 г. валютных чеков (сертификатов)⁵. По мере углубления реформ и открытости, развития рыночной экономики, увеличилось количество товаров, курс юаня стал более рациональным. Фактически валютные чеки были параллельной валютой континентального Китая, наряду с законными деньгами (жэньминьби), и крайне несимметричными им. Разница между ценами, обозначенными в валютных чеках и жэньминьби, была существенной, что приводило к путанице в ценовой системе. В этих условиях роль валютных чеков постепенно сошла на нет, их существование лишилось смысла. На следующем этапе валютного регулирования было решено прекратить эмиссию валютных чеков. Всего более чем за 15-летний период их было выпущено на 4 млрд юаней, а к концу 1993 г. их в обращении находилось примерно на 2 млрд юаней. С 1 января 1995 г. их обращение прекратилось и только Народный банк Китая был уполномочен их выкупать. Обмен был разрешен до 30 июня 1995 г. Чеки завершили свою историческую миссию и прекратили существование.

Был создан единый межбанковский рынок валюты⁶, было обеспечено валютное обслуживание и взаимные расчеты между банками, которым разрешены валютные операции, был гарантирован рациональный и относительно стабильный курс юаня⁷. Межбанковский рынок валютных сделок постепенно заменил рынок валютных сделок между предприятиями, банки стали субъектом валютных сделок. Основная функция рынка валютных сделок заключалась в обслуживании взаимного обмена и расчетов между банками. Межбанковский рынок валютных сделок контролировался и управлялся Народным банком Китая через ГУВК. Это был большой прогресс в структуре, организации, содержании и форме сделок. Рынок валют стал единым для всей страны, а не региональным; на рынке стали совершаться сделки с реальной валютой, а не с ее суммами, деятельность была упорядочена и введена в законные рамки. Курс юаня в основном определялся на основе спроса-предложения на валютном рынке. Народный банк публиковал курс юаня на основе средневзвешенного курса предыдущего дня. Банки, работающие с валютой, могли совершать операции с клиентами, отклоняясь от установленного курса в пределах 0,25%.

5) Укрепились юридическая основа функционирования банков, работающих с валютой. Государство осуществляло пропорциональную систему руководства, объемы валютных сделок определялись Народным банком Китая. Если объем работы банка превышал установленные лимиты, он должен был передать работу другому банку или Народному банку Китая и довести сумму расчетов до определенного объема. В случае недостаточного объема работ этот объем компенсировался другими банками или Народным банком Китая. После введения новой системы банкам для ведения валютных операций потребовались резервы в национальной валюте, в принципе они решали эту проблему самостоятельно. Банкам, которые первое время испытывали недостаток в юанях, Народный банк Китая выдавал кредиты, которые постепенно погашались. Чтобы избежать валютных рисков при заключении долгосрочных контрактов банки могли выступать гарантами, обладая достаточно эффективными средствами. Банки, работающие с иностранной валютой, должны были осуществлять операции с клиентами в соответствии с определенными положениями, повышать качество и снижать себестоимость обслуживания, участвовать в равноправной конкуренции.

6) Строгий контроль над внешними займами. Государство осуществляет плановый контроль над зарубежными займами, их возвратом. Соблюдается принцип «кто брал, тот и отдает». Государство поощряет и поддерживает регионы, отрасли и предприятия, которые создают компенсационный фонд, эквивалентный сумме займа, хранят в банках определенную сумму валютной на-

личности. В этом случае государство разрешает экспортную валютную выручку перечислять непосредственно на банковский счет. Полученные деньги разрешается использовать только для внешних и не для каких-либо иных целей. Клиент может также перечислять их в компенсационный фонд. В случае трудностей возможна подача заявления в валютное управление и осуществление платежа в юанях в определенном банке. Получатель займа обязан вернуть его в указанный в соглашении срок, который утверждается органами валютного контроля.

Взаимосвязь и одновременное использование указанных мер создали базовые рамки реформы валютного контроля. Он отличается стабильным валютным курсом и тем, что система оставления валюты была заменена системой расчетов; единая всекитайская межбанковская сеть валютного рынка заменила посреднические рынки и разрозненные рынки взаимных расчетов, официальный плавающий курс заменил двойную систему установки курса, единственной расчетной единицей внутри страны стал юань (жэньминьби).

Реформы 1994 г. не только способствовали созданию новой системы валютного регулирования, соответствующей рыночной экономике, но и вызвали перемены в системе регулирования финансовых учреждений и предприятий с иностранным капиталом. В отличие от прошлых реформ, данная отличалась множеством мероприятий. Эти реформы создали благоприятные условия для здоровой конкуренции между предприятиями экспортной направленности и обычными предприятиями, эффективно способствовали развитию внешней торговли. В ходе реформы важную роль сыграли банки, уполномоченные для осуществления валютных операций, это помогло им изменить механизм регулирования, поставило их на уровень современных коммерческих банков. Превращение специализированных банков в коммерческие способствовало тому, что Центральный банк смог проводить более независимую финансовую политику. Была обеспечена денежная стабильность.

Реформы приблизили систему валютного регулирования Китая к международным нормам. Способствовали улучшению инвестиционной обстановки и притоку инвестиций, включению Китая в мировое экономическое поле.

На основе достижений реформы 1994 г. для скорейшего достижения цели конвертации юаня по текущим операциям в 1996 г. был осуществлен ряд новых реформ, суть которых в следующем:

1) 29 января 1996 г. Госсовет КНР опубликовал «Положения о валютном регулировании в КНР» (вступили в силу с 1 апреля). Были сняты некоторые ограничения в валютном обмене по текущим операциям. «Положения» многое упорядочили и узаконили, в них нашел отражение принцип перехода от прямого регулирования к косвенному.

2) 13 мая 1996 г. ГУВК опубликовало «Правила обмена валюты частными лицами, проживающими в КНР». По сравнению с аналогичными «Правилами» 1994 г. были существенно увеличены нормы обмена⁸. Были также расширены сферы обмена валюты частными лицами. «Правила» стали еще одним шагом к обмену обычного юаня.

3) 20 июня 1996 г. Народный банк Китая опубликовал «Положения о валютных платежах и расчетах». Предприятия с иностранным капиталом были включены в систему банковских валютных расчетов. Предприятия с иностранным капиталом после регистрации и открытия счета могли проводить операции в уполномоченных банках или продолжать покупку-продажу валюты через центры валютного обмена. В банках они были поставлены в равные условия с китайскими предприятиями. Вместе с тем в отношении предприятий с иностранным капиталом были сохранены некоторые льготы: валютную выручку китайских предприятий нельзя было оставлять на своем счете, необходимо было сдавать в банк; предприятия же с иностранным капиталом могли

открывать счет и оставлять там определенную часть валютной прибыли. Прежде предприятия с иностранным капиталом могли осуществлять покупку-продажу валюты только через центры валютного обмена и осуществлять сделки только после получения сертификата соответствия. По новым правилам, отпала необходимость утверждения в валютном управлении, стало возможным непосредственно осуществлять операции в банках или центрах обмена. По сравнению с китайскими предприятиями, иностранные получили еще один канал покупки-продажи валюты.

4) 27 ноября 1996 г. директор Народного банка Китая направил послание директору Международного валютного фонда, где официально сообщалось, что с 1 декабря 1996 г. Китай присоединится к пунктам 2, 3, и 4 статьи 8 «Соглашения Международного валютного фонда» и объявляет о конвертируемости юаня по текущим операциям. 14 января 1997 г. Госсовет утвердил исправленный и дополненный вариант «Положений валютного контроля в КНР», где предприятия с иностранным капиталом были включены в систему банковских расчетов, а частным лицам были увеличены нормы обмена валюты, а также были сняты ограничения на неторговые и некоммерческие валютные обмены.

5) С согласия Госсовета Народный банк Китая разрешил с 15 октября 1997 г. смешанным предприятиям оставлять часть валютных доходов. Первая группа предприятий, получивших такое разрешение должна соответствовать следующим требованиям:

— внешнеторговое предприятие, обладающее правом осуществления экспортно-импортных операций, должно иметь годовой объем свыше 30 млн долл. и уставной капитал — свыше 10 млн юаней;

— производственное предприятие, обладающее правом внешнеторговой деятельности, должно иметь годовой объем внешней торговли не менее 10 млн долл., а уставный капитал — не менее 30 млн юаней;

— внешнеторговое или производственное предприятие должно быть зарегистрировано как юридическое лицо;

— у предприятия должно быть нормальное финансовое положение.

Совместное предприятие, являющееся юридическим лицом, обладает правом иметь не более одного валютного счета. Счета на разные виды валют, открытые одним предприятием в одном банке рассматриваются как один счет. Валютное управление по заявлению клиента разделяет счет по видам валют, сумма различных валют на счете не может произвольно определяться пользователем. Различные виды валют одного пользователя могут быть использованы только для внешнеторговых платежей. Разрешается оставлять 15% валюты от дохода по внешнеторговым операциям, валюта, превышающая предельную сумму, должна продаваться государству. Данное постановление позволяет совместным предприятиям равноправно и рационально участвовать в конкурентной борьбе, совместным предприятиям предоставлена среда для свободного маневрирования.

Этапная цель реформ 1994 г. — свободная конвертация юаня по текущим операциям была достигнута 1 декабря 1996 г.

Значение конвертации юаня по текущим операциям:

1) Ускорился процесс вступления Китая в ВТО, система валютного регулирования постепенно приближается к международным нормам, укрепляется вера всех слоев населения в стабильность юаня.

2) Улучшаются условия для валютного регулирования предприятий с иностранным капиталом. Иностранцам предоставляются законные гарантии законного получения прибыли, снижаются риски валютных операций, укрепляется доверие иностранных инвесторов и все это способствует притоку инвестиций.

3) Китайская экономика продолжает вливаться в мировой экономический поток. Упрощается оформление, сокращается количество звеньев, все это повышает эффективность оборота капитала, создаются благоприятные условия для более активного участия Китая в международных экономических обменах.

4) Китай более широко участвует в международной конкуренции, это способствует углублению реформ и модернизации, совершенствованию внутренних рыночных механизмов.

III. Перспективы реформы системы валютного регулирования в КНР

Очевидно, что за 20 лет реформ получены определенные положительные результаты, однако эти успехи можно рассматривать лишь как первичные и ограниченные. Китай на ближайшие 10 лет ставит перед собой большие задачи по углублению реформ системы валютного регулирования. Среди проблем, требующих разрешения, первоочередными выдвигаются следующие:

Вопрос уровня валютных запасов

Под валютным запасом обычно подразумеваются денежные запасы, которыми государство обладает и может свободно распоряжаться, это средство уравнивания международных платежей и поддержания валютного курса. Валютные запасы Китая составляют 253 млрд. долл. /август 2002 г./⁹, увеличившись с начала года на 39,66 млрд. долл. (состояние валютных запасов после 1979 г. указано в табл. 1), среднемесячный прирост достиг 5,1 млрд. долл. США. По данным МВФ Китай вышел на 8-е место вместо 11-го. Валютные запасы Китая достигли максимального уровня за всю историю.

Валютные запасы Китая в 1979 — 2002 г./ август/

Таблица 1¹⁰

							млрд долл.	
1979	1980	1981	1982	1983	1984	1985	1986	
0,84	-1,296	2,708	6,986	8,901	8,220	2,644	2,072	
1987	1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994	
2,923	3,372	5,550	11,093	21,712	19,443	21,199	51,620	
1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	
73,597	105,029	139,89	144,95	154,67	165,63	213,34	/август/ 253	

В связи с наличием достаточных инвалютных запасов и стабильностью курса юаня международное положение последнего повысилось как никогда. Юань фактически обращается в известной степени в Специальных Административных Районах /САР/ Сянган и САР Аомынь. В сопредельных с Китаем странах юань фактически рассматривается как твердая валюта и зачислен в номенклатуру инвалютных запасов. С соседними странами, включая Вьетнам, Монголию и Непал, Китай подписал соглашения о расчетах в валюте обеих сторон. Центральный банк России и Народный банк Китая 22 августа 2002 г. заключили соглашение о межбанковских расчетах в торговле в приграничных районах. Согласно документу, в экспериментальном порядке межбанковские расчеты в торговле в Амурской области будут осуществляться в национальных валютах двух стран. Соглашение коснется шести банков, зарегистрированных в Благовещенске, и 20 филиалов московских банков, работающих в Амурской области. В случае успеха в реализации этого соглашения, применение такой практики может быть расширено¹¹.

Быстрый рост инвалютных запасов Китая объясняется, во-первых, активным сальдо торгового баланса. За первые пять месяцев 2002г. активное сальдо торгового баланса Китая составило 10,43 млрд долл. США. Во-вторых, это результат стремительного увеличения зарубежных фактических инвестиций. Так, в январе-июле 2002г. по всей стране договорная сумма иноинвестиций составила 54,353 млрд долл. США, фактически были освоены инокапиталы на сумму 29,543 млрд долл. США¹² Другим важным фактором явился рост инвалютных доходов от туризма.

Для такой развивающейся и открывающейся страны как Китай увеличение валютных запасов чрезвычайно благоприятно. Это повышает международный авторитет, увеличивает возможности использования внешних ресурсов, способствует развитию экспортно-импортной торговли. Достаточные валютные запасы повысили способность Китая противостоять внешним потрясениям. Валютные потрясения в Юго-Восточной Азии и Южной Корее после июля 1997 г. не смогли оказать серьезного влияния на экономику Китая. Причин этого много, однако одна из главных — высокие валютные запасы. Валютные запасы являются также главной гарантией возврата внешних займов. Согласно опубликованной статистике сумма внешних займов Китая на конец 1996 г. составляла 116,275 млрд долларов¹³. Это был период пика возврата платежей, и для своевременных выплат было необходимо обладать достаточными валютными запасами.

Валютный запас надолго решил проблемы кратковременной нехватки валюты. Было доказано, что Китай обладает достаточной способностью возврата займов. В случае временных затруднений с платежами можно всегда воспользоваться валютными запасами в качестве регулирующего механизма. Валютные запасы являются материальной базой стабилизации валютного курса; в условиях нестабильного международного валютного рынка и углубляющегося кризиса юань (жэньминьби) долгое время остается стабильным и в этом главная заслуга валютных запасов.

Быстрый рост валютных запасов имеет и оборотную сторону. Увеличение валютных запасов может вызвать инфляцию внутри страны. Излишние валютные запасы могут привести к быстрому увеличению денежной массы; может быть нарушен баланс предложения и спроса, сложившийся в обществе. Увеличение валютных запасов может привести к снижению эффективности валютных ресурсов. Предоставление части валютного запаса в пользование иностранцам хотя и может принести определенную прибыль, однако имеется риск нанесения ущерба ее ценности в связи с колебаниями курса. При слишком больших валютных запасах можно утратить право пользования льготными зарубежными кредитами. Согласно решению Международного валютного фонда льготные кредиты не предоставляются странам, которые устойчиво наращивают свои валютные запасы.

В мире пока нет единого мнения относительно рационального уровня валютных запасов. Судя по реальному состоянию китайской экономики, валютные запасы Китая вполне разумны. Интересно заметить, что наиболее развитые страны — США и ФРГ отнюдь не занимают первые места по запасам валюты. Мировой опыт развития экономики указывает на то, что индустриальные страны с большой суммарной национальной мощью могут осуществлять внешние платежи, используя свою национальную валюту, которая уже стала международным платежным средством, поэтому валютные запасы у них могут быть низкими. Быстроразвивающиеся страны, хотя и достигли конвертируемости своих валют, однако эти валюты не стали средством международных платежей, велика их внешняя зависимость, поэтому им необходимо сохранять большие валютные запасы. У большинства развивающихся стран от-

мечается недостаток валюты, их национальная валюта не подлежит свободно-му обмену, им необходимо обладать большими валютными запасами.

Следует полагать, что процесс валютных накоплений в Китае еще не закончен. Стране будет необходимо сохранять большие валютные запасы еще довольно длительное время. В политике валютного регулирования Китай должен будет придерживаться определенных принципов, а именно:

1) валютный запас Китая отражает суммарную платежеспособность страны, он удовлетворяет потребности по обычным и экстренным внешнеторговым платежам и возврату внешних займов. Кроме того, необходимо учитывать требования устойчивого экономического развития и политики открытости.

2) Валютный запас Китая — это гарантия внешней платежеспособности. В 2001 г. общий объем импорта и экспорта достиг 509,8 млрд долларов, в том числе валовой объем экспорта составил 266,2 млрд долларов, а объем импорта — 243,6 млрд долл., которые превышают аналогичные объемы 1978 г. соответственно в 23,7, 26,3 и 21,4 раза. В настоящее время Китай поднялся на 6 место в мировой торговле, доход от внешней торговли составляет 22,9% в народном хозяйстве. В 2001 г. товарооборот Китая с Россией достиг 10 млрд долл., превысив на четверть уровень 2000 г. За семь месяцев общий объем товарооборота между КНР и РФ достиг 6,62 млрд долл. США, увеличившись на 19,4% по сравнению с соответствующим периодом 1999г. В том числе экспорт из Китая в Россию составил 1,65 млрд долл. (рост на 30,2 %), импорт из России в Китай — 4,97 млрд долл. (рост на 16,3%)¹⁴.

3) Осуществление конвертации юаня по текущим операциям означает продолжение либерализации контроля над торговыми и неторговыми внешними платежами.

Проблемы развития валютного рынка

4 апреля 1994 г. в Китае официально вступила в действие сеть центров по валютным сделкам, это ознаменовало начало периода вступления Китая в рыночную систему с единственным валютным курсом. По механизмам и методам действия новый валютный рынок продемонстрировал тенденции к единству и упорядочению.

По механизму действия валютный рынок стал сервисным центром, обладающим посредническим характером. ГУВК осуществляло руководство и контроль над его работой. Центральный банк вмешивался в его деятельность посредством рыночных механизмов. Центры валютных сделок осуществляли поддержку и обслуживание рынка.

Валютный рынок явился качественным прыжком в рыночной структуре. Впервые была установлена роль банка, как субъекта валютного рынка:

— он стал играть роль розничного рынка между предприятиями и банками, работающими с валютой;

— стал субъектом межбанковского валютного рынка.

— Валютные сделки через банки и банковскую сеть, образовали валютный рынок, протяженный во времени и пространстве. Рынок дал возможность Центральному банку путем вмешательства в межбанковские сделки добиваться целей своей денежной политики.

— Банки смогли осуществлять межбанковские сделки через сеть. Центром сделок был определен Шанхай, где была создана всекитайская компьютерная сеть.

— Между банками были установлены формальные и неформальные открытые связи удобные для компьютерных методов.

— В методах контроля произошли качественные перемены, переход от планового распределения валюты к рыночному.

Все эти перемены указывают на то, что в валютных вопросах Китай сделал важный шаг в сторону рынка. Однако следует заметить, что это всего лишь первые шаги. Модели и формы валютного рынка отражают нынешнее состояние китайской экономики. Состояние китайского валютного рынка сильно отличается от такового в большинстве стран.

Многие страны в начале свободного обмена обычной валютой использовали систему принудительной сдачи валюты. В некоторых конкретных условиях вся валюта должна была продаваться банку, в других случаях предприятие могло оставлять часть валюты себе. Принудительная сдача валюты является прогрессом по сравнению с традиционным множеством валютных курсов. Она не только готовит банки к тому, чтобы стать субъектом валютного рынка, способствует развитию межбанковских валютных сделок, но и позволяет органам валютного регулирования освободиться от проблем микрорегулирования и перейти к макрорегулированию, предоставляет пространство для развития валютного рынка, ставит перед финансовыми органами новые задачи. Однако с точки зрения валютного рынка принудительная сдача валюты имеет определенную ограниченность. Поэтому принудительную сдачу всей или части валюты можно рассматривать лишь как переходную меру к либерализации. Она означает, что власти по-прежнему держат валютную деятельность под строгим контролем. После создания сети межбанковских сделок систему принудительной сдачи валюты следует постепенно отменять.

Ход валютной реформы в Китае и ее конкретные проявления показывают, что меры по принудительной сдаче валюты были направлены на ограничение кратковременных факторов, на предупреждение скачков валютного курса, подобных тем, которые имели место в 1993 г. Однако объективно эти меры привели к ограничению действия рыночных механизмов, привели к образованию «рынка покупателя». Центральный банк для поддержания стабильного курса вынужден был осуществлять постоянное вмешательство и закупать валюту, в результате чего валютные запасы сильно увеличивались, изменились каналы поступления основной валюты, что привело к затруднению контроля. Поэтому переход на добровольную сдачу валюты явился важным шагом в процессе валютной реформы.

Предполагается, что в ближайшие 10 лет китайский валютный рынок должен достичь зрелого состояния и присоединиться к международному рынку. Для достижения этой цели кроме перехода к системе добровольной сдачи валюты и развития валютного рынка определена необходимость продвижения в следующих четырех направлениях:

- упорядочить действие рынка, усилить его саморегуляцию;
- разрабатывать новые продукты, сделки, расширять объем и покрытие рынка;
- оздоровить механизм спроса - предложения, сделать его более эффективным;
- воспитывать рыночные субъекты, усилить контроль над сделками.

Проблемы баланса спроса и предложения на валюту

До начала реформы валютной системы 1994 г. в результате сильного влияния плановой экономики спрос и предложение на валютном рынке были несбалансированными. Внеплановые валютные запросы полностью поступали на рынок, снабжение рынка валютой осуществлялось только за счет оставляемой части. Это вызывало сильные перепады цен на валюту. В этот период большинство мер валютного регулирования было направлено на предупреждение чрезмерного спроса. Банкам были определены предельные сроки оборота. Совместные предприятия вынуждены были сдавать валюту в принудительном порядке. Предприятия с иностранным капиталом добивались баланса своими силами.

После 1994 г. вслед за изменениями в системе валютного регулирования обстановка в отношении спроса и предложения заметно изменилась. Предложение длительное время превышало спрос, курс юаня стабилизировался и повысился. Центральный банк вынужден был закупать большое количество валюты, что привело к резкому увеличению валютных запасов. Закупка валюты стала одним из важнейших каналов валютных поступлений. В результате появились новые проблемы:

1) Соотношение юань-доллар изменилось с 1:8,7 на 1:8,3. Одновременно уровень роста цен в стране превысил зарубежный, в результате чего возросла себестоимость обмена валюты у части экспортных предприятий, они понесли убытки. Чтобы стимулировать экспорт необходимо было снизить курс юаня. Реформа внешнеторговой системы шла с относительным запозданием. Потери некоторых внешнеторговых предприятий носили политический характер. Если бы курс юаня продолжал расти, это привело бы к еще большим потерям. Однако в условиях превышения валютного предложения над спросом происходило искусственное обесценивание юаня, что могло привести к отклонению от курса реформы и поставить руководство в валютно-финансовой сфере в затруднительное положение.

2) Поскольку предложение валюты существенно превышало спрос, валютные запасы росли с большой скоростью. Проблема в том, что Центральный банк, покупая валюту, вынужден был сбрасывать большое количество национальных денег и это нанесло большой удар по валютному регулированию. Валютная часть стала основным каналом сброса национальных денег. Так в 3-м квартале 1996 г. сброс юаней составил 144,9 млрд, т.е. 52,2 млрд юаней были рекредитованы Центральным банком. Это свело на нет выпущенные займы, однако все эти меры, скорее всего, можно считать политическими.

3) Валютная составляющая, будучи основным каналом сброса национальных денег, также обладает большой ограниченностью. Центральный банк подвержен ограничивающему влиянию спроса и предложения валюты. Если предложение валюты больше спроса, Центральный банк вынужден сбрасывать национальные деньги; и наоборот, если предложение не удовлетворяет спрос, Центральный банк вынужден сбрасывать валюту и приобретать национальные деньги, он не в состоянии самостоятельно определять масштабы сброса и закупки. Сброс основных денег также приводит к структурным изменениям; валюта в основном перетекает в экспортные отрасли.

Проблемы валютного курса юаня

После начала реформ 1994 г. в механизме установления валютного курса юаня стали проявляться рыночные тенденции. Основным критерием установления валютного курса юаня стали спрос и предложение на рынке. Основным источником являлась валюта, сдаваемая в банки в качестве выручки предприятий, ориентированных на экспорт. Потребление валюты зависело от ее продажи банками; основными потребителями были предприятия, осуществляющие импорт. Однако при системе сдачи и покупки валюты имел место серьезный дисбаланс спроса и предложения, не хватало эластичности, причем недостаток эластичности в спросе был большим. Такой дисбаланс мог оказывать серьезное влияние на изменение динамики спроса и предложения. При регулируемом плавающем курсе юаня Центральный банк исполнял роль субъекта межбанковских сделок, регулировал курс и их отношения. Его роль существенно отличалась от роли коммерческих банков, осуществляющих валютные операции. Очень часто в процессе валютного регулирования Центральный банк осуществлял политику правительства. В условиях перехода к рыночной экономике такая система была достаточно эффективной для регулирования курса юаня.

С другой стороны, по сравнению с прошлым курс юаня уже не регулировался пассивно, а регулировался инициативно путем рыночного вмешательства. Центральный банк не игнорировал рыночные тенденции, учитывал финансовую политику и потребности экономики, путем своевременного вмешательства формировал курс, выгодный для развития экономики. Это было благоприятно для регулирования валютного курса и проведения финансовой политики Центрального банка, способствовало совершенствованию косвенных механизмов финансового регулирования. Однако поскольку в смежных областях реформы были неполными, механизм регулирования валютного курса нуждается в дальнейшем совершенствовании:

1) по сравнению с прошлым, достигнут большой прогресс в развитии инициативности, однако в рыночном управлении сохраняется определенная пассивность, еще недостаточно развиты открытые рыночные механизмы. Продолжается превышение предложения над спросом, что вызвало быстрое повышение курса юаня и вынудило Центральный банк заполнить рынок. Для поддержания баланса спроса и предложения постоянно увеличиваются объемы закупок валюты. Пассивные действия ослабили эффективность рыночных операций Центрального банка, привели к сужению операционного пространства, увеличили трудности в регулировании местной и иностранной валюты.

2) Методы вмешательства были довольно простыми. Однако методов регулирования курса путем рыночного вмешательства было довольно много. Грубо их можно разделить на прямые и косвенные, их сочетание давало оптимальный результат. В настоящее время используется только прямое вмешательство, политическая и экономическая себестоимость такого вмешательства довольно высоки. Методы косвенного вмешательства сейчас не используются. Все это связано с неблагоприятными внешними условиями, такими как разделенность финансового и валютного рынка, низкая степень рыночного влияния на учетную ставку, не связанность курса с размерами учетной ставки, невозможность свободного обмена юаня. Поэтому необходимы дальнейшие реформы, чтобы усовершенствовать механизм регулирования Центральным банком валютного курса.

Середина 90-х годов была отмечена острыми потрясениями международного валютного рынка. Резкое падение курса тайландской валюты в 1997 г. сначала вызвало финансовую бурю в Юго-восточной Азии, а затем и во всем мире. Многих волновала проблема, не отразится ли эта буря на китайском юане.

Так называемая девальвация юаня была лишь одной из форм рыночного ожидания. В условиях рынка свободной покупки и продажи валюты это могло лишь оказать влияние на тенденции изменения курса. Однако следует учесть следующие моменты:

1) механизм действия китайского валютного рынка сильно отличается от стран со свободно конвертируемой валютой, свободная покупка-продажа иностранных валют в Китае невозможна. В Китае действует принцип «сделка по реальной необходимости», в рамках свободного обмена обычных юаней основанием должна быть реальная валютная сделка. Банку и Валютному управлению необходимо предоставить документы, подтверждающие эту сделку, особенно это касается случаев использования «капитализированной» валюты.

2) Свободный обмен валюты носит внутренний характер, нерезиденты не могут в Китае осуществлять свободный обмен¹⁵. Поэтому влияние рыночных ожиданий на тенденции изменения валютного курса весьма ограничены; на курс в основном влияет баланс международных платежей и баланс спроса и предложения. Это защищает юань и китайский валютный рынок от атак международного спекулятивного капитала. Китай успешно избежал влияния мексиканского валютного кризиса 1994 г. и валютных потрясений в Юго-Восточной Азии. Кроме того, Китай обладает валютным запасом, который мо-

жет обеспечить внешнеторговые платежи в течение одного года, что является материальной гарантией от временных валютных потрясений.

Судя по последним событиям, вероятность девальвации юаня невелика. Курс юаня стабилен, это имеет важное значение не только для стабильности внутреннего китайского валютного рынка, но и для стабильности мирового валютно-финансового рынка.

IV. Основная тенденция реформы системы валютного регулирования

28 ноября 1996 г. китайское правительство сообщило о том, что оно принимает пункты 2, 3, 4 восьмого параграфа Соглашения Международного валютного фонда и с 1 декабря осуществляет конвертацию юаня по текущим операциям. Однако в отношении капитальных операций ограничения сохраняются.

В духе «постепенного перехода юаня к конвертируемости», выраженного в «Постановлении о некоторых проблемах построения социалистической рыночной экономики», принятого на 3-м пленуме ЦК КПК XIV созыва, предполагается на базе результатов реформы системы валютного регулирования активно создавать все условия для постепенного ослабления ограничений на конвертацию по капитальным операциям, в конечном итоге перейти к полной конвертации юаня, включая его капитализированные формы. Потому, что механизм рыночной экономики требует наличия свободного и открытого валютного рынка, который обеспечил бы свободное распределение валютных ресурсов, свободную конвертацию юаня и вхождения китайской экономики в мировую экономическую систему.

Полную конвертируемость юаня невозможно осуществить немедленно, необходимо пройти несколько этапов. Во-первых, потому, что полная конвертируемость юаня повысит степень внешнего влияния на экономику страны. Если соответствующие условия не подготовлены, то это может неблагоприятно отразиться на стабильности китайской экономики, в частности возможны сильные потрясения на начальном этапе. Нынешним развитым странам для достижения полной конвертации потребовалось несколько десятков лет. Почти все страны сначала осуществляли конвертацию обычных денег, одновременно улучшая управление капитализированными деньгами и, в конечном итоге, приходили к возможности полной конвертации.

Условия, необходимые для полной конвертации юаня

Чем выше степень зрелости различных аспектов национальной экономики, тем ниже социальная себестоимость полной конвертации национальной валюты. Для полной конвертации необходимы следующие условия:

1) большая экономическая мощь государства; если внутренний рынок страны со слабой экономикой через конвертируемую валюту смыкается с международным рынком, это таит в себе массу опасностей. Чем сильнее страна, чем разнообразнее структура экономики и продукции, тем больше способность противостояния рискам, которые влечет за собой свободная конвертация. Если национальная продукция обладает высокой конкурентоспособностью, то свободная конвертация имеет материальную базу; рациональная структура производства и продукции, научно-технический прогресс могут оказать мощную поддержку на пути национальной валюты к полной конвертации.

2) Здоровый механизм рыночной экономики, совершенная система установления рыночных цен и система современных предприятий, соответствующих рыночной экономике. Полная конвертация юаня приведет к интеграции внутренней и международной рыночных систем, продукция будет участвовать в конкуренции в международных масштабах, это должно усовершенст-

воват распределение ресурсов, международная конкурентоспособность — важный фактор, определяющий способность юаня к полной конвертации. Международная конкурентоспособность предприятия зависит не только от соотношения прибыли с ценой и себестоимостью, но также от изменения механизма регулирования предприятием и скорости его приспособления к рыночным условиям. В этих условиях полная и свободная конвертация юаня не только не будет способствовать оптимизации факторов реального сектора экономики, но и наоборот, нанесенные этим удары могут помешать реформам и развитию национальной экономики.

3) Стабильность валютного регулирования и стабильный валютный запас. Центральный банк обладает авторитетной и самостоятельной финансовой политикой, которая соответствует отношениям между ним и правительством; кроме того, Центральный банк должен обладать эффективными средствами для регулирования денежной массы, суммы внутренних кредитов, и поддержания уровня цен. Только при этих условиях и достаточных валютных запасах, Центральный банк, стремясь к внутренней и международной сбалансированности, может осуществлять эффективное регулирование и погасить отрицательное влияние свободной конвертации юаня.

4) Стабильность международных платежей. При стабильности международных платежей, даже если валютные запасы какой-либо страны не совсем достаточны, конвертация национальной валюты может быть обеспечена. Поэтому благоприятная обстановка с международными платежами является первичным условием для свободной конвертации юаня; при этом необходимо strengthening международной конкурентоспособности, выбор соответствующей политики в определении курса, экономическое регулирование на макроуровне, совершенствование механизма установления валютного курса, способствующего его рационализации, чтобы этот курс мог в течение продолжительного времени верно выражать внешнюю стоимость юаня.

5) Совершенствование финансового рынка. Валютный рынок — важная составная часть финансового рынка, без совершенного финансового рынка не может быть стабильности валютного курса, следовательно, не может быть и стабильного валютного рынка. Развитый финансовый рынок благоприятен для открытой рыночной деятельности Центрального банка, для вмешательства в дела валютного рынка, для «чистки» после вмешательства, для снижения колебания валютного запаса на основные финансовые показатели. Совершенный финансовый рынок помогает Центральному банку оперативно регулировать валютный курс и снабжение валютой и в соответствии с реальной обстановкой эффективней устанавливать рациональные цены на валюту.

6) Создание стабильной и здоровой системы финансового контроля. Международные финансовые отношения необычайно сложны, множество действий и перемен нуждаются в строгом контроле и в координированном сотрудничестве международного сообщества. Китай не так давно вступил на международный финансовый рынок, не имеет достаточного опыта; однако наиболее важно то, что внутренняя система финансового контроля еще несовершенна; в этих условиях осуществление полной конвертации юаня довольно опасно. Некоторые страны Юго-восточной Азии показали Китаю убедительный пример.

Созревание вышеуказанных условий постепенный и длительный процесс. Связанная с этими условиями конвертация юаня также представляет собой длительный процесс. Однако это вовсе не означает, что конвертация может растянуться на неопределенно длительное время. Наоборот, международная обстановка и внутреннее экономическое развитие не оставляют для этого процесса много времени. Поэтому необходимо, усиливая контроль над капитализированной валютой, углублять реформу экономической системы, активно создавать условия, ускорять процесс конвертации капитализированного юаня.

Меры по осуществлению свободной конвертации юаня

Осуществление полной конвертации юаня и упразднение валютного контроля означает необходимость перехода к полной открытости платежей в обычных и капитализированных юанях, отказ от каких-либо форм контроля над международной валютной деятельностью и потоками капитала. С учетом современной обстановки валютного контроля и соблюдения условий в связи со вступлением Китая в ВТО, свободную конвертацию юаня необходимо будет осуществить. Однако этот процесс будет проходить поэтапно с учетом внутренней обстановки и возможностей.

Действующая ныне в Китае валюта — жэньминьби может быть свободно конвертируема. Ключевой вопрос в доверии к финансовой политике Центрального банка, включая подвижность учетной ставки, стабильность цен и уверенность в национальной валюте. За последние годы в определенных сферах и в определенной степени юань уже продемонстрировал готовность к конвертации. Он находится в процессе развития, направленном на свободную конвертацию.

В ближайшие годы Китай планирует принять ряд мер для решения некоторых проблем валютного регулирования:

1) ослабление ограничения на платежи в обычной валюте. В процессе углубления открытости валютного рынка механизм формирования валютного курса становится все более рациональным. Предполагается разрешить физическим лицам, при определенных условиях, участвовать в купле-продаже капитализированной валюты, а также продолжить создание условий для свободного обмена юаня.

2) Скорейшее создание системы уравнивающего валютного фонда. Основной канал свободного обмена юаня — это валютный рынок. Устойчивость рынка непосредственно влияет на процессы обмена. Создание уравнивающего фонда позволит Центральному банку регулировать спрос и предложение, стабилизировать курс.

3) Усиление контроля Центрального банка над государственными валютными резервами, повышение способности вмешательства в дела валютного рынка. Сюда также включается контроль рисков, стратегия инвестирования, а также функции планирования. В особых экономических зонах и приморских городах предполагается расширить сферу обслуживания филиалов иностранных банков, разрешить в этих регионах ограниченный свободный обмен.

4) Постепенное ослабление валютного регулирования, в конечном итоге — отказ от валютного регулирования и переход к полной свободной конвертации юаня. На этом этапе государство будет сохранять необходимый контроль над капитальными валютными операциями. Валютная выручка от экспорта и валюта для импортных операций не контролируется, а только регистрируется, что необходимо для статистики международных платежей. Увеличиваются нормы ввоза и вывоза валюты, допускается использование юаня как средства международных платежей, происходит его интернационализация. В конечном итоге ликвидируются ограничения на капитальные валютные операции, система валютного регулирования становится полностью открытой. Внешние платежи будут контролироваться не за счет системы валютного контроля, а путем торговой и налоговой политики, путем установления учетной ставки и валютного курса, будет достигнут общий баланс международных платежей для обеспечения национальной экономике стабильного развития.

1 Три из них: Шэньчжэнь, Чжухай и Шаньтоу - в провинции Гуандун решением Постоянного Комитета Всекитайского Собрания Народных Представителей (ПК ВСНП)

в августе 1980 г. Чуть позже, в октябре того же года, в результате подобного решения появилась зона Сямэнь в провинции Фуцзянь. Пятая зона - провинция Хайнань - возникла по решению 1 сессии ВСНП 7-го созыва в апреле 1988 г.

2 The People's Bank of China 2001. (Ежегодник Народного банка Китая.) Пекин. С. 61.

3 www. safe. gov. cn

4 В самом начале 80-х гг., когда были созданы предпосылки к существованию валютного рынка, Народному Банку Китая было поручено осуществлять сделки по продаже инвалюты государственным и коллективным предприятиям. Однако на смешанные предприятия право ведения таких сделок не распространялось. К этому же периоду относится создание центров и пунктов валютного обмена и регулирования, в которых государственные и коллективные предприятия могли покупать ограниченные суммы иностранной валюты для строго установленных целей. Первый центр валютного обмена и регулирования был создан в конце 1985 г. в Шэньчжэне. Первоначально его деятельность была строго регламентирована: обменные курсы валют не могли превышать установленного государственного предела, продавцы и покупатели не могли вступать в контакты между собой. С июля 1986 г. эти ограничения были сняты.

В ноябре 1986 г. второй подобный центр был создан в Шанхае. Сначала функции Шанхайского центра валютного регулирования ограничивались регистрацией валютных сделок по фиксированному обменному курсу, установленному выше официального курса. В конце 1987 г. в этом центре был введен плавающий рыночный курс купли-продажи валют. Если в начальный период своей деятельности Шанхайский центр валютного регулирования обслуживал лишь предприятия с участием иностранного капитала, то с сентября 1988 г. к участию в валютных операциях были допущены национальные китайские предприятия и организации, в том числе из других районов страны. Таким образом, в Шанхае возник первый в стране валютный рынок, перешагнувший границы отдельного региона. Он стал затем крупнейшим и наиболее четко функционирующим центром валютного обмена и регулирования.

5 Валютные чеки (сертификаты) в юанях, которые нерезиденты (иностранцы, китайцы, проживающие за границей; соотечественники из Гонконга и Макао) могли приобретать за конвертируемую валюту по официальному курсу. Валютные чеки использовались для платежей за товары и услуги, предоставляемые нерезидентам в спецмагазинах, гостиницах, клубах, туристических организациях, компаниях, устраивающих поездки за рубеж, а также при оплате стоимости проезда и провоза багажа и личных вещей железнодорожным, водным и воздушным транспортом, услуг международной связи и в некоторых других случаях. Держатели валютных чеков в случае необходимости могли вновь обменять их на твердую валюту по официальному курсу; тем самым валютные чеки выступали в качестве конвертируемого варианта юаня. При этом официально считалось, что юань, выраженный в валютном чеке, по стоимости эквивалентен обычному юаню, "жэньминьби" (на черном рынке в 80-е годы курс «чековых» юаней к обычным был, как правило, 1:1, 2 - 5). Длительное время в Китае рассматривался вопрос об упразднении валютных сертификатов в связи с трудностями, которые вызывала система двойной валюты. К январю 1994 г., когда начался новый этап финансовой реформы, официальный курс юаня к доллару США составлял 5,8:1, тогда как рыночный курс - 8,7:1.

6 1 апреля 1994 г. официально объявлено о создании единого межбанковского валютного рынка, заменившего прежние центры и пункты обмена валюты, которыми пользовались предприятия. Единый рынок обмена валюты, получивший название Китайского центра валютной купли-продажи иностранной валюты, создан на базе Шанхайского центра валютного обмена и регулирования, который и ранее привлекал внимание не только всей страны, но и зарубежных финансовых кругов. В начальный период функционирования Центра сделки велись только в долларах США и гонконгских долларах, а с марта 1995 г. начались операции по обмену юаней также на японские иены. Согласно регулированию, введенному после создания Центра, все операции с инвалютой между финансовыми структурами, функционирующими в пределах Китая, осуществляются через систему купли-продажи инвалюты, предложенную Центром, а рыночные операции, не охватываемые этой системой, запрещены. Единый рынок использует цену предыдущего дня при закрытии рынка в

- качестве среднего показателя обменного курса юаня к доллару США для следующего дня. Банки, наделенные правом ведения операций с инвалютой, могут в рамках предписанных показателей устанавливать для предприятий цены покупки и продажи инвалюты.
- 7 С апреля 1994 г. до середины 1995 г. обменный курс юаня повысился на 4,8% - с 8,7 до 8,3 юаня за долл. С тех пор до настоящего времени он колеблется в небольших пределах в зависимости от спроса. Достигнутая в середине 1996 г. конвертируемость юаня по текущим счетам не дестабилизировала обменный курс юаня.
 - 8 В соответствии с «Правилами», лимиты обмена юаней на валюту для лиц, выезжающих в Макао к родственникам, увеличены с прежних 20 до 500 долл. США, в Гонконг - с 40 до 500 и в другие страны - с 600 до 1000 долл. Граждане, которым инвалюта требуется в размерах, превосходящих установленные квоты, могут обращаться в ГУВК, а также могут покупать инвалюту в банках, уполномоченных на ведение инвалютных операций, по представлении разрешающего сертификата.
 - 9 Дай Сянлун о развитии банковского дела Китая за прошедшие 13 лет// Жэньминь Жибао. 2002. 18 сентября.
 - 10 Источник [www. Safe. Gov. cn](http://www.Safe.Gov.cn)
 - 11 <http://www.rian.ru>, 23 августа 2002 года.
 - 12 По словам экономистов ООН, в соответствии со вступлением Китая в ВТО стабильный рост иностранных инвестиций обеспечивается и на будущие годы. Вступление Китая в ВТО еще более приковало внимание к нему со стороны инвесторов. Транснациональные корпорации (ТНК) Японии, США и других стран рассматривают Китай как главный объект инвестирования, они планируют изменение размещения своих отечественных отраслей производства с переводом их в Китай. На филиалы ТНК ныне приходится 23 проц. общего объема добавленной стоимости промышленности Китая, 18 проц. налогов и 48 проц. общего объема экспорта. Ныне из 500 крупнейших корпораций мира более чем 400 осуществляют инвестиции в Китай. ТНК вступают в Китай почти со всеми своими промышленными объектами. Не вступают лишь некоторые объекты сферы сервиса либо объекты, для которых рынок Китая в настоящее время еще не открыт.
 - 13 Китайское финансовое обозрение. 1998. Ежегодник Народного банка. С.90.
 - 14 Жэньминь Жибао. 2002. 17 сентября.
 - 15 Граждане КНР имеют полное право свободно получать доллары из-за границы (или доставать их где получится), хранить валюту на личных банковских счетах, а при надобности отдавать её насовсем государству, обменивая их на юани. Свободно менять юани на доллары китайское государство не разрешает, и тем самым многие годы оберегает свою экономику и жизненный уровень граждан от бурной инфляции. Таким путём социализм с китайской спецификой не позволяет США сливать свою американскую инфляцию в Китай в форме виртуальной стоимости портретов на зелёных бумажках, но собирает эти зелёные бумажки у граждан и компаний и возвращает их обратно за границу в форме платежей за реальные импортируемые товары. Подрабатывающие в Китае иностранцы (кроме сотрудников иностранных представительств, денежное содержание которых в валюте поступает из-за рубежа), как и китайцы, получают вознаграждение в юанях. Вывозить заработанные юани на Родину не имеет смысла, и они должны либо легально потратить их в Китае и вывезить товары, либо менять значительную часть юаней на "черном" рынке на доллары, рискуя получить "куклу". Официальных пунктов свободного обмена валюты нет.

История

Китайские ученые о развале Советского Союза

© 2003

У Вэй, Лю Сяньчжун

Развал Советского Союза вызвал в Китае огромное потрясение. Для лучшего обобщения исторического опыта, для продвижения вперед и совершенствования дела реформ и открытости, китайские ученые в течение 10 лет проводили широкомасштабные и всесторонние исследования причин и влияния распада Советского Союза и добились на этом поприще определенных результатов. Эти исследования касаются исторических корней, политических, экономических и структурных факторов, отклонений в теории со стороны правящей партии, ошибок в руководстве страной, в национальном вопросе, а также других причин, обусловивших этот распад. В Китае есть пословица, которая гласит: «Со стороны виднее», анализ, который китайские ученые провели «с точки зрения стороннего наблюдателя», может послужить полезным справочным материалом для исследования причин распада Советского Союза.

1. Исторические корни крупных перемен в Советском Союзе

Анализируя причины серьезных перемен в Советском Союзе, некоторые исследователи искали их корни в истории России, в истории СССР.

Профессор Лю Кэмин полагает, что причиной распада является отставание Советского Союза от эпохи. В своей статье он отмечает, что за последние годы Сталина у власти такие явления как превращение теории в догму, косность внешней и внутренней политики, рутинность социалистической системы стали на практике поворотным моментом эволюции СССР от процветания к упадку. За тридцать лет после Сталина, если практику экономического и политического послевоенного развития Советского Союза исследовать с точки зрения исторических условий новой послевоенной эпохи, то можно заметить, что высокие темпы индустриализации СССР на первых этапах, поражавшие весь мир, постепенно начали снижаться и, в конце концов, сменились застоем; гонка вооружений в соперничестве с США могла привести к временному успеху, но уже не могла остановить процесс спада и стагнации экономики. В политике авторитет социализма в СССР, который прежде рассматривался как освободитель и идеал всего человечества, упал очень низко, и он превратился в

У Вэй, заместитель заведующего сектором истории СССР Института Восточной Европы и Центральной Азии АОН Китая.

Лю Сяньчжун, профессор сектора истории СССР Института Восточной Европы и Центральной Азии АОН Китая.

страну гегемонизма, которая осуществляла повсюду экспансию и своевольно вмешивалась во внутривластные и государственные дела других стран. В теоретической области живой и развивающийся марксизм начального периода уступил место оторванному от практики, закостеневшему, мертвому догматизму. Это был всесторонний упадок в плане экономики, политики и сферах теории. Этот упадок подготовил условия к скорейшему краху и расколу Советского Союза после появления на сцене Горбачева.¹

Чжэн Ифань в своей работе «Русская революция — сначала испытывала недостаточность, потом избыточность», провел исторический анализ Октябрьской революции и сталинской модели строительства социализма. Он подчеркнул, что Октябрьская революция 1917 года в России и распад Советского Союза и уход со сцены КПСС в 90-е гг. XX века являются крупнейшими историческими событиями века. Существует внутренняя связь между этими двумя событиями. Он считает, что Октябрьская революция была революцией, которой многого не хватало: во-первых, в России отсутствовали необходимые материальные предпосылки. Россия была отсталой крестьянской страной, с пережитками феодального крепостничества, с населением, большинство которого составляли неграмотные крестьяне. И главная задача, с которой столкнулась страна — это проведение буржуазно-демократической революции, это расчистка дороги для капиталистического развития, чтобы тем самым создать необходимые материальные предпосылки для социалистической революции. Во-вторых, теоретическая подготовка была недостаточной. После того, как разразилась февральская революция, Ленин изменил курс, поставив на повестку дня социалистическую революцию, и это было не только от нехватки теоретической и идеологической подготовки большинства членов партии большевиков, но и в определенной мере недостаточной подготовленностью самого Ленина. Недостаточная подготовка революции привела впоследствии к ее поражению. Его проявлениями стали: во-первых, выдвижение неосуществимого плана мировой революции. Во-вторых, ошибочный выбор модели военного коммунизма. И, хотя Ленин, своевременно обнаружив эти проблемы, перешел к НЭПу, но его последователи выбрали то, от чего Ленин отказался, а именно модель военного коммунизма, и с 30-х годов XX века начали постепенное возведение и формирование системы административного командного управления с высокой степенью централизации власти, и именно эта косная модель постепенно привела Советский Союз к краху.²

Суй Куй в своей работе «Болезнинефу няндай: Сулянь цзоусян шуайванди гуаньцяньсин чжуаньчжэ шити» (Эпоха Брежнева: ключевой переломный период на пути к развалу СССР) провел анализ политики Брежнева за 18 лет. Автор полагает, что внешне за 18 лет правления Брежнева в Советском союзе сохранялось положение невиданной доселе стабильности, во второй половине 60-х экономика СССР получила довольно быстрое развитие, к началу 70-х годов СССР добился паритета с США по стратегическому ядерному вооружению. Однако именно в течение этих 18 лет Советский Союз накопил огромное количество политических, экономических и социальных проблем, что привело к полному застою политической жизни и экономического развития государства.³

Ван Чжипин в работе «Макэсычжуэи цзай Эгоды лиши миньюнь — цун шиюэ гэмин дао Сулянь цзети» (Марксизм в исторической судьбе России — от Октябрьской революции до распада СССР) полагает, что распад Советского Союза это самый большой вызов, с которым когда-либо сталкивался марксизм. Пример России подтвердил, что быстрый переход после Октябрьской революции к коммунизму невозможен, это есть явление «левого» догматизма, порожденного механическим копированием книжных истин и светлой мечтой о счастье народных масс, т.е. революционным энтузиазмом. С НЭПом,

инициатором которого выступал Ленин, было покончено после его смерти в ходе начавшейся острой борьбы за власть в партии. Вместе с тем эксперименты и поиски путей строительства социализма в такой отсталой стране, как Россия, также были прекращены методами сталинской командной централизованной политики грубого подавления внутривластной демократии. Созданная Сталиным модель Советского Союза, из-за множества негативных факторов и особенно из-за чрезмерного усиления роли принудительных административных мер государства и правительственного чиновничьего аппарата сверху донизу в экономической и политической жизни задушила творческий дух масс внутри и вне партии, и долгое время не подвергалась реформированию, что в итоге и привело к распаду Советского Союза. Гибель СССР произошла отнюдь не по причине негибкости марксизма, она еще раз продемонстрировала, что марксизм должен и может продолжать жить, непрерывно развиваясь и обновляясь.⁴

Чэнь Ляньби вывел причины распада СССР из ограниченности советского федеративного строя. Он указывает на особенности структурной формы Советского Союза, то есть на советский федеративный строй; во-первых, это субъекты федерации, созданные путем административного установления национальных границ, и другие автономные субъекты разных уровней; во-вторых, это предоставление статуса суверенного государства и права выхода из союза субъектам федерации и союзным республикам, таким образом, сформировались, существовавшие в Советском Союзе правовые принципы двойного суверенитета. Такой федеративный строй искусственно усиливает национальное самосознание, будит идею национальной независимости и не способствует решению сложных вопросов национальных отношений и защиты единства государства. У титульных наций национальных автономий различного уровня в Советском Союзе были воспитаны определенные обычаи и идеология, они полагали, что национальные автономные районы, названные их титульным именем, — это их «исконные земли» и только они являются хозяевами этого куска территории, а другие национальности это «чужаки». Кроме того, в этих национальных регионах постепенно сформировались некоторые особенности, свойственные статусу государства, что еще больше усиливало, и играло на руку тенденции к национальной независимости. Эти обстоятельства очень четко проявились в процессе серьезных перемен и распада Советского Союза. Причина создания исторической ограниченности советского федеративного строя в том, что в начальный период победы Октябрьской революции внешняя и внутренняя ситуация России была очень сложной. В то же время, по мнению тогдашних большевистских руководителей, то, что социализм представлял коренные интересы народов той или иной нации являлось преимуществом по сравнению с капиталистической демократией и это могло очень быстро уничтожить национальный гнет и дискриминацию. Однако исторические факты свидетельствуют, о том, что именно из-за этой ограниченности и нерешенности проблем и противоречий между национальностями, из-за того, что своевременно не были исправлены недостатки федеративного строя и возникли серьезные последствия.⁵

Ван Липин проанализировал распад Советского Союза с точки зрения особенностей государственной структуры. Она считает, что причины и фон распада Советского Союза чрезвычайно сложны. В первую очередь, структурная несимметричность и несбалансированность являются особенностями Советского Союза как государственной структуры федеративного типа. Эта особенность вовсе необязательно вела к распаду Советского Союза или нестабильности (в стране), однако, она могла превратиться в важную причину распада Советского Союза или нестабильности (в стране). По существу, глубинная

причина распада СССР заключалась в том, что был предпринят целый ряд неверных шагов для того, чтобы вернуться к "прежнему облику" разделения властей в федеративном устройстве, что привело к ослаблению и упадку авторитета центра, и в конечном итоге к невозможности сохранить единое федеративное государство.⁶

2. Экономический фактор, модель Советского союза и распад Советского Союза

Экономический кризис горбачевского периода это важный фактор, спровоцировавший глубокие перемены в Советском Союзе.

Ван Цзинцунь, анализируя причины экономического кризиса, возникшего в эпоху Горбачева, подчеркивал, что этот кризис обнажил противоречия и пороки модели развития экономики СССР, и вместе с тем нанес удар по престижу социализма и, таким образом, стал важным фактором, спровоцировавшим всеобъемлющий социальный кризис. В результате возник кризис веры большого числа людей, включая членов партии, в коммунистическую партию, социализм. Во-вторых, это то, что экономический кризис стал важным фактором, вызвавшим национальный кризис. В-третьих, экономический кризис дал возможность реакционным силам, как внутри, так и вне СССР, для осуществления тайных планов «мирного переворота».⁷

Го Цзяньпин в работе «Ленин юй Сыдалин гуаньюй Сулянь нунье фачжань даолуды бутун сюаньцзэ» (Различный выбор путей развития сельского хозяйства в СССР Лениным и Сталиным) делает вывод, о том, что основной урок опыта Советского Союза в этом вопросе состоит в том, что выбор модели развития социализма в деревне должен соотноситься с собственным уровнем производительных сил общества и соответствовать ситуации в стране. На практике модель развития социализма в деревне в качестве предпосылки должна иметь сознательное инициативное участие широких крестьянских масс. Однако одной из серьезнейших ошибок в практике в эпоху Сталина было то, что не только не учитывали, но и лишали крестьянство его реальных интересов.

Сюй Тяньсинь в работе «Нунмин вэньти юй Суляньди синван» (Крестьянский вопрос, рост и гибель СССР) полагает, что нерешенность в течение долгого времени крестьянских проблем стала основной причиной развала Советского Союза и неудач социалистического строя. Во-первых, в СССР сложилось отсталое сельское хозяйство, существовавшее в течение долгого времени, которое оказало влияние на развитие всей экономики. Во-вторых, нерешенность крестьянского вопроса препятствовала совершенствованию человека. В-третьих, нерешенность крестьянского вопроса не позволяла стране в действительности стать целостным, единым организмом. Можно сказать, что советская власть получила крестьянство, но и в определенной степени опять-таки потеряла его.⁸

Ли Цзяньминь в работе «Сулянь цзетиди цзинцзи инсу» (Экономические причины распада Советского Союза) отмечает, что распад Советского Союза был результатом множества различных факторов, но решающую роль сыграли противоречия и различного рода недостатки, существовавшие в высокой степени централизованной экономической и политической системе СССР, которые подавляли творческую трудовую активность людей, серьезно препятствовали демократическому строительству и росту экономики в Советском Союзе.⁹

Сюй Син, анализируя экономические причины распада СССР, считает, что в первую очередь они были скрыты в самой экономической модели Совет-

ского Союза, это результат исторической ограниченности этой модели, которая препятствовала развитию производительных сил и в течение долгого времени не могла быть урегулирована. Её основными проявлениями были: во-первых, то, что система в высокой степени централизованного планирования и экстенсивный характер развития народного хозяйства привели к экономическому кризису, так что вся экономика союза не сработала; во-вторых, сильно централизованная система управления создавала слишком ограниченный круг полномочий союзных республик, что не давало возможности как следует наладить экономические отношения между союзом и республиками; в-третьих, высокоцентрализованная экономическая система учитывала только лишь разделение труда в производственной специализации государства и недооценивала развитие региональной экономики в целом, что приводило к слабому экономическому развитию республик. Все это вело к слабости сил сцепления социализма, создавало предпосылки для требований экономического суверенитета, в республиках создавалась почва для роста сепаратистских тенденций.¹⁰

Сюй Чжисинь же, рассматривает распад СССР со стороны недостатков плановой экономики. В своей статье он указывает, что крушение Советского Союза несомненно является поражением социального значения, и корнями его является основная система экономики Советского Союза — плановая система экономики. Все пороки системы советской плановой экономики на деле являются отражением непреодолимых противоречий, заключенных в этой системе. Вот это противоречие: противоречие между плановой директивностью и личным потреблением, которое не поддается планированию.

При советской системе плановой экономики единственным способом разрешения этого противоречия было сдерживание личного потребления, используя способ дефицита в снабжении с тем, чтобы превратить личное потребление, которое изначально не может быть подчинено единому планированию в обществе, в такое потребление, которое поддается единому планированию, но на практике это противоречие не было устранено.¹¹

Цянь Цицзай в работе «Сулянь дуноу цзюйбянь юй ДэнСяопин лилунды лиши дивэй» (Большие перемены в Советском Союзе и Восточной Европе и историческое место теории Дэн Сяопина) полагает, что среди множества причин, приведших к огромным переменам в СССР и Восточной Европе, центральное место занимают две: основная причина это неудовлетворительное положение дел в экономике, и другая ключевая причина — это ошибочная линия. Причины, породившие вышеуказанные, во-первых, в системе, во-вторых, в милитаризации национальной экономики (особенно это касается Советского Союза), обе эти причины переплелись и взаимно проникли друг в друга.¹²

Чэнь Ючжун в ходе глубокого исследования советской модели обобщил двойной эффект модели советского социализма. Он считает, что, во-первых, советская модель была эффективной для быстрого осуществления Советским Союзом индустриализации и модернизации обороны страны, однако, для продолжения наращивания национальной экономики в целом при сохранении баланса между экономическими структурами, сил у нее оказалось недостаточно. Во-вторых, советская модель смогла сыграть положительную роль в скором осуществлении объемных задач на этапе развития экстенсивной экономики, однако она послужила препятствием для развития экономики от экстенсивных к интенсивным формам, закрыла пути к повышению эффективности и качества производства. Самой главной среди этих причин является то, что в высокой степени централизованная система плановой экономики препятствовала рациональному распределению ресурсов, сдерживала научно-технический прогресс и внедрение его результатов в производство, сдерживала развитие трудовой активности и творческой инициативы производителей. В-третьих, совет-

ская модель сыграла положительную роль в осуществлении коренных социальных преобразований и общественного прогресса для всех национальностей, живущих на территории СССР, однако, вместе с тем создала множество негативных явлений, накопила новые социальные противоречия. В-четвертых, хотя социализм советской модели первоначально уже обладал основными особенностями социализма, но этот социализм не был подлинным социализмом. Если посмотреть ретроспективно, то неполноценную советскую модель можно было сделать полноценной. К сожалению, историческое развитие Советского Союза не предоставило такой возможности.¹³

3. КПСС, Горбачев и распад СССР

Некоторые ученые полагают, что народные массы, в конце концов, оставили КПСС по причине того, что КПСС на долгое время откололась от них. Прежде всего, это выразилось в утрате партией первенства в идеологии, в отрыве от действительности, народ потерял веру в партийную пропаганду и как следствие утратил веру в партию. Во-вторых, за 70 лет правления КПСС жизнь советского народа должным образом не улучшилась, напротив же, в период горбачевской перестройки уровень жизни день ото дня снижался, по существу люди оказались ввергнутыми в бедность, открытость же позволила людям увидеть громадный контраст по сравнению со странами Запада, что вызвало мощную психологическую реакцию, которая и оказалась разрушительной для КПСС. В-третьих, в области демократической политики не обращали внимания на демократическое строительство, отбросили знамя демократии, прав человека, свободы, подменили систему законов субъективным правлением, возник произвол. В-четвертых, партийные руководящие кадры использовали власть в личных целях, день ото дня повсеместно распространялись и становились все серьезнее разложение и коррупция. В-пятых, грубые ошибки содержала политика в отношении интеллигенции, и в итоге, КПСС не только потеряла поддержку рабочего класса, но и утратила поддержку интеллигенции. В-шестых, в многонациональной стране просчеты в национальной политике приводят к тому, что равные права национальностей не получают гарантий, а это привело к отрыву широких масс различных национальностей от КПСС.¹⁴

Хуан Цзунлян в работе «Цун данцюнь гуаньси «шэ» «цзы» гуаньси кань Сулянь цзюйбяньды гэньюань хэ цзяосюнь» (Взгляд на уроки и истоки перемен в СССР с точки зрения отношений между партией и массами, между «обществом» и «капиталом») пишет, что уроки в области отношений между партией и массами состоят в том, что партия ни в коем случае не может навязывать свою волю обществу, оказывать давление на народ, в противном случае, она не избежит поражения. В любом деле нужно смотреть поддерживает или не поддерживает тебя народ, выступает ли он за или против, согласен он или не согласен; если только отойдешь от этого коренного положения, то не может быть и речи об историческом материализме, не может быть и речи о соответствии действительности. В сталинское время в Советском союзе не был урегулирован вопрос об отношении к плодам буржуазной цивилизации. Долгое время рыночную экономику полностью отождествляли с капитализмом, не могли уладить отношения между планом и рынком. Советская политическая модель несет две крайне важные негативные особенности, а именно: первое, это контроль, надзор и незаконное подавление всего общества, включая высокопоставленных руководителей со стороны государственных органов безопасности; второе, это слабость и крайнее несовершенство органов контроля.¹⁵

Син Гуанчэн в работе «Сулянди лилунь уцюй хэ моши сюаньцзэ» (Выбор модели и теоретические ошибки Советского Союза) по поводу теорети-

ческих ошибок отмечает: (1) КПСС не доставало правильного теоретического руководства, что надолго обрекло Советский Союз на жизнь в оковах догматизма, и это стало одной из важнейших причин поражения КПСС. (2) За 70 лет КПСС недостаточно хорошо узнала, что такое социализм, и в этом одна из важнейших причин провала КПСС и распада СССР. (3) У КПСС было недостаточно реальных знаний и правильных оценок в отношении капитализма, то есть они как следует не знали себя и как следует не знали противника.¹⁶

Е Шуцзун полагает, что КПСС не представляла интересы рабочих, крестьян и интеллигенции, не представляла передовые производительные силы, она делала все ради власти и отвергала преобразования самой себя. КПСС первоначально была революционной партией российского рабочего класса, но после того как она завладела политической властью в государстве, стала единственной правящей партией и отказалась от собственного преобразования, она постепенно превратилась в партию, особого слоя советских чиновников, обладающих особыми правами, на которых глубокое влияние оказали еще традиции царского самодержавия. Таким образом, к концу XX века одна партия под ударами волн эпохи и реформы со страшным грохотом развалилась, и это непреложный логический результат развития российской цивилизации.¹⁷

Шэн Дэли указывает на три главные проблемы КПСС: во-первых, высокий централизм КПСС, когда партия подменяла собой власть. Взлеты и падения Союзного государства зависели от КПСС. Во-вторых, косность в идеологической теории КПСС, в результате чего она утратила первенство в идеологии. В-третьих, в КПСС не хватало внутривнутрипартийной демократии, существовали вопросы в строительстве партии, произошло постепенное перерождение. Руководящий слой партии породил особых людей, не соблюдающих партийную дисциплину, не сдерживаемых рамками государственных законов, неподконтрольных партийным организациям и рядовым членам партии, демократические права широкого слоя партийцев были ослаблены. В кадровой политике осуществлялась система назначенчества, руководители высокого ранга занимали посты пожизненно. В конце концов, все эти причины привели к тому, что КПСС в критический момент, когда государство находилось между жизнью и смертью, не смогла справиться с важной задачей авангарда и боевой крепости.¹⁸

К причинам, вызвавшим поражение КПСС, Е Ян относит следующие пять: первое, утеря веры и поддержки народа. Второе, неверные оценка и отношение к политическим силам внутри страны. Третье, отход от принципов марксизма-ленинизма. Четвертое, гегемонистская внешняя политика, породившая крайне негативные последствия. Пятое, стратегия Запада по «мирным изменениям», которая сыграла роль катализатора.¹⁹

В работе «Сугунданди санши чжижжэн дивэйды юаньинь цзи цзяосюнь» (Уроки и причины потери КПСС политической власти), вышедшей под редакцией Лю Сяньвэня и Хэ Юнфана указывается, что с конца сороковых и до восьмидесятых годов КПСС долгое время ошибочно затягивала реформы в области политической и экономической системы, что приводило к накапливанию день ото дня различного рода противоречий и оказало серьезное влияние на развитие производительных сил. Когда СССР вступил в эпоху 80-х, он уже утратил преимущество в темпах экономического развития, и его отставание от экономической мощи США, все больше увеличивалось. Поэтому можно сказать, что накапливающиеся пороки социалистической модели СССР явились важной исторической причиной развала Советского Союза. Ряд ошибок горбачевской перестройки вскрыли разные противоречия, долгое время таившиеся в Советском Союзе, обострили их и ввергли СССР во всеобъемлющий кризис и, в конце концов, привели к краху Советского Союза. Влияние наступления

Запада на СССР под флагом мирной эволюции [советского режима], а также потрясения от коренных перемен в странах Восточной Европы явились внешней причиной утраты КПСС политических позиций правящей партии.²⁰

Ли Цзинцзе и др. считают, что непосредственной причиной развала СССР была перестройка Горбачева, и считают, что Горбачев и другие руководители КПСС в процессе проведения перестройки совершили огромные ошибки в сфере экономики, политики, идеологии, культуры, межнациональных отношений, религии, внешней политики, что не только не позволило им достигнуть ожидаемых от перестройки результатов, а, напротив, вызвали разного рода противоречия и кризис в советском обществе, породили повсеместные беспорядки и нестабильность. У компартии, насчитывающей почти столетнюю историю существования и в течение 70 лет находившейся у власти, в чьих рядах было 19 млн. членов партии, в этот жизненно важный момент не хватило боевых сил из-за возникших внутри партии правых оппортунистов и появившихся в обществе сил, настроенных против коммунистической партии и социализма, ключевой же момент всего этого кроется в пороках самой модели советского социализма и в порожденном ими кризисе. Сформировавшаяся в 20-х — 30-х г.г. сталинская модель в ходе развития послевоенной истории все больше и больше не могла соответствовать новым историческим условиям. Хотя во времена Хрущева и Брежнева делались некоторые попытки реформирования, однако они были весьма поверхностными, и в результате не только не достигли успеха, а, напротив, по многим параметрам еще и ухудшили недостатки сталинской модели. С увеличением накопившихся пороков эта модель постепенно превратилась в тормоз развития советского общества.²¹

Ли Юнцюань в работе «Почему в эпоху Горбачева рухнул Советский Союз», анализируя роль Горбачева, считал, что он был руководителем партии, который действовал в высоко централизованной государственной системе управления и принятия решений. Он не обладал выдающимися способностями и талантом, однако он умел нравиться партийно-государственным руководящим работникам. Вв времена перестройки он выкрикивал звонкие лозунги, однако было неясно, от каких принципов он не мог отказаться. Если бы не было этой системы, то не мог появиться Горбачев, точно также верно: если бы не было Горбачева, то Советский Союз не мог бы распасться. Это результат совместных усилий личности и системы. Горбачев сыграл роль катализатора распада СССР.²²

Вэй Цзэгуань, вспоминая историю разных периодов КПСС, заметил, что Горбачев завел партию «в тупик». Как раз из-за того, что он осуществил последовательную реформу по всем крупным вопросам, как программа партии, характер партии, руководящая идеология партии, принцип организации партии, место и роль партии, — изменил облик КПСС, привел партию к окончательному распаду. Горбачев выдвинул лозунг «Партия сама должна провести последовательную реформу», упразднил законное руководящее место КПСС и подготовил осуществление многопартийности, вызвал резкие перемены в политическом положении СССР, а также оказал глубокое влияние на КПСС. Под руководством идеи Горбачева о том, что «Партия сама должна провести последовательную реформу» КПСС потеряла руководящее место и роль и зашла «в тупик», что привело к полной потере контроля над политической, экономической и социальной обстановкой в СССР и к тому, что она (партия) сама себя разрушила изнутри.²³

Что касается «нового мышления» Горбачева, то Ли Чжэньчэн дал ему отрицательную оценку и подчеркнул, что «это старое мышление, которое пропагандировало реакционный возврат и реставрацию капитализма». «Новое мышление» отрицало славную историю КПСС и СССР, «сменило знамя», при-

вело к тому, что коммунисты и советский народ потеряли духовную опору сплочения и единства, отбросили марксистско-ленинскую вооруженность, вплоть до разброда в партии, ослабления дисциплины, потери духовности и морали, организационного раскола; произошел рост сил буржуазного либерализма и национального сепаратизма, разрыв политических и экономических связей между всеми республиками, между автономными районами, а также между центром и регионами; вражеские силы внутри страны и за границей получили удобную возможность воспользоваться резким ухудшением экономического положения, что окончательно привело к краху КПСС и распаду СССР. В «новом мышлении» Горбачева нашел свое отражение процесс перехода от количественных изменений к качественным, а также процесс перехода от скрытости и замаскированности к открытости.²⁴

Анализируя идейные и теоретические истоки «нового мышления» Горбачева, Чжоу Синьчэн считает, что нужно вернуться к XX съезду КПСС. Он отмечает, что целый ряд ревизионистских взглядов, которые выдвинул Хрущев на XX съезде КПСС, в дальнейшем не только не были подвергнуты критике и пресечены, а наоборот получили поддержку и развитие вплоть до того, что заняли господствующее место в партии; это как раз и заложило основу для возникновения «нового мышления» и распространения идей гуманистического демократического социализма. Ревизионистские воззрения Хрущева по крайней мере в четырех областях стали теоретической основой гуманистического демократического социализма и «нового мышления», а также истоком их роста и распространения. Во-первых, Хрущев полностью отрицал Сталина, по существу полностью очернил и подверг нападкам КПСС и социалистический строй, а также отрицал, что история партии и строй реального социализма являются предпосылками для выдвижения и развития гуманистического демократического социализма. Во-вторых, Хрущев выдвинул лозунг «все — для человека, все — для счастья человека» в качестве программной цели партии, по существу сделал руководящей идеологией партии — гуманизм, это идеалистическое понимание истории. Все это как раз и сформировало теоретическое ядро гуманистического демократического социализма. В-третьих, выдвинутая Хрущевым ревизионистская идея «всемирной партии», «всемирного государства», которая отрицала классовую борьбу и выступала против диктатуры пролетариата, стала теоретической основой гуманистического демократического социализма. В-четвертых, хрущевская теория ядерного террора отрицала существование международных классовых противоречий в условиях наличия ядерного оружия, раздувая международное классовое сотрудничество, это и создало теоретическую основу горбачевскому «новому мышлению» во внешней политике.²⁵

Гао Фан в работе «Ю гуань Сулянь цзюйбянь цзигэ чжуняо вэнтиды фэнси» (Анализ нескольких важных вопросов, касающихся изменений в Советском Союзе) полагает, что подлинной причиной поражения СССР была отнюдь не единственная причина, для объяснения следует использовать марксистскую теорию равнодействующих сил в историческом развитии. Он указывает на 12 причин, приведших к огромным переменам в СССР: внешние и внутренние причины, среди которых главное место занимали внутренние причины; отдаленные и близкие причины, главными среди которых являлись близкие; объективные и субъективные причины, главными среди которых были субъективные; микро причины и макро причины, среди которых главными были макро причины, ошибочные основные установки; низовые причины и причины в верхах, среди которых главными были причины в верхах; поверхностные причины и глубинные причины, главными среди которых были глубинные причины. Автор полагает, что в советском обществе долгое время существовали три

больших противоречия, а именно: противоречие между слишком «левацким» курсом и чересчур централизованным партийно-административным руководством и требованием со стороны социалистического общества быстрого здорового развития производительных сил, развития демократических свобод; противоречия между кликой административно-партийных чиновников, обладавших особыми правами и трудящимися массами; противоречие между великороссами и народами других национальностей. Эти три противоречия привели к экономическим, социально-политическим и национальным противоречиям в Советском Союзе и, в конечном итоге, вызвали три «крушения» в СССР, то есть — крушение партии, крушение государства, крушение социализма (социалистического строя).²⁶

Кроме того, ряд исследователей рассматривает распад СССР в связи с национальными, религиозными причинами. Они полагают, что национальный кризис, разразившийся в Советском Союзе, был результатом, долгое время копившихся в СССР национальных проблем.²⁷

Горбачев допустил ошибки в национальном вопросе, недооценивал или же не понимал важности национального вопроса, в политической перестройке, выдвигая лозунги «открытость», «не оставлять в истории белых пятен», не думал, что может, касаясь сложных, запутанных исторических счетов (любви и вражды) вытащить подспудно копившиеся национальные проблемы; огромный вред национальным отношениям нанесла и многопартийная система. Передача власти союзным республикам привела к потере контроля над ними, союзный ЦК остался без почвы.²⁸ Огромные перемены, возникшие в советском обществе в эпоху Горбачева, привели к колоссальному по размаху национальному сепаратистскому движению. Все это привело к большой войне за суверенитеты между союзными республиками и центром, в этой большой войне великорусский шовинизм впал в другую крайность.²⁹ Некоторые ученые также полагают, что развал Советского Союза произошел потому, что русские, будучи титульной нацией, поддерживали позицию национальной независимости. Когда в истории возникали национальный раскол, национальное отделение, вплоть до национальной независимости, все это проявлялось в отделении не титульной нации от титульной, в поисках независимости; в Советском же Союзе все было как раз наоборот, когда самая основная союзная республика Союза, Российская Федерация, сама потребовала «независимости», да еще и поддержала требования независимости другими не титульными нациями, это и привело Союз к распаду.³⁰

Некоторые ученые рассматривают причины перемен в СССР под углом зрения политики Советского Союза в отношении религии. Они сделали обзор положения в религии и отношений между политикой и религией и показали, что за 70 лет, т.е. с 1917 по 1987 в практике КПСС и советского правительства в отношении религии были как достижения, так и потери. В целом, претворялись в жизнь основные принципы отношения к религии, выдвинутые еще Лениным. Однако существовало немало проблем и ошибок, но из-за того, что эти противоречия долгое время накапливались и не находили решения, то, позднее, когда у власти стал Горбачев, эти проблемы взорвались все разом. Политика Горбачева в отношении религии привела к тому, что религиозные круги быстро разрослись и превратились в силу, как внутри страны так и за рубежом, выступающую против компартии, против социализма, развалившие КПСС, разрушившие социализм.³¹

1. См.: Лю Кэмин. Сулянь шэхуэйчжун ю шэн чжуань шуайди гэнюань [Корни развития социализма СССР от расцвета к упадку] // Шицзе чжиши. № 4. 1996.
2. Сулянь цзюйбянь шэнь цэнцы юаньинь яньцзю [Исследование глубинных причин драматических изменений в СССР]: Сб. статей под ред. Лу Наньцюаня, Цзян Чаньчу: Шэхуэйкэсюэ, 1999. С. 27-44.
3. Там же. С. 87-114.
4. Там же. С. 44-45.
5. Сюй Синь, Чэнь Ляньби, Фань Дэли, Цзян И. Чаоцидагоди бэнцуй — Сулянь цзети юаньинь таньси [Развал сверхдержавы — анализ причин распада СССР]: Шэхуэйкэсюэ вэнсянь чубаньшэ, 2001.
6. См.: Ван Липин. Сулянь цзетиди гоцзяцзегоу тэчжэн фэнси [Анализ особенностей государственной структуры распада Советского Союза] // Дуньоу чжунъя яньцзю, 1999. № 3.
7. См.: Ван Цзинцунь, Чжу Синцяо. Сулянь цзюйбяньдициньцзи гэньюань [Экономические причины глубоких перемен в СССР] // Сб. Сулянь цзюйбянь яньцзю [Исследование глубоких перемен в СССР] Под ред. Цзян Лиу, Сюй Куй, Дань Тяньлун: Шэхуэйкэсюэ вэнсянь чубаньшэ, 1994.
8. Сулянь цзюйбянь шэнь цэнцы юаньинь яньцзю [Исследование глубинных причин драматических изменений в СССР]: Сб. статей под ред. Лу Наньцюаня, Цзян Чаньчу // Шэхуэйкэсюэ, 1999.
9. Там же.
10. Сюй Синь, Чэнь Ляньби, Фань Дэли, Цзян И. Развал сверхдержавы — анализ причин распада СССР.
11. См.: Сюй Чжисинь: Лунь Сулянь шибайди цзинцзи гэньюань [Об экономических причинах поражения СССР] // Дуньоу чжунъя яньцзю [Изучение Восточной Европы и Центральной Азии]. 2001. № 3.
12. Исследование глубинных причин драматических изменений в СССР.
13. Чэн Ючжун. Сулянь мошиди синшуай [Расцвет и упадок советской модели]: Хубэй жэньминь чубаньшэ, 2000.
14. См.: Ли Цзинцзе. Сугун шибайди лиши цзяосюнь [Исторические уроки поражения КПСС] // Дуньоучжунъя яньцзю [Изучение Восточной Европы и Центральной Азии]. 1992. № 6.
15. Исследование глубинных причин драматических перемен в СССР.
16. Там же.
17. См.: Е Шуцзун: Сулянь гунчандан ши шэнмянди дан — гуаньйой сугун цзысин цзесанди ю каолуй [Что это за партия — КПСС — размышления по поводу самороспуска КПСС] // Таньсо юй чжэньминь, 2001. № 10.
18. Сюй Синь, Чэнь Ляньби, Фань Дэли, Цзян И. Развал сверхдержавы — анализ причин распада СССР.
19. Е Ян. Чжичжэнди гунчандан мяньлинди лиши каолян [Правящая компартия перед экзаменом истории] // Сб. Сулянь дуньоу цзюйбянь юй макэсычжун [Огромные перемены в СССР, странах Восточной Европы и марксизм / Под ред. У Жэньчжана: Шицзечжиши чубаньшэ, 1998.
20. См.: Лю Сяньвэнь, Хэ Юньфан: Сугун санши чжи чжэнь дивэйды юаньинь цзи ти цзяосюнь [Причины и уроки потери КПСС позиций правящей партии]: Гофан дасюэ чубаньшэ, 1996.
21. См.: Ли Цзинцзе, Сюй Чжисинь, Фань Дэли: Сулянь цзюйбянды юаньинь хэ цзяосюнь [Причины и уроки огромных перемен в СССР] / Под ред. Цзян Лиу, Сюй Куй, Дань Тяньлун // Сулянь цзюйбянь яньцзю [Исследования огромных перемен в СССР]: Шэхуэй кэсюэ вэнсянь чубаньшэ, 1994.
22. См.: Сулянь цзюйбянь шэнцэнцы юаньинь яньцзю [Исследование глубинных причин драматических изменений в СССР].
23. См.: Вэй Цзэхуань. Сугун синшуай тоуши [Анализ расцвета и упадка КПСС]: Гуандун жэньминь чубаньшэ, 1998.
24. См.: Ли Чжэньчэн. Сулянь синванди чэньсы [Глубокие раздумья о расцвете и гибели Советского Союза]: Гайгэ чубаньшэ, 1996.
25. Чжоу Синьчэн. Дуй шицзисин бэйцзюйды сыкао — Сулянь яньбяньды синчжи, юаньинь хэ цзяосюнь [Размышление над трагедией эпохи — характер, причины и уроки эволюции СССР]: Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, 2000.

26. Сулянь цзюйбянь шэнцэнцы юаньинь яньцзю [Исследование глубинных причин драматических изменений в СССР].
27. Хао Шиюань. Лишиди «фаньдань» юй сяньшиды яньбянь — Сулянь минцзу вэйцзи юаньинь чутань [Историческая «противосила» и реальные перемены — исследование причин национального кризиса в СССР] // Сб. Минцзу вэйцзи юй лянъмэнь цзети [Национальный кризис и распад Союза] / Под ред. Хао Шиюаня и др.: Сычуань минцзу чубаньшэ, 1993.
28. Чжао Чанцин. Цун минцзу цзюду кань Сулянь цзети [Распад СССР с национальной точки зрения] // Сулянь цзюйбянь шэнь цэнцы юаньинь яньцзю / Под ред. Лу Наньцюань, Цзян Чанъу [Исследование глубинных драматических измерений в СССР]: Шэхуэйкэсюэ, 1999.
29. Сюй Синь, Чэнь Ляньби, Фань Дэли, Цзян И. Развал сверхдержавы — анализ причин распада СССР.
30. См.: Сюэ Сяньтянь Шилунь Элосы минцзучжүи юй Сулянь цзети [К вопросу о русском национализме и распаде СССР] // Дуоу чжунъя яньцзю [Изучение Восточной Европы и Центральной Азии]. 1996. № 6.
31. См.: Юй Бэнюань: Сулянь цзюйбянь юй Сулянь цзунцзю чжэнцэ [Большие перемены в СССР и политика СССР в отношении религии] // Сб. Сулянь цзюйбянь яньцзю [Исследования больших перемен в СССР] / Под ред. Цзян Лиу, Сюй Куй, Дань Тяньлунь: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 1994.

Философия

Новация и традиция в раннеимперском конфуцианстве (на материале трактата Ян Сюна «Великое Сокровенное»)

© 2003

А. Калжаева, Е. Калжаев

Давно стало общим местом положение о том, что духовные традиции китайской цивилизации остаются существенным фактором культурной жизни современного Китая. Причины поразительной живучести этих традиций не перестают волновать обществоведов и культурологов. Один из путей к выявлению указанных причин целый ряд современных китаеведов видит в раскрытии методологической специфики традиционной китайской теоретической мысли.

Естественным образом при этом в круг внимания специалистов попадают прежде всего те произведения, в которых сама традиция усматривает свое наиболее полное, в известном смысле стандартизованное выражение. Прежде всего это Книга Книг китайской цивилизации — «И цзин» («Канон Перемен», «Книга Перемен»), известная также как «Чжоу и» («Чжоуские Перемены»), и наиболее авторитетные комментарии на этот памятник.

Между тем попытки альтернативного прочтения теоретической традиции, предпринимавшиеся отдельными китайскими мыслителями, могут быть не менее репрезентативными для раскрытия ее специфики. Ибо любые интеллектуальные новшества так или иначе отталкиваются от той традиции, которую служит объектом реформирования, и, соответственно, в большей или меньшей степени подготовлены ею. Тем более это относится к китайской мысли, в которой новые идеи по необходимости принимали вид «раскрытия» и «детализации» бесспорной мудрости канонов.

В истории китайской философии пионером в выдвижении альтернативной методологической системы суждено остаться Ян Сюну (53 г. до н.э. — 18 г. н.э.), известному ученому, литератору и философу эпохи Хань.

Ян Сюн (Ян Цзыюнь) родился и большую часть жизни прожил в Чэнду, центральном городе области Шу (территория современной пров. Сычуань), позже переехал в столицу империи — Чанъань. Он занимал различные должности при дворах ханьского императора Чэн-ди и узурпатора Ван Мана, но важных постов не получал. Ему принадлежит крупное философское произведе-

Калжаева Аглая Борисовна, младший научный сотрудник Центра изучения духовных цивилизаций Восточной Азии ИДВ РАН.

Калжаев Евгений Геннадьевич, младший научный сотрудник Центра изучения духовных цивилизаций Восточной Азии ИДВ РАН.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 01-03-00222а.

дение — трактат «Фа янь» («Образцовые речи»), который традиционно считается подражанием «Луньюю», памятнику, излагающему высказывания самого Конфуция. Кроме того, Ян Сюн — автор фундаментального диалектологического труда «Фан янь», а также большого количества дидактических стихотворных произведений, в основном — придворных од. Но репутацию новатора ему принес прежде всего трактат «Тай сюань» — «Великое Сокровенное».

Специфика текста «Тай сюань» и его включение в каноническое пространство

Текст «Тай сюань» стоит особняком от других произведений, созданных конфуциански настроенными авторами той эпохи. По форме и задачам он сильно отличается от многочисленных ханьских *вэй* — букв. «нить утка». Это обозначение произведений интеллектуальной традиции эпохи Хань показывает их вторичный статус по отношению к канонам-*цзин* (букв. «нить основы»), памятникам «конфуцианизированной» древней классики. К ханьским *вэй* принадлежат энциклопедические собрания (такие как «Бо ху тун и» — «Изложение дискуссии в Зале Белого тигра»), исторические и философско-исторические хроники (например, «Ши цзи» — «Исторические записки», «Хань шу» — «Книга [истории династии] Хань»), политико-философские трактаты («Синь юй» — «Новые речи» Лу Цзя, «Янь те лунь» — «Спор о соли и железе» Хуань Куаня) и другие сочинения.

«Тай сюань», по существу, предложил мироописательную систему, альтернативную той, что содержится в «И цзине». По наследству от «Канона Перемен» он получил свои важнейшие функции — описание структуры мироздания и помощь человеку в упорядочении своего бытия в соответствии с этой структурой. Возможно, по расчёту автора, сама архитектоника «Тай сюань», копирующая строение «Чжоу и», наряду с тщательно выверенным содержанием, должна была дать «Великому Сокровенному» право стать важным мироустроительным инструментом своего времени.

Как и «Книга Перемен» с её приложениями — «Десятью крыльями», «Тай сюань» подразделяется на две части — основной текст (*цзин*) и комментирующая часть (*чжуань*). Однако в отличие от двоичной системы «И цзина», «Великое Сокровенное» базируется на троичной системе — кроме целой и прерванной черт, Ян Сюн использовал дважды прерванную линию. Все возможные комбинации этих черт в четырёх позициях образуют 81 тетраграмму-шоу (букв. «глава») — основу структуры текста «Тай сюань», подобно 64 гексаграммам-*гуа* «Книги Перемен». После каждой тетраграммы следуют фразы об «янских» или «иньских» *ци*, а затем — фразы, интерпретирующие название тетраграммы; они структурно соотносятся с ицзиновскими *гуа цы* («слова к *гуа*»), комментариям к гексаграммам. Девять фраз *цзань* («оценок»), приуроченных к каждой тетраграмме, явно представляют собой аналогию ицзиновских *яо цы* («слова к чертам»), хотя и не прямую: это не пояснения каждой черты тетраграммы, а единицы, составляющие самостоятельный цикл в рамках всего текста; но, как и *яо цы* «Книги Перемен», они имеют нумерацию. Четырём *дэ* («добродетелям» — фазам цикла трансформаций) «И цзина» — *юань*, *хэн*, *ли*, *чжэнь* — у Ян Сюна соответствуют пять других фаз (Сыма Гуан даже называет их *у дэ* — пять *дэ*) — *ван*, *чжи*, *мэн*, *цю*, *мин*. В корпус «Тай сюань» входит девять автокомментариев: «Сюань чун» («Противостояния Сокровенного»), «Сюань цо» («Пересечения Сокровенного»), «Сюань ли» («Развертывание Сокровенного»), «Сюань ин» («Прояснение Сокровенного»), «Сюань шу» («Счёт Сокровенного»), «Сюань вэнь» («Узоры Сокровенного»), «Сюань и» («Подражание Сокровенному»), «Сюань ту» («План Сокровенного»), «Сюань гао» («Объяснение Сокровенного»)¹. Эти автокомментарии соотносились интерпретаторами Ян Сюна с «Десятью крыльями» «И цзина». Согласно Сыма Гуану, например, «Сюань ли», «Сюань ин», «Сюань и», «Сюань ту» и «Сюань

гао» соответствуют «Си цы чжуань» («Комментарии привязанных слов») в «Книге Перемен»². Кроме этих аналогий в построении текста, можно отметить и принципиальное подобие метода гадания, описанного, в частности, в «Счёте Сокровенного», и гадания по «Книге Перемен», как оно было реконструировано главным основоположником неоконфуцианства Чжу Си (1130–1200).

Заимствование структуры «И цзина» не могло не повлечь за собой сильной отрицательной реакции со стороны ревнителей чистоты культурной традиции. Современники-конфуцианцы обвиняли Ян Сюна в том, что он, «не будучи совершенномудрым, написал канон»³.

В ответ на это Ян Сюн посвятил одну из глав трактата «Фа янь» — «Вэнь шэнь» («Вопросы о духе») обоснованию написания «Тай сюань». Прежде всего, он объяснил возможность продолжения и развития учения «совершенномудрых» правителей древности. Предвосхищая позднейшую концепцию передачи *дао* — Пути (*дао тун*), разработанную в рамках конфуцианства, Ян Сюн утверждал, что возможно «погрузиться» (*цзянь*) в сознание (*синь*) «совершенномудрых». Это сделал Конфуций, проникнув в сознание основателя династии Чжоу Вэнь-вана (XI в. до н.э.), и ученик Конфуция Янь Юань, проникнув в сознание Учителя. Это проникновение осуществляется при помощи духа (*шэнь*). Сам этот дух, собственно, и позволяет познать всё сущее в мире, а также объединить Небо и Землю, создавая триаду *сань цай* («три начала», «три ценности»). Человек как носитель духа стремится к самому полному знанию, которое выражается в первую очередь в канонах. Но система канонов не есть статичное воплощение истины, она со временем может дополняться: *дао* как учение-Путь «совершенномудрых» раскрывается всё полнее с течением времени («дао не [даётся сразу] от Неба, оно творится в соответствии с эпохой»⁴). Ян Сюн специально остановился на создании «Книги Перемен»: он указал, что первоначально существовало лишь восемь триграмм, но потом система была дополнена, в частности Вэнь-ваном, развившим *ба гуа* до 64 гексаграмм.

Ян Сюну также необходимо было объяснить саму возможность создания нового текста — должностующего, по замыслу автора, занять такое важное место в культуре. Китайская традиция относилась к творческой новации — «созданию» — с большим подозрением, что было закреплено в знаменитой установке Конфуция — «передавать, а не создавать». Отвечая на вопрос своего виртуального собеседника, Ян Сюн говорил о Конфуции: «его деяния — переданные, а его писания — созданные»⁵, показывая, что тот, высказываясь против «создания», выступал против изменения культурной традиции, но отнюдь не противился её фиксации в письменном виде — ибо записали же ученики слова самого Конфуция.

Сразу же после появления «Тай сюань» стали появляться отзывы об этой книге как «темной» и «непонятной». На эти упреки Ян Сюн отвечал в той же главе «Вэнь шэнь», утверждая, что слова «благородных мужей» и «совершенномудрых» отличает внешняя загадочность и непонятность. В случае канонов это объясняется тем, что Небо и Земля необъятны, а каноны описывают всё сущее между Небом и Землей, поэтому они и не могут быть простыми.

Возможно, для ответа на упреки в намерении пойти против писаний «совершенномудрых» он напоминал об общей парадигме конфуцианцев, согласно которой во всех философских текстах следует искать только соответствующее канонам, а «благородный муж» не говорит ничего, что не согласно с канонической мудростью. Тем самым он подчеркивал, что был далек от намерения создавать что-либо противоречащее канонам.

Очевидно, Ян Сюн не мог рассматривать свою книгу как что-то, идущее на смену «И цзину», поскольку он в полной мере воспринял конфуцианское благоговение перед канонами: «Нельзя без лодки плыть через поток, нельзя без пяти канонов плыть через *дао*»⁶; «Только пять канонов дают критерии различий»⁷ и т.д. Если он и считал «Тай сюань» развитием системы «Книги Перемен» на новом уровне, он ни в коем случае не претендовал на создание нового

канона. «Сокровенное» — это субканоническая структура, при всей своей полноте и чёткости по сравнению с «Книгой Перемен» не претендующая на са-кральный статус.

Понятие Сокровенного в онтологии Ян Сюна и его связь с представлениями о времени и пространстве

Ключевой онтологической категорией в философии Ян Сюна является понятие *сюань*. Это слово буквально означает «иссиня-черный», «черный с красным отливом», «таинственный», «сокровенный», «далекий», «северный». Данное понятие пришло в конфуцианскую философию из даосизма. Так, оно неоднократно используется в «Дао дэ цзине» при определении понятия *дэ* и описании техники постижения *дао*. Следует отметить, что в системе Ян Сюна дефиниции «Сокровенного» напоминают определения самого *дао* в «Дао дэ цзине» и «Чжуан-цзы». В частности, Ян Сюн подчеркивал «бесформенность» сокровенного начала — в комментарии «Развертывание Сокровенного» («Сюань ли») он определял «Сокровенное» как то, что «во тьме разворачивает десять тысяч родов, не являя [своей] формы»⁹. А в комментарии «Объяснение Сокровенного» («Сюань гао») он приписывал свойство «бесформенности» «Сокровенному» как основе Земли — природного начала, вторичного по отношению к Небу.

На особое внимание Ян Сюна к даосской мысли указывает уже то, что он, будучи ревностным апологетом конфуцианства, считавшим его единственным истинным учением, в своей работе «Фа янь» с уважением отзывался о даосизме, полагая, что у даосов можно многое заимствовать: «Я принимаю некоторые слова Лао-цзы о *дао* и *дэ*; а отбрасывание человечности и долга, пресечение ритуала и обучения не принимаю»¹⁰. И всё же в концепции Ян Сюна интерпретация *сюань* далеко не совпадает с даосской. «Сокровенное» приобрело у него новое, самостоятельное значение: оно не только сближается с *дао* или Небом (ср.: «Итак, о Сокровенном: это путь Неба, путь Земли, путь человека, [оно] сочетает три пути и Небесным его называют»¹¹), но и выступает как обозначение единства структур мира. «Сокровенное» предстаёт как совокупность упорядоченных трансформаций Неба и Земли, в нём соединены *инь* и *ян* — основные компоненты мира: как пишет современный исследователь Чжэн Ваньгэн, «*сюань* охватывает две противоположности, это хаотичное нерасчлененное единство двух *ци* — *инь* и *ян*, оно находится в непрерывном движении»¹².

О действии «Сокровенного» во вселенной в «Сюань ли» говорится: «Сокровенное, стремясь достичь единства (*хэ*) Поднебесной, движет [связывает¹³] её»¹⁴. Это объединение тесно связано с календарной функцией системы «Великого Сокровенного»: цикл включенных в неё тетраграмм есть годовой цикл, который может рассматриваться и как трёхчленный (который представляет собой выделение из 81 тетраграммы групп, охватывающих 1 — 27, 28 — 54, 55 — 81 *шоу* и маркированных названиями первой, 28-й и 55-й *шоу* соответственно) и девятичленный цикл (так называемые Девять небес — девять групп по девять тетраграмм, названия которых определяются также по первым тетраграммам в группах).

Каждому дню года в «Тай сюань» соответствует две «цзань» — строчки, комментирующие ситуацию относительно дня и ночи соответственно. Всего насчитывается 731 *цзань* — кроме привязанных к тетраграммам, существует ещё две дополнительных, и, таким образом, «Сокровенное» включает 365 с половиной дней года. Система циклических знаков тоже накладывается на годовой цикл — и отсюда на цикл тетраграмм (ср. сопоставление циклических знаков с фазами годичного развития *инь* и *ян* в «Плане Сокровенного»: «Цзы — тогда *ян* рождается в одиннадцатом месяце, конец *инь* в десятом месяце можно наблюдать; *у* — тогда *инь* рождается в пятом месяце, конец *ян* в четвёртом месяце можно наблюдать...»¹⁵). Вероятнее всего, как указывал и Сыма Гуан, Ян

Сюн построил свою систему как аналог календаря под влиянием созданной ханьскими ицинистами Мэн Си и Цзин Фаном теории «пневм *гуа*» (*гуа ци*)¹⁶, согласно которой, черты-яо гексаграмм Кань, Ли, Чжэнь и Дуй обозначали 24 сезона традиционного календаря, а из остальных 60 гексаграмм каждая соответствовала $6\frac{7}{80}$ дня¹⁷. Но система *гуа ци* с её довольно искусственным разделением годового цикла на периоды по 60 гексаграммам осталась более точной, чем календарная система «Тай сюань», исходящая из теоретической нумерологической модели.

Пространство также покрывается системой «Тай сюань», поскольку годовой круг соответствует и кругу направлений: каждая тетраграмма соответствует четырём с половиной небесным градусам, как и четырём с половиной дням¹⁸, а пространственное движение небесных тел сопровождается повременными изменениями на земле. Необходимо упомянуть и о том, что каждой из четырёх позиций черт тетраграммы-шоу Ян Сюном были поставлены в соответствие элементы членения пространства: сторона (*фан*), округ (*чжоу*), район (*бу*) и семья (*цзя*). Американский исследователь Б. Зипорин находит в этих элементах следы реальной административной структуры древнего Китая, полагая, что «это — идеальный (хотя и предположительно существовавший прежде) географический/административный порядок, относившийся в первую очередь к территории чжоуской империи, но, в принципе, также и к слегка измененной географии Хань»¹⁹. Но даже если Ян Сюн заимствовал существовавшие обозначения территориальных единиц, административную структуру пространства он поставил в зависимость от графики «Тай сюань»: на верхней позиции *шоу* происходит три трансформации черты, на второй — девять, на третьей — 27, на четвёртой — 81, и отсюда насчитывается три «стороны», девять «округов», 27 «районов» и 81 «семья»²⁰. Структуру *шоу* же (и поэтому строение всего мира) определяет «Сокровенное». Весь цикл тетраграмм, возникающий из последовательного изменения черт на четырёх позициях тетраграммы, описывается в автокомментарии «План Сокровенного» («Сюань ту») как производное от «Сокровенного», которое в то же время включает в себе этот цикл: «Единое Сокровенное объемлет три стороны, сторона объединяет девять округов, [они] снова делятся на группу районов и целиком делятся на множество семей»²¹. Подобным же образом «Сокровенное» обозначает совокупность её закономерностей. Б. Зипорин так определяет *сюань* в философии Ян Сюна: «Это источник всех вещей, делающий каждую из них тем, что она есть, и всё же оно не является предшествующим во временном плане или трансцендентным, но описывается как полнота индивидуальных частей, которые пребывают всегда, повторяя свой вечный цикл без начала или конца, — это скорее онтологический, нежели космологический источник, несмотря на свою крайнюю временность; у него нет независимого положения, так как оно состоит из своих выражений»²².

Сюань является «мерилом», закономерностью всей реальности — и отсюда единством, связывающим её своим влиянием. Ян Сюн неоднократно утверждал, что «Сокровенное» воздействует на десять тысяч родов (*лай*) — например, «разворачивает», «раскрывает» их²³. Кроме того, оно включает в себя тетраграммы, каждая из которых является общей для ряда ситуаций и объектов. Следовательно, *сюань* охватывает классификационные ряды (следующие после него их члены — тетраграммы, или «роды») и является их началом. Текст «Тай сюань» включает в себя описание множества полных и неполных циклов типа «возникновение — кульминация — упадок/гибель — [воз]рождение» («пять элементов», человеческие возрасты, рост деревьев и т.п.). Все они включены в структуру иерархически упорядоченного по нумерологическим матрицам универсума, причём центр этой структуры — *сюань*. И время, и пространство в непрерывно меняющемся мире вращаются вокруг оси «Сокровенного», задающей алгоритм существования всех уровней вселенной.

Инь ян, «пять элементов» и пять фаз «Сокровенного»

В «Тай сюань» базовые для «Книги Перемен» понятия *инь* и *ян* также играют важную роль. В текстах к тетраграммам даётся описание состояния «янских» и «иньских» *ци* на соответствующем данной тетраграмме отрезке годового цикла. Так, тексты к *шоу* 1-40 посвящены «янским» *ци*, текст к 41-й посвящен предельному развитию «янских» *ци* и зарождению *инь*, тексты к *шоу* 42-81 — преимущественно «иньским» *ци*. В автокомментарии «Сюань чун» Ян Сюн писал об этом: «В [*шоу*] «Середина» начинается *ян*, в [*шоу*] «Отклик» рождается *инь*»²⁴. Эти тексты отражают традиционные представления о годовом цикле, где от зимнего до летнего солнцестояния — т. е. с начала до середины года — происходит увеличение природных сил, рост «янских» *ци*, а вторая половина года представляет собой подготовку к смерти и возрождению, поэтому на её протяжении растут «иньские» *ци*. Схожие воззрения можно найти, в частности, у реформатора ханьского конфуцианства Дун Чжуншу (II в. до н.э.), который писал о значении зимнего солнцестояния: «Путь Неба завершится — и вновь начинается, а север — это то место, где кончается и начинается Небо, где сходятся и расходятся *инь* и *ян*»²⁵.

Малый цикл *инь ян* у Ян Сюна — это сутки, где *инь*, конечно, соответствует ночи, а *ян* — дню («ночью меряют *инь*, днём же меряют *ян*»²⁶), причём ночь — это неблагоприятное время для любых начинаний (в «Прояснении Сокровенного» — «Сюань ин» сказано: «Днём у людей мало бед, ночью у людей много бед»). Соответственно, *цзань* поочередно соотносятся с *инь* и *ян*. Как пишут М. Найлан и Н. Сивин, «Через свою связь с ночью и днём Оценки [*цзань*] считаются иньскими (и в некотором смысле неблагоприятными) и янскими (и, следовательно, благоприятными) поочередно, причём в нечётных Главах [*шоу*], которые отнесены к янскому семейству, первая Оценка янская, а в чётных — иньская»²⁷.

Инь ян вписаны не только в календарный цикл, они также коррелируют с разнонаправленными движениями небесной сферы и солнца, счастьем-несчастьем, «ясным-мутным» и со многими другими оппозициями в универсуме, как и в «Книге Перемен».

Комплекс «пяти элементов» (*у син*) в философии Ян Сюна тоже является одной из основных составляющих мировой системы; в частности, каждая тетраграмма соответствует определенному «элементу». В «Счёте Сокровенного» («Сюань шу») приведена схема корреляций различных понятий и объектов с пятью элементами, в которой можно условно выделить две части. Первая — это традиционные корреляции «пяти элементов», представленные в таких авторитетных текстах, как «Юэ лин» («Помесячные указания»), «Хун фань» («Великий план») и «Люй ши чунь цю» («Весны и осени Люя»): к ним, например, относятся «порождаемые» и «преодолеваемые» в ходе их взаимодействия «элементы», стороны света, времена года, звуки, цвета, запахи, внутренние органы, основные компоненты природы человека и т.д. Вторая часть охватывает понятия, как правило, либо не входящие явно в популярные корреляционные схемы, но по своим признакам с достаточной очевидностью соотносящиеся с определенными «элементами», либо соотносящиеся опосредованно, через вторичные корреляции в других текстах. Например, к «элементу» Вода относятся кровь, которая в одном из «Десяти крыльев — «Шо гуа чжуани» — соответствует *гуа* Кань, символизирующей воду.

Однако существует и другой значимый для Ян Сюна пятеричный цикл, созданный им в подражание «четырем дэ» (*юань*, *хэн*, *ли*, *чжэнь*) «Книги Перемен». В «Тай сюань» пять фаз, как уже упоминалось, носят названия *ван*, *чжи*, *мэн*, *цю*, *мин*²⁸. Отметим, что соотношение общего числа тетраграмм и числа фаз в «Тай сюань» максимально приближено к соотношению общего числа гексаграмм и числа фаз в «Книге Перемен»: это соответственно 16,2 и 16.

В автокомментарии «Сюань вэнь» Ян Сюн даёт ряд корреляций к этой пятерке фаз. *Ван* соответствует северу, зиме, «неоформленному». *Чжи* соответствует востоку, весне, сущности, «ещё не открытой узором», т.е. еще не структурированному (*вэй ю вэнь*). *Мэн* соответствует югу, лету и «возвращиванию вещей». *Цю* — западу, осени, в это время вещи окончательно обретают свой облик. От «оформленности» всё снова «возвращается к бесформенности», и тогда же — к северу (*мин*). После *мин* вновь наступает фаза *ван*. Итак, как и цикл тетраграмм, *ван, чжи, мэн, цю* и *мин* соответствуют году и, очевидно, накладываются на 81 *шоу*. Сыма Гуан приводит такое соотношение четырёх дэ «Книги Перемен» и пяти дэ «Тай сюань» (бросается в глаза то, что он считает стадией «ещё не оформленного» не *ван*, как в «Сюань вэнь», а *мин*): «*Ван* — север, соответствует *чжэнь* в «Переменах»; *чжи* — восток, соответствует *юань* в «Переменах». *Мэн* — юг, соответствует *хэн* в «Переменах»; *цю* — запад, соответствует *ли* в «Переменах». *Мин* — это ещё не оформленное»²⁹. Как бы то ни было, приуроченность фаз *ван, чжи, мэн, цю, мин* и к пространственному, и к временному аспектам мироздания (или же, напротив, приуроченность и пространственного, и временного аспектов мироздания к *ван, чжи, мэн, цю* и *мин*) не оставляет сомнения.

Кроме того, этот цикл имеет и политическое измерение. Правитель — аналог «Сокровенного» в социальной сфере, и пять его способностей также повторяют пять фаз «Сокровенного». «У благородного мужа хранилища глубоки, [их] хватает, чтобы поклоняться духам, начала [его] действий хватает, чтобы воодушевить народ. Его высота просветленна, [ее] хватает, чтобы озарять [находящиеся внизу], его установления строги, [их] хватает, чтобы наводить трепет. Его нутро темно, [этого] хватает, чтобы он глубоко затворился. Благородный муж способен на эти пять [дел], поэтому говорится: *ван, чжи, мэн, цю, мин*»³⁰. Это свидетельствует о возможности практически универсального приложения пяти фаз, которые, таким образом, могут рассматриваться как один из важных структурных уровней «Великого Сокровенного».

Таким образом, Ян Сюн принял объединение схем «пяти элементов» и *инь ян* в одной мироописательной модели, предпринятое Дун Чжуншу. Хотя в «Тай сюань» основная модель — троичная и девятиричная, в общую схему включены также *инь ян*, «пять элементов» и пять фаз мировых трансформаций, посредством чего стало возможным объединение всех традиционных числовых закономерностей в единую систему.

Соотношение этики и онтологии в «Тай сюань»

Этический мир конфуцианства представляет собой одну из подсистем «Тай сюань»³¹. На уровне нравственного совершенствования и норм человеческих отношений «Сокровенное» является таким же централизующим фактором, как и во всех остальных измерениях: по Ян Сюну, этика и познание происходят из «Сокровенного» и, одновременно, имеют его своей целью. Так, представленная в «Лунь юе» триада «человечность (*жэнь*) — мудрость (*чжи*) — храбрость (*юн*)» прямо производна от *сюань*: «Увидев, познать его [Сокровенное] — это мудрость. Глядя, полюбить его — это человечность. Решившись, дать ему путь — это храбрость»³². От «Сокровенного» же производны, в частности, «справедливость» (*гун*), «открытость» (*тун*), «совершенная мудрость» (*шэн*). В «Счёте сокровенного» комплекс «пяти постоянств» (*у чан*) — человечность, долг, ритуал, мудрость и доверие включен в корреляции к «пяти элементам», которые, как и все части системы «Тай сюань», находятся в одной иерархии с «Сокровенным». Так Ян Сюн приходит к рационализированной трактовке этики, поскольку, по его мнению, на этом уровне действуют те же основные закономерности, что и во всём мире.

Следует отметить, тем не менее, особый статус, присвоенный в «Тай сюань» этике. В данном измерении человеку дана возможность через процесс

самосовершенствования приблизиться к самому «Сокровенному». Вероятно, потому, что нравственное сознание — это тот план, где проявляются специфические особенности человека. Ян Сюн утверждает, что именно через конфуцианскую моральную практику человек может подойти к «Пути» (*дао*) «Сокровенного». «То, что человек любит и чего ему недостаёт, — это добро; то, чего человек стыдится, но у него это в избытке, — это зло; благородный муж постоянно укрепляет то, чего ему недостаёт, и избавляется от того, что у него есть в избытке, — тогда путь Сокровенного недалек»³³. В этих словах видна высокая оценка стремления субъекта к сближению с *сюань*, перекликающаяся с доктринальным включением человека в космическую триаду «Небо — человек — Земля», которая непосредственно примыкает к «Сокровенному» в космической иерархии.

Небо, Земля и человек. «Путь» человека

Одно из отличий «Тай сюань» от «И цзина» — введение альтернативной графической системы. Принципиально новой в этой системе является третья разновидность элементарных символов — дважды прерванная черта, символизирующая человека (целой черте соответствует Небо, а единожды прерванной — Земля). В «И цзине» целая черта также обозначала *ян* или Небо, а прерванная — *инь*, или Землю. Человек в «И цзине» — это вопрошающий и познающий субъект. Ян Сюн принимал эту установку, но, кроме того, рассматривал человечество как третий из важнейших действующих в космосе факторов, и, преобразуя гадательную систему «Книги Перемен», включил в неё этот фактор уже на графическом уровне.

Таким образом, в «Тай сюань» мы имеем дело не только с *инь ян*, трансформации которых описывают «Перемены». Изменения претерпевают уже элементы упоминавшейся выше триады «Небо — человек — Земля» (*сань цай*). Вероятно, в трактовке *сань цай* Ян Сюном сказались интерпретации Дун Чжуншу роли человека в мироздании. Оба философа признавали и воздействие Неба на человека, и их подобие. В частности, «три устоя» (*сань ган*) общества — отношения государя и подданного, отца и сына, мужа и жены — тот и другой мыслитель считали подобными естественному порядку и исходящими из него. Так, Дун Чжуншу доказывал, что «три устоя царского пути (*ван дао*) можно искать в Небе» (по контексту, в смене времен года)³⁴. Ян Сюн же, в свою очередь, писал: «День, чтоб любить его, ночь, чтобы ненавидеть её; один день, одну ночь — *инь ян* порознь сплетают. Путь ночи доводит до предела *инь*, путь дня доводит до предела *ян*. Самка и самец, надлежащим образом соединяясь, являют счастье и несчастье, — и путь государя и подданного, отца и сына, мужа и жены определяется»³⁵. Кроме того, философии Ян Сюна близки по духу и воззрения Дун Чжуншу, согласно которым человек был одной из трёх основополагающих сил универсума. Так, в «Обильных росах Весен и осени» («Чунь цю фань лу») сказано: «Небо, Земля и человек — это корень десяти тысяч вещей; Небо рождает их, Земля вскармливает их, человек совершенствует их»³⁶; эти же представления отражены и в интерпретации Дун Чжуншу иероглифа *ван* («царь»): «В древности, когда создавали письма, три черты, связав посередине, называли *ван*; три черты — это Небо, Земля и человек, а связывающее их посередине — объединяющее их *дао*»³⁷. Но специфика понимания места человека в мире у Ян Сюна существенно отличается от концепции Дун Чжуншу. В частности, для Ян Сюна гораздо большую роль играл такой компонент «Пути» человека, как познание мира через астрономию, гармонию и мантическую практику. Помимо этого, «Тай сюань» чаще имеет дело не с понятийным комплексом «человек — Небо», а с комплексом «человек — Сокровенное». Эта особенность тематику определяет и специфику интерпретации триады *сань цай* в данной системе.

Согласно «Тай сюань», мироздание в основе своей троично. Его главные уровни — это Небо, человек, Земля, объединённые «Сокровенным» (*сюань* соединяет «Путь» Неба, «Путь» Земли и «Путь» человека)³⁸. Таким образом, вся триада представляет собой важнейшие проявления «Сокровенного». Что касается среднего звена *сань цай*, это не только всё человечество вообще. В качестве близкого к *сюань* человека может выступать «совершенномудрый»: как и во всей предшествующей традиции, в «Тай сюань» он является репрезентантом всего человечества и носителем его лучших качеств. Ян Сюань особенно подчеркивал его единство с человечеством. В («Сюань и») «совершенномудрый» выступает и как член триады, и как устроитель социального космоса, копирующий эту триаду: «Способность слушать — это предел (*цзи*) совершенного человека, способность смотреть — это добродетель (*дэ*) совершенного мудрого человека. Способность быть долговечными — это путь (*дао*) Неба и Земли. Вот почему некогда все совершенномудрые в своих делах наверху подражали Небу, внизу подражали Земле, а посередине подражали людям»³⁹.

Таким образом, «третий» у Ян Сюаня — это «совершенномудрый» как «самый человеческий человек». Причём не обязательно правитель (хотя в «Тай сюань» есть и уподобление правителя «Сокровенному» *per se*, поскольку первый объединяет собой государство и общество). Главное в «совершенномудром» — это способность быть открытым внешнему миру, слушать и смотреть («быть послушным Небу и Земле»); по сути, такой «совершенномудрый» — это ученый в нашем понимании.

Систему Ян Сюаня отличает двойственность трактовки человека. С одной стороны — это действующая космическая сила, одно из трёх основных начал Вселенной, без учёта которого нельзя делать какие бы то ни было прогнозы или строить полноценную модель мироздания. С другой стороны — это познающий субъект, в силу направленности на познание устройства мира и осуществление тех самых прогнозов вынужденный дистанцироваться от него, рассматривать систему, на время выключившись из неё. Такая двойственность знаменует серьёзное изменение ицзиновской установки: в натурфилософскую парадигму включается человек, рассматриваемый наблюдателем как объект; этот наблюдатель следит со стороны за действиями трёх космических сил, противопоставляя себя в том числе и обществу, хотя и всего лишь в методологическом плане.

Ицзиновская двоичная система, возможно, поэтому и казалась не совсем полной Ян Сюаню: он не находил в ней учёта человеческого фактора. Вместе с тем, следует заметить, что «Книга Перемен» представляется более ориентированной на человека, чем «Тай сюань». Её гадательные тексты и философские комментарии в любом случае в первую очередь предназначены для того, чтобы служить нуждам человека и общества. А «Великому Сокровенному» свойствен настоящая естественнонаучный пафос; стремление к определению устройства универсума, не совсем отчетливо выраженное в «И цзине», здесь доведено до своего логического предела.

Легко заметить, что система «Тай сюань» структурирована намного чётче, чем «Чжоу и». Она построена как совокупность проникающих друг в друга циклов, стройна и лишена той фрагментарности, впечатление которой оставляет «Книга Перемен». Мир, предстающий перед читателем трактата Ян Сюаня, менее просторен для воображения. О резонах этой определенности можно лишь гадать. Правоммерно предположить, например, что, как пишет Г. Вильгельм, «строгость порядков в его (Ян Сюаня. — *Авт.*) время и в его системе слишком сильно отличалась от большой свободы "И цзина". По этой причине он превратил свободную и бесконечную возможность изменения в жёсткое циклическое движение, в рамках которого возникновение и исчезновение подвержены неотвратимым законам»⁴⁰. Но, на наш взгляд, этот отзыв не учитывает того, что стройный космос, построенный на единообразных числовых закономерностях, не столько лишает человека свободы, сколько даёт ему ключ к

познанию всех уровней сущего. Такое познание, по Ян Сюю, не только возможно (как справедливо отмечает современный китайский ученый Чжэн Ваньгэн, он считал всё, что только существует во вселенной, познаваемым⁴¹), но и необходимо, и в «Тай сюань» основная задача человека, стоящего перед лицом мира, состоит в установлении его закономерностей и в их использовании.

Субъект познаёт вселенную при помощи рассмотрения её как системы, анализа её основных элементов и механизмов их взаимодействия. Мантические практики, например, гадание на стеблях тысячелистника, описанное в «Счёте сокровенного», являются одним из инструментов познания мира наряду с календарем, гармонией, астрономией и биологией. При гадании возможно достоверное познание удачи или несчастья в будущем. В частности, потому, что в это время человек контактирует с духами («Сокровенное» названо «ковшом, [главным] для духов»⁴²); а духи, хотя и определены как «неизмеримые», также являются частями всей большой системы, соотносятся с определенными элементами, входя в ряды корреляций. Действительно жёсткие рамки, в которые заключено существование Вселенной, доставляют эстетическое наслаждение тому, кто уже познал основу её циклических изменений.

Знакомство с мировыми закономерностями открывает также возможности для обнаружения новой ценности своей культуры. Становится очевидным разумный порядок установлений «совершенномудрых» предков, которые, без сомнения, наблюдали устройство мира и в своих действиях с этим устройством соотносывались, создавая его отражение («хорошо говорящий о Небе и Земле исходит из дел людских, хорошо говорящий о делах людских исходит из Неба и Земли»⁴³). Так открытие мира как замкнутой, рационально обустроенной многоуровневой системы и открытие естественности ряда социальных институтов влекут за собой и определение общества как одного из равноправных уровней этой системы. Примечательно, что «заслугой и целью» «совершенномудрых» Ян Сюн считал приведение общества в соответствие с естественным порядком.

Таким образом, «Сокровенное» как онтологическое и космологическое основание мира у Ян Сюна соотносится с социумом не только непосредственно через Небо и Землю, но и через обе ипостаси человека — и как средостения триады *сань цай*, и как созерцающего и познающего законы мира ученого. Человек, изучающий структуру мироздания, и человек как субъект нравственного поведения является необходимым компонентом онтологии «Тай сюань». Без него ненарушаемый мировой порядок и его источник теряют свою когнитивную и эстетическую ценность.

1. В приведенном в «Хань шу» жизнеописании Ян Сюна «Тай сюань» имеет 11 разделов: кроме указанных выше комментариев, выделены ещё «Шоу» («Главы» и «Цз» («Планы»), относящиеся к тексту при тетраграммах. См.: Хань шу. Цз. 87.
2. Тай сюань цзи чжу (Великое Сокровенное с собранием комментариев). С комм. Сыма Гуана. Сверка и редакция Лю Шаоцзюня. Пекин, 1998. С. 5.
3. Хань шу. Цз. 87.
4. См. в русском переводе: Древнекитайская философия. Эпоха Хань. М., 1990. С. 199-221.
5. Ян-цзы Фа янь (Образцовые речи Ян-цзы). Сы бу бэй яо (Основные книги по четырем разделам). Цз. 6. С. 3. Ср. русский перевод: Древнекитайская философия. Эпоха Хань. С. 210.
6. Древнекитайская философия. Эпоха Хань. С. 212.
7. Фа янь. Цз. 2.
8. Фа янь. Цз. 7.
9. Тай сюань цзи чжу. С. 184. Ср., например: «Чжуан-цзы». Гл. 6, 22.
10. Фа янь. Цз. 4.
11. Тай сюань цзи чжу. С. 212.

12. Чжэн Ваньгэн. Тай сюань сяо ши сюй (Предисловие к «Великому Сокровенному с разъяснениями и толкованиями») // Тай сюань сяо ши (Великое Сокровенное с разъяснениями и толкованиями). Ред. и комм. Чжэн Ваньгэна. Пекин, 1989. С. 13.
13. В одном из списков «Тай сюань» здесь стоит иероглиф юнь («приводить в движение»), в другом – лянъ («связывать»).
14. Тай сюань цзи чжу. С. 185.
15. Тай сюань цзи чжу. С. 213.
16. На это указывают также М. Найлан, Н. Сивин и Б. Зипорин.
17. Чжэн Ваньгэн. С. 9. См. также: Сыма Гуан. Шо сюань (Разъяснение Сокровенного) // Тай сюань цзи чжу. С. 4.
18. Об этом см., например: Nylan M., Sivin N. The First Neo-Confucianism: an Introduction to Yang Hsiung's Canon of Supreme Mystery (T'ai huan ching, c. 4 B.C.) // Chinese Ideas about Nature and Society: Studies in Honour of Derk Bodde. Ed. Charles Le Blanc and Susan Blader. Hong Kong, 1987.
19. Ziporyn B. Space, Time and Eighty-One "Kinds" in Yang Xiong's Taixuan Jing // Early Medieval China 2 (1995-96). P. 40.
20. Сыма Гуан. Указ. соч. С. 3.
21. Тай сюань цзи чжу. С. 357.
22. Ziporyn B. Op. cit.
23. Тай сюань цзи чжу. С. 184.
24. Тай сюань цзи чжу. С. 178.
25. Чунь цю фань лу. Цз. 12, гл. 48.
26. Тай сюань цзи чжу. С. 3.
27. См.: Nylan M., Sivin N. Op. cit.
28. А.И. Кобзев выдвинул предположение о том, что фазы *ван*, *чжи*, *мэн*, *цю*, *мин* соотносятся с 5-местной структурой – пятью отрезками, на которые делятся черты тетраграмм (при заполнении пяти, четырех или трех мест получаются соответственно три вида черт). См.: Учение о символах и числах в китайской классической философии. М., 1994. С. 102.
29. Тай сюань цзи чжу. С. 4.
30. Тай сюань цзи чжу. С. 206.
31. На связь понятия *сюань* в философии Ян Сюна с конфуцианской этикой указывал и Д. Кнехтгес. См.: Knechtges D. A Journey to Morality: Chang Heng's *The Rhapsody on Pondering the Mystery* // Essays in Commemoration of the Golden Jubilee of the Fung Ping Shan Library. Hong Kong, 1982. С. 179.
32. Тай сюань цзи чжу. С. 186.
33. Ibid.
34. Чунь цю фань лу. Цз. 12, гл. 53.
35. Тай сюань цзи чжу. С. 189.
36. Чунь цю фань лу. Цз. 6, гл. 19.
37. Чунь цю фань лу. Цз. 11, гл. 44.
38. Тай сюань цзи чжу. С. 212.
39. Тай сюань цзи чжу. С. 210.
40. Wilhelm H. Heaven, Earth and Man in the Book of Changes. Seattle, 1977. P. 134.
41. Чжэн Ваньгэн. С. 19.
42. Тай сюань цзи чжу. С. 215.
43. Тай сюань цзи чжу. С. 217.

Культура

Новое открытие традиционной китайской культуры*

© 2003

М. Бастид-Брюгьер

После боксерского восстания (восстания ихэтуаней, 1899-1901 гг.), в тот самый момент, когда многие образованные китайцы, с энтузиазмом восприняв соответствующее решение Цинского правительства, вдохновились задачей осуществления исторических перемен, которые помогли бы освободить Китай от раблепного подражания иностранным державам, они стали задаваться вопросом о том, какой же именно Китай им хочется сохранить. Многие из них в духе известного изречения Жана-Поля Сартра «Человек — это будущее человека» утверждали, что «Китай — это будущее Китая», и предпочли бы не оглядываться назад. Но поскольку они проповедовали идею прогресса, им очень скоро пришлось столкнуться с понятием традиции, т.е. того, что сохранилось или должно сохраниться от знаний и культуры прошлого.

Разумеется, китайская интеллигенция не впервые задумывалась о своем прошлом. Согласно письменным источникам, образованные китайцы погружались в подобные размышления еще в глубокой древности. Но, как будет показано далее, после боксерского восстания они впервые вычленили в китайской культуре своего времени элементы, унаследованные от прошлого и достойные либо недостойные сохранения для будущего. Они постепенно создали конструкцию, ранее неведомую в мире китайской мысли — понятие традиционной китайской культуры. В этой связи, предваряя дискуссии в рамках генеральной темы нашей конференции «Традиционная китайская культура и современный мир», хотелось бы высказать некоторые мысли о раннем процессе становления современного понятия традиционной китайской культуры.

Здесь нет необходимости распространяться о противостоянии между немецкой концепцией культуры как спонтанной и естественной умственной деятельности, характерной для того или иного народа, и французской концепцией цивилизации как совокупности условий (включающих социальные институты и внутреннюю жизнь индивидуумов), которые ведут к снижению уровня естественного насилия в человеческом обществе вообще. Хотя указанное различие и имеет некоторое отношение к событиям интеллектуальной истории Китая в начале XX в., две антагонистические модели, одна из которых (модель культуры) была разработана Ф. Буркхардтом в работе «Размышления о все-

Марианна Бастид-Брюгьер, Национальный Центр научных исследований, Париж.

* Доклад, представленный на XIV конференции Европейской ассоциации китаеведов (ЕАК). Москва, 26-28 августа 2002 г.

общей истории», а вторая (модель цивилизации) — Ф. Гизо в «Истории цивилизации в Европе», уже давно рассматриваются учеными как два взаимодополняющих уровня анализа; на первом уровне анализ направлен на изучение символического содержания общественной жизни, а на втором — на конкретные формы его реализации.

В данном случае представляется более уместным пойти по пути, предложенному Э. Кассирером в его «Логике гуманитарных наук». В последней главе этого труда, озаглавленной «Трагедия культуры», рассматривается соотношение между культурными творениями и индивидуальными достижениями человека.¹ Кассирер отвергает пессимистическую идею, согласно которой непрерывное накопление и приумножение культурных богатств прошлого означает невозможность их дальнейшего освоения и использования отдельным индивидуумом, а разнообразие и бремя этих культурных богатств препятствуют деятельности последующих поколений, и потому культура не дает человеческому разуму ощущения могущества, а напротив, заставляет людей осознать свою беспомощность.

Кассирер отмечает, что сама жизнь культуры, культурный процесс развивается в русле коммуникации между индивидуумами и эпохами, которая осуществляется посредством произведений искусства и творений культуры, и в которой все эти человеческие индивидуумы участвуют либо в качестве творцов, либо в качестве реципиентов. В его представлении культурные творения непрерывно воссоздаются теми, кто их получает, и служат источником неистощимой жизни благодаря их непрерывному освоению современниками и последующими поколениями. Культура — это «общий мир», сотворенный из одинаково понимаемых и передаваемых значений, это взаимная субъективность, коммуникация в реальности между человеческими индивидуумами.²

Как указывает Кассирер, любое истинное возрождение культуры прошлого в современной культуре заключается в перекрестном оплодотворении умов двух разных эпох посредством творческого возвращения, возобновления культурного наследия. Возрождение культуры прошлого невозможно осуществить механическим и частичным восприятием, заимствованием набора клише из прошедших веков. Подлинно великие возрождения в мировой истории всегда были победой спонтанности, а не просто преемствованием. Согласно Кассиреру, наблюдение за взаимным проникновением и взаимодействием двух моментов культуры всегда составляет одну из самых острых проблем интеллектуальной истории. Как только субъект — будь то отдельный человек или целое поколение, или век — готов забыть свою суть, влиться в другой субъект и полностью подчиниться данному другому субъекту, он тут же находит или возвращает себе свою суть в новом или более глубоком значении. До тех пор, пока одна культура заимствует из другой культуры только определенное содержание и не имеет воли или способности к проникновению в самую суть и в конкретную форму данной культуры, плодотворный обмен будет невозможен. В таком случае можно достичь не более чем внешнего заимствования нескольких составных элементов, которые, однако, не смогут действовать в качестве созидательных сил или моделей.³

Начало XX в. в Китае — не только время взаимного проникновения различных моментов культуры, но и время интеграции новых посылок в культурное сознание. Одной из таких посылок является дихотомия между прогрессом и традицией.

В современном китайском языке традиция переводится как *чуаньтун*. Термин этот не нов — например, он встречается в «Хоу Хань Шу» («История Поздней династии Хань», V в.). Однако до XX в. данный термин означал лишь акт или факт передачи последующим поколениям, и не обозначал передаваемых конкретных обычаев, идей, предметов искусства или социальных институтов.

В европейских языках понятие «традиция» с давних пор подразумевало несколько значений, изначально связанных с передачей знаний, относящихся к

христианской религии. В Новом Завете дается высокая оценка традиции Апостолов, но полностью отвергается объяснительная традиция, которую еврейские раввины считали по ценности равной Писанию Ветхого Завета или даже превосходящей его. Святой Павел определяет и апостольскую и раввинскую традиции термином *paradosis*, т.е. передача. Однако об апостольской передаче он говорит "*parelabon apo tou kurtiou*", т.е., "они [Апостолы] приняли от Господа", но не от исторического Иисуса. Далее в Новом Завете отмечается, что непосредственным создателем апостольской традиции является Христос. Сам Христос задействован в передаче Апостолами его слов и хроники его деяний.

Примерно в 150 г. при создании Канона католическая церковь намеревалась провести различие между апостольской и пост-апостольской традициями. При быстром развитии пост-апостольской традиции появилась необходимость придать ей больше ясности и поставить ее в рамки контролируемого свода доктрин. Нормой такой контролируемой духовной, или церковной, традиции считалась апостольская традиция. Однако на более позднем этапе католическая теология повела борьбу против первенства Писания и стала возвеличивать Предание (лат. *traditio*, т.е. духовная традиция). Впоследствии протестантская реформаторская церковь заняла противоположную позицию.

Таким образом, в интеллектуальном наследии Европы в течение долгого времени традиция понималась как что-то, как определенный объект, который передавался или доставлялся, или даже вручался кому-то в соответствии с законом в суде. В этом смысле термин *traditio* применялся в древнем праве. В русском языке глагол «предать», от которого происходит слово «предание», т.е. «традиция», также означает предание кого-то суду.

Однако, означая передаваемое содержание, суть которого составляли учения, легенды, былины, обычаи или институты, понятие традиции в Европе имело и более широкое значение передачи, указывающее на операционную функцию передачи от одного ума или источника другим умам. Таким образом, действие и функция традиции понимались как нечто особенное, ибо знание и опыт, передаваемые по традиции, не могли опираться на подлинное доказательство, они не были зафиксированы в Писании, в их основе лежали устное слово и пример, в то время как в операции передачи было интегрировано самоощущение христианской общины в прошлом, ее состояние в настоящем и то, чем она намеревалась стать в будущем. Традиция означала не только педагогику прошлой культуры, не просто сохранение опыта и ценного знания, но давала новую реальную жизнь прошлым значениям и ценностям, воссоздавала их посредством того факта, что они принимались и использовались общиной, и определяла идентичность данной общины.

Когда в XVIII в. в Европе распространились идеи прогресса, кумулятивного прогресса и естественного закона непрерывного и неограниченного совершенствования в ходе человеческой истории, традиция подверглась осуждению как антитеза развитию человека и как препятствие на пути основанных на разуме освободительных перемен, ведущих к добру, добродетели и счастью. Традиция — особенно религиозная традиция — стала представляться как гроб, в котором заключена свобода разума и творческой мысли.

До конца XIX в. в китайской мысли отсутствовало глобальное понятие традиции, сопоставимое с церковной традицией в Европе. Имелись лишь выражения, относящиеся к определенным аспектам традиционной культуры — например, *цзучзун чжи фа* («путь предков») или *гусюэ* («древнее обучение»). Чжу Си (XII в.) с некоторым запозданием определил «законную передачу Дао» (*даотун*). Однако эта восходящая к Мэн-цзы генеалогия, сконструированная на основе личных представлений Чжу Си о Дао, а не в соответствии с текстовыми или историческими источниками, никогда не получала единодушного или исключительного признания и использовалась только в целях императорских экзаменов в периоды Мин и Цин. Но, как показано в исследовании Элмана, начиная с XVIII в., даже на таких экзаменах отмечалось ослабление монополии

даотун⁴. И действительно, вопреки общепринятым представлениям, в культурной жизни Китая XIX в. не было никакого неоконфуцианского канона, который превалировал бы над индивидуальными верованиями, поведением или интеллектуальными пристрастиями.

В период последней трети XIX в., после тайпинского восстания, большинство обычных китайских интеллигентов стало проявлять благоговейный интерес к ритуальности (*лицзю*). На деле эта ритуальность вступала в конфликт с неоконфуцианством и с учением Чжу Си — причем, как поясняют в своих исследованиях Чжоу Кайин (Чжоу Цичжун) и Чжан Шоуань, происходило это отнюдь не случайно⁵. Для большинства тех, кто глубоко задумывался над данной проблемой, главный вопрос состоял в том, как в период огромных тягот жить согласно своей человеческой природе и побудить других жить согласно их человеческой природе. Здесь мог бы помочь принцип «организуем мир», но корень проблемы заложен в подлинном возрождении ритуалов. Для возрождения ритуалов и организации мира было использовано все наследие прошлого — в той мере, насколько оно сохранилось или вновь стало доступным благодаря тем или иным публикациям. В конце XIX в. излюбленным занятием интеллектуалов стали библиографические изыскания. Отношение к прошлой культуре всех периодов было одной из самых популярных тем семейных бесед и дискуссий в рамках различных школ мысли. Живой процесс постоянной взаимосвязи и взаимодействия с прошлым, пронизательно определенный Анной Чэн как феномен китайской традиции⁶, развивался в полную силу. Образованные китайцы буквально погрузились в традицию, и большинство из них воспринимало ее отнюдь не как застывший набор отчужденных доктрин и практик.

Западные миссионеры и китаеведы были первыми, кто стал разрабатывать понятие китайской традиции и традиционной культуры как свод обычных трактатов и догм, как четко определенное прошлое, как простой объект. В 1891 г. молодой Шаванн, отправляясь в Китай во второй раз, поставил себе задачу «определить китайские традиции, дабы лучше понять современное развитие Китая».⁷ Зарубежное понятие традиционной китайской культуры получило в Китае весьма ограниченное распространение в форме статей иностранных авторов в китайской прессе, переводов, частных бесед с образованными иностранцами, а также зарубежных публикаций, доступных очень немногим китайцам, способным читать литературу на иностранных языках.

Однако в китайском сознании на рубеже веков представление — или, пожалуй, открытие понятия традиционной китайской культуры буквально «вырвалось» из контекста нового вопроса, обусловленного текущими обстоятельствами. Новый вопрос, который отнюдь не был связан с пространственными рассуждениями иностранных авторов о Китае, а возник после поражения в китайско-японской войне 1894 г. и особенно после поражения «боксерского восстания», заключался в следующем: «Как выжить Китаю и китайцам?». Речь шла уже не о более достойном уровне жизни, а о выживании как таковом. Поскольку ответ на этот вопрос со стороны целого поколения интеллектуалов предусматривал эволюцию и прогресс любой ценой, образовалась критическая дистанция, которая послужила предпосылкой для конструирования традиционной культуры как объекта, а не для принятия ее в качестве жизненного опыта.

Первым мыслителем, который сформулировал эти вопросы с учетом всех культурных аспектов, был Янь Фу. В первом из своих «Четырех эссе», опубликованных в Тяньцзине в 1895 г., он, обозначив традицию в целом, т.е. обычаи, институты, знание, накопленное в течение тысячелетий, просто как «старое» (*цзю*), призвал «отбросить старое и проповедовать новое» (*чу цзю бу синь*). Под «новым» подразумевалась западная культура. Предложенный им для обозначения традиционной культуры термин «старое», или «старое учение» (*цзюсюэ*), быстро получил широкое признание. В апреле 1898 г. Чжан Чжидун в своей знаменитой работе «Побуждение к знанию» («Цюаньсюэ пянь») применил данный термин при описании оптимального сочетания тра-

диционных и западных знаний, которые, на его взгляд, было необходимо включить в программу школьного образования⁸.

Однако уже во втором эссе, опровергая тезис Хань Юя о божественности правления народом со стороны императоров и мудрецов, Янь Фу отошел от огульного отвержения традиционной культуры, но по-прежнему отрицательно оценивал все наследие, начиная от династий Цин и Хань (III в. до н.э. — III в. н.э.). Далее, однако, Янь Фу указывал, что взгляды Мэн-цзы и Лао-цзы на главенство народа близки идеям современной западной мысли, а также подчеркивал связь собственного перевода «Эволюции и этики» Гексли (1896) с «И цзинем».⁹ Впоследствии, в одной из работ 1902 г., он отмечал, что если сразу отринуть всю огромную массу, накопленную в течение веков, не отобрав при этом испытанные поколениями хорошие элементы, то «народ потеряет свою самобытность, а современность не сможет пустить прочные корни» (*ци минь чжи тэсэ ман, эр совэй цзиньчжэ цун и бу гу*).¹⁰

К тому времени, в 1902 г., на повестке дня стояли новые термины и новые дебаты. В начале года «Чжэнъи дунбао» («Политика и искусство») — журнал, основанный в Шанхае кантонцем Дэн Ши, начал дискуссии о главных характеристиках китайских терминов *госюэ* — «национальное обучение» и *гоцуй* — «национальная суть», о взаимоподолжности этих терминов и об их сопоставимости с западным образованием. Заимствованные из Японии, эти два термина — *госюэ* и *гоцуй* — изначально применялись в качестве общих ярлыков для обозначения культуры прошлого в целом. Тем не менее, они несли в себе особую тональность и особое значение, ибо снимали неприятный оттенок «устарелости», которую подразумевал термин *цзюсюэ*, т.е. «старое знание», в то время как *го* — «национальное» — напротив, льстил национальной гордости и подчеркивал национальные достижения.

Вскоре споры стали просто неистовыми. *Госюэ* и *гоцуй* становились все более популярными для описания китайского культурного наследия в плане его противопоставления новому знанию. Термин *чжунсюэ*, т.е. «китайское знание», ранее казавшийся более нейтральным, постепенно выходил из употребления. Однако очень скоро, начиная с 1903 г., понятия «национальное знание» и «национальная суть» приобрели воинственную окраску и стали применяться для противостояния чрезмерной вестернизации или для противодействия предполагаемым опасностям сплошной вестернизации. На деле, вопреки яростным аргументам, которые выдвигал Ян Ду в 1902 г., в Китае не было реальных сторонников сплошной европеизации, готовых «отказаться от собственного „я“, от своей личности, чтобы последовать за другими»¹¹. Заявления о том, что все, созданное китайской культурой — это археологические экспонаты, которые необходимо как можно скорее сдать в музей, были скорее хлесткой фразой, чем свидетельством ярого неприятия традиций, ибо тот же автор утверждал, что в плане институтов и интеллектуальных достижений античность Китая намного превзошла европейскую.¹²

Тем не менее, в центре дискуссий о национальном знании и национальной сути стояло спасение культурного прошлого Китая, которое было призвано оградить и гарантировать самобытность страны в современный период. В среде маститых и молодых интеллектуалов началось подлинное состязание за конструирование понятия китайской традиции или традиционной культуры, которое наиболее адекватно соответствовало бы их цели и идеалу. К 1911 г. было изобретено разнообразное множество альтернативных понятий традиционной культуры. Журналы типа «Госюэ бао», основанного Лян Цичао в 1902 г., и «Гоцуй бао» («Национальная суть»), который начал издаваться Обществом по сохранению национального знания (*Госюэ баоцунь хуэй*) в 1905 г., служили специальной трибуной для обмена мнениями по этому вопросу. В то время Лян Цичао писал: «Образование нации должно опираться на сохранение национальной сути, старое знание следует посеивать, чтобы сделать его еще более ярким и великим». Культурная лихорадка того времени поразила практически

все периодические издания, в том числе такие политические журналы как «Миньбао», на страницах которого в дебатах по данному вопросу активно участвовал Чжан Тайянь.

Поскольку рамки данной работы не позволяют вдаваться в дальнейшие детали, следует лишь подчеркнуть несколько общих моментов, свойственных всем альтернативным понятиям традиционной культуры, и указать на некоторые оригинальности в их развитии.

Во всех разнообразных вариантах определений традиционной китайской культуры, истинной национальной культуры или истинной национальной сути напрочь отбрасывается такой компонент как автократия. Это отрицание является главной общей характеристикой различных понятий традиционной культуры, но подход к такому отрицанию осуществлялся с самых различных, порой противоположных позиций.

Авторы типа Чжан Чжидуна не отвергали иерархического порядка и субординации в политических институтах и в человеческих отношениях и идеализировали их как рациональный, благонамеренный, мирный и естественный метод ликвидации насилия. Поэтому, полагали они, следовало сохранять всю идеологическую традицию ортодоксального конфуцианства, которая вела к индивидуальному приятию и почитанию столь полезной иерархии и являлась частью подлинного национального знания. Однако для такого молодого ученого, как Ян Ду в 1902 г., напротив, любая доктрина, которая вела к подчиненности ханьцев и деспотии маньчжуров, подлежала отвержению, и, следовательно, все конфуцианское учение необходимо было предать забвению¹³. Другие авторы утверждали, что конфуцианская ортодоксальная традиция в целом, *даотун*, была просто «автократической наукой» (*сюэшу чжи чжуаньсюэ*)¹⁴.

Далее излюбленным занятием мыслителей стало рассмотрение современных западных понятий в контексте древнекитайской мысли. Пальма первенства отдавалась философам эпохи «воюющих государств» (V-III вв. до н.э.), но со временем Конфуций и Мэн-цзы также удостоились нового почитания как сторонники равенства, свободы, народных прав и науки.

Вторым общим моментом в попытках определить национальную суть был акцент на особых достоинствах китайского языка. При любых личных предпочтениях, будь то в пользу развития языка *байхуа* или сохранения старого стиля письма, все ученые подчеркивали превосходство китайского языка, способного адаптироваться к любым переменам и при этом способствовать связи поколений. Анархист Лю Шипэй опубликовал статью под названием «Китайская письменность полезна для мира»¹⁵.

Третьим общим моментом была озабоченность вопросами морали и человеческих отношений. Многие находились под впечатлением того факта, что в японских школах вновь обратились к конфуцианству для преподавания этики. В этой связи высказывались самые различные мнения — например, о целесообразности сохранения (и некоторой соответствующей модификации) какой-то части конфуцианских учений, которые, будучи столь привычными для китайцев, могли бы более эффективно, чем труды западных философов, способствовать поддержанию общественной морали, или о превосходстве разработанного в Китае комплекса нравственных принципов и человеческих отношений над западной этикой (эту точку зрения выдвинул, в частности, Чжан Тайянь). Над умами всех ученых и молодых интеллектуалов довлела трудная задача: внутри культурного наследия предстояло провести разграничение между политической (*чжэн*) и этикой (*цзяо*), в сложном переплетении которых как раз и было сформировано культурное наследие.

И наконец, еще один общий момент, который, возможно, изучен менее детально, видится в озабоченности по поводу методов познания, т.е. эпистемологии. Многие полагали, что проблема систематизации национального знания связана не столько с содержанием отдельных трактатов и институтов прошлого или с их соответствием современным идеям, сколько с методами позна-

ния и использования данных творений культуры. По общему мнению, ни одна из школ мысли не должна была доминировать над интеллектуальной жизнью, как в прошлом доминировало конфуцианство, и совершенно определенно следовало положить конец обожествлению одной школы, которое составляло негативную и вредную сторону традиционной культуры. Однако лишь немногие задумывались о средствах действительного очищения культурного наследия от укоренившихся предрассудков и искажений, возникших в ходе действия традиции.

В статье, опубликованной в 2001 г., Рудольф Вагнер показал, как именно Ло Чжэньюй, а не Лян Цичао в 1899 г. инициировал обращение к новой истории¹⁶. Более поздние эссе Чжан Тайаня и Лян Цичао по этому вопросу носили всего лишь программный характер. Реальную работу по вводу новых рациональных принципов и новых методов в изучение древних знаний начали Ван Говэй и ученые, связанные с Южным обществом — Нань шэ, которое было создано на основе Общества по сохранению национального знания. По их твердому убеждению, следовало не просто сохранять традиционную культуру и наращивать объемы и разнообразие доступного знания посредством аккумуляции также и иностранного знания, но и создавать новую современную культуру, заново «открывая» (*фамин*) древнюю культуру в новом контексте с помощью зарубежной культуры. Один из таких авторов формулировал задачу следующим образом: «Объединять старое и новое, связывать Восток и Запад, плавить все в одной печи» (*хэ гу цзинь, гуань дун си эр жунчжу юй и лу*)¹⁷.

Возвращаясь к рассуждениям Кассирера о жизни культуры и к его анализу процесса культурного возрождения, можно поражаться тому, насколько, несмотря на свое стремление к переменам, были далеки образованные китайцы в начале XX в. от того, чтобы отринуть свою самость и влиться в иную культуру. За редкими исключениями (например, Янь Фу, Ван Говэй или Чжан Тайянь), они заимствовали в Европе или в китайской античности лишь определенное содержание, не стремясь проникнуть в его глубинную суть или досконально понять специфическую логику. Их отношение к прошлому Китая можно квалифицировать главным образом как попытку создать новую *даотун* применительно к своим современным идеалам, обеспечить «законную передачу» в интересах реализации своих текущих потребностей и чаяний.

Примечательно, что в 1912 г. еще не встречались выражения *чуаньтун взньмин* — «традиционная цивилизация» или *чуаньтун взньхуа* — «традиционная культура», хотя в то время уже широко употреблялись термины *взньмин* — «цивилизация» и *взньхуа* — «культура». Слово *чуаньтун* — «традиция» — не использовалось для обозначения содержания культурного наследия. Как представляется, все эти свидетельства означают, что в то время ментальная дистанция до традиции в полном смысле слова, до традиции как живого процесса еще не была задействована в полной мере, и только начиналось постепенное смещение в общих кодах приемлемого знания. Кроме того, следует отметить, что хотя в то время немногие китайцы горячо провозглашали целью модернизации и прогресса полное развитие человека и благосостояние человека во всех сферах, для большинства образованных современников главную проблему представляла не культура как таковая, а мощь, национальное могущество.

В заключение хотелось бы напомнить о замечательной работе по этнографии Китая того периода, написанной великим русским китаеведом В.М. Алексеевым — о дневнике его поездок, предпринятых в 1907 г. вместе с Э. Шаванном в Шаньдун, Шаньси, Шаньси и в другие места. Представляя беспристрастное видение творческого потенциала китайской культуры и возможных результатов ее живого контакта с Европой, автор пишет: «Гигантская перспектива: синтез двух культур как новый опыт человечества»¹⁸. В то же время описание его встреч с местными учеными и живо представленные картины городской и сельской жизни показывают, какая огромная пропасть разделяла мир обычного Китая и печатные дебаты в шанхайских научных жур-

налах. Однако, в то время уже подул ветер перемен. На Великом канале старушка из соседней лодки заговорила с В.М. Алексеевым, и ее внучка, примерно 13 лет от роду, вмешалась в их беседу. И тогда пожилая китаянка сказала молодому русскому путешественнику: «У нас теперь "фэнсу кайтун", принято мыслить открыто. Женщины больше не боятся мужчин и, как в других странах, уже не стесняются говорить с ними»¹⁹.

© 2003

Перевод с английского Т. Каргановой

1. Cassirer E. Zur Logik der Kulturwissenschaften. Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1989 (1st ed. 1942). S.103-127.
2. Ibid.
3. Ibid. S. 109-111, 126-127.
4. Elman B. A Cultural History of Civil Examinations in Late Imperial China. Los Angeles-Berk.: University of California Press, 2000.
5. Chow Kai-wing. The Rise of Confucian Ritualism in Late Imperial China : Ethics, Classics and Lineage Discourse. Stanf.: Stanford University Press, 1994 ; Чжан Шоуань. «Или дай ли» – Лин Тинкань и повороты конфуцианской мысли конца эпохи Цин. Тайбэй: Чжунъян яньцзюань цзиньдайши яньцзюсо [Институт новой истории Центральной академии наук], 1994.
6. Cheng A. Histoire de la pensee chinoise. Paris-Seuil, 1997. P. 30.
7. Archives nationales. Paris. F17/2948.
8. Чжан Вэньсян гун цюань цзи [Полное собрание сочинений Чжан Вэньсяна]. Тайбэй: Вэньхай чубаньшэ, 1963. 203/9b. С. 3728.
9. Янь Фу. И «Тянь янь лунь» цзысюй [Личное предисловие к переводу «Эволюции и этики»] // Чжунго чжэсюэ ши цзыляо сюаньцзи, цзиньдай чжи бу [Избранные материалы по истории китайской философии, новое время]. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1964. С. 398-399.
10. Он же. Юй «Вайцзяо бао» чжужэнь лунь цзяюй шу [Письмо редактору «Вайцзяо бао» об образовании] // Там же. С. 405.
11. Ян Ду. Жибэнь сюэчжи даган хоу сюй [Послесловие к «Обзору японской школьной системы»] // Ян Ду цзи [Сочинения Ян Ду]. Чанша: Хунань жэньминь чубаньшэ, 1986. С. 72-73.
12. Фань «гоцуй дэ чуфэнь» [Против «наказания национальной сути»] // Синьхай гэмин цянь ши нянь цзянь шилунь сюаньцзи [Избранные передовицы за десять лет, предшествовавшие революции 1911 г.]. Пекин: Саньянь шудянь, 1977. Т. 3. С. 192-193.
13. Ян Ду цзи. С. 64.
14. Дао тун бянь [Дискуссия о законной передаче Дао] // Синьхай гэмин цянь ши нянь цзянь шилунь сюаньцзи. Т. 1. Ч.2. С. 738.
15. См.: Лю Шипэй цюань цзи [Полное собрание сочинений Лю Шипэя]. Пекин: Чжунъян дансяо чубаньшэ, 1997. С. 245. См. также комментарии: Чжан Тайянь. Яньшо лунь [Конспекты лекций] // Миньбао. Б.м., б.г. № 6.
16. Wagner R. Importing a «New History» for the New Nation: China in 1899 // Historization –Hitorisierung, Aporemata. Vol. 5. Gottingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2001. S. 275-291.
17. Фань Жэнь. Кайтун сюэшу и [Предложения по поводу открытости и коммуникаций в образовании] // Синьхай гэмин цянь ши нянь цзянь шилунь сюаньцзи. Vol. 3. P. 344
18. Alekseev V.M. *China im Jahre 1907. Ein Reisetagebuch*, Leipzig/Weimar: Gustav Kiepenheuer Verlag, 1989. S. 353.
19. Ibid. S. 48.

Футбол и корейцы: культурные, национальные и политические аспекты восприятия в РК чемпионата мира по футболу 2002 г.

© 2003

О. Пироженко

Тому факту, что первый Чемпионат мира (ЧМ) по футболу нового тысячелетия проводится в двух странах Азии — Республике Корея и Японии, где к датам и цифрам относятся с традиционным уважением, изначально придавали особое значение¹, видя в нем прежде всего символ увеличения влияния азиатских государств в мире. Символичность ЧМ-2002 заключалась также в том, что он проходил в тех азиатских странах, которые, пожалуй, сумели лучше других адаптироваться к условиям включения Азии в мировую экономическую систему и проникновению западной культуры.

В этой статье мы попытаемся рассмотреть результат контакта одного из мощнейших явлений западной массовой культуры, с одной стороны, и дальневосточной, конфуцианской цивилизации — с другой. Сначала мы рассмотрим некоторые особенности восприятия корейцами ЧМ по футболу, производившего на всех наблюдателей впечатление настоящей «футбольной лихорадки», затем попытаемся дать характеристику кампании, которая сопровождала подготовку и проведение ЧМ и явилась причиной ажиотажа, возникшего вокруг этого события, и наконец, коснемся задач, которые стремилась решать южнокорейская элита, используя этот ажиотаж.

При подготовке данной статьи автор, находившийся в период чемпионата мира по футболу на научной стажировке в Южной Корее, получил возможность использовать свои личные наблюдения и проведенные им опросы и беседы с жителями РК.

«... Какие впечатления останутся у вас от прошедшего семестра?.. Конечно же, Чемпионат мира по футболу и волны «красных дьяволов», которые дали вам возможность почувствовать силу нашей нации и позволят вам понять, как быстро наша маленькая страна будет развиваться в будущем». Так начала свою речь на церемонии выдачи дипломов Института международного образования Университета Кёнхи директор института Ан Ён Су.

Действительно, то, что происходило в Корее в те дни, забыть невозможно. По подсчетам властей, во время матчей национальной сборной с командами Италии и Испании на улицы корейских городов смотреть трансляции на больших экранах вышло соответственно более 5 и 6 мил-

Пироженко О.В., аспирант МГУ, в настоящее время находится на стажировке в Университете Корё, Республика Корея.

лионов человек: все корейцы от школьников младших классов до стариков, вне зависимости от пола или рода занятий, на месяц превратились в футбольных фанатов.² Престарелые *аджосси* и *аджуммы*³, в футболках сборной Кореи, с лицами, раскрашенными в цвета национального флага, страстно болеющие на стадионах или перед большими экранами и распеваящие фанатские гимны, были в эти дни скорее обычным, даже типичным для Кореи явлением, а не экзотической деталью, которая привлекала бы внимание и вызывала умиление или радость у более молодых болельщиков, как это могло бы произойти в Англии или Аргентине.

Такой стремительный рост интереса к футболу вряд ли можно объяснить лишь тем фактом, что в РК проводилось важнейшее футбольное состязание первого четырехлетия нового века. До недавнего времени футбол отнюдь не был самым популярным видом спорта в Южной Корее. Как и в Японии, футболу здесь всегда предпочитали бейсбол или баскетбол. Также нельзя сказать, что причиной футбольного бума в Корее стало сенсационное выступление национальной сборной (безусловно, сыгравшее свою роль) — посмотреть уже первый матч своей команды на улицы вышли миллионы людей, уже тогда на центральных площадях Сеула не хватало места всем желающим. Во время завершавших подготовку к чемпионату товарищеских матчей корейской сборной стадионы были также переполнены, причем речь отнюдь не идет о том, что корейцы пришли «посмотреть на звезд» (корейская сборная играла с командами Англии и Франции), так как имена Бэкхэм и Зидан ничего не говорили очень многим зрителям, привыкшим следить за американским бейсбольным чемпионатом или играми НБА.

В то же время, корейскую футбольную лихорадку нельзя считать неожиданностью, таковой она могла быть лишь для иностранцев, прибывших в Корею перед самым ЧМ. Подготовка страны к этому событию началась задолго до лета 2002 г. и включала в себя не только строительство новых стадионов. С самого начала успешное проведение ЧМ -2002 и удачное выступление национальной сборной были выдвинуты корейским правительством как задача национального масштаба, и более чем за год до открытия первенства все без исключения сферы жизни корейцев испытали на себе влияние этой кампании.

«Соблюдение правил дорожного движения — залог успешного проведения ЧМ-2002» — такие плакаты, напечатанные транспортной полицией Сеула, часто можно было увидеть на улицах еще осенью 2001 г.

Тема подготовки к этому важному событию надежно заняла главное место во всех электронных и печатных СМИ уже со второй половины 2001 г. В теле- и радиопередачах населению страны подробно объясняли правила игры, рассказывали об истории чемпионатов мира и выступлениях корейской сборной, каждый день можно было увидеть репортажи о странах-участницах будущих соревнований и о том, какое место футбол занимает в жизни немцев, испанцев или бразильцев.

Особое внимание уделялось необходимости хорошо принять иностранных болельщиков. Нередки были ток-шоу с участием иностранцев, проживающих в Корее, которые рассказывали о неудобствах, которые им приходилось испытывать в повседневной жизни при посещении ресторанов, проживании в дешевых корейских гостиницах, о проблемах в общении с корейцами. Создавались добровольные группы помощи иностранным туристам, для которых обязательным было прослушать лекции по культуре общения и поведения той страны, с гражданами которой им предстояло работать. Типичным в этой связи можно назвать популярный в Корее весной 2002 г. видео-ролик, в котором солидный пожилой кореец долго строго смотрит в камеру и затем все же за-

ставляет себя улыбнуться: «пусть Корея запомнится улыбкой», — призывает зрителем голос за кадром.

Не менее важным элементом подготовки населения к ЧМ было обеспечение поддержки национальной сборной на должном уровне. С этой целью еще с мая 2001 г. в Корее началась кампания «Станем красными дьяволами», получившая свое название от уже существовавшей несколько лет небольшой группировки болельщиков корейской сборной.

Впервые выражение «красные дьяволы» (тогда это были скорее «красные дьяволята») вошло в корейский лексикон в 1983 г. во время молодежного чемпионата мира по футболу в Мексике, где сборная Южной Кореи, одетая в красные футболки, сумела выйти в полуфинал. Затем это название перешло к энтузиастам-болельщикам, создавшим в 1995 г. на всекорейском слете свою организацию. В результате, в товарищеских матчах с Бразилией и Китаем 10 и 30 августа 1997 г. корейскую сборную впервые поддерживали европейски организованные фанаты, а первым серьезным зарубежным выездом «красных дьяволов» стал Чемпионат мира 1998 г. во Франции.

До 2001 г. группировка «красных дьяволов» в основном мало отличалась от таких же команд европейских болельщиков. Однако перед ЧМ-2002 возник стимул превратить эту разновидность кружка по интересам в общенациональное движение, призванное не только поддержать национальную сборную, но и создать новый пласт массовой национальной культуры, оказать влияние как на формирование массового сознания корейцев, так и на имидж Кореи за рубежом.

Началу движения предшествовала довольно продолжительная полемика вокруг его названия — оно не устраивало консервативную часть южнокорейского общества, у которой красный цвет до сих пор вызывает стойкую алергию на так называемый «красный комплекс» корейцев. «Красный» — оскорбительное, пренебрежительное слово, которым до сих пор называют «сочувствующих Северу», и еще 10-15 лет назад жить под этим ярлыком в Республике Корея было далеко не безопасно. Однако большая часть корейского общества все же поддержала естественно возникший «брэнд», что лишний раз подтвердило необратимость изменений, произошедших в общественном сознании с начала 90-х гг. Более того, сам факт поддержки этого общественного выбора на самом высоком уровне и в центральных СМИ, возможно, был призван продемонстрировать, что «красный комплекс» ушел в прошлое.

Уже летом 2001 г. «красные дьяволы» занимают одно из центральных мест в корейской общественной жизни. Репортажи о болельщиках постоянно проходят во всех основных СМИ, они становятся главными героями наиболее популярных в Корее телевизионных ток-шоу. На улицах городов появляется все больше плакатов и растяжек с призывами «влииться в ряды» болельщиков корейской сборной. С осени и до самого начала ЧМ в промежутках телевизионных программ наряду с обычной рекламой регулярно появлялись сделанные в форме караоке видеоролики, в которых один из популярнейших южнокорейских актеров Хан Сок Кю разучивает с телезрителями речевки и песни в поддержку сборной. В итоге к началу чемпионата даже старушки в корейских домах престарелых со слаженностью, которой позавидовали бы молодые европейские тиффози, научились лихо выбрасывать руки вверх-вперед и скандировать «вперед, Корея», «нужна победа» и т.д.

Были разработаны специальные футболки для болельщиков с надписью «be the reds», а также специальный диск с песнями, посвященными корейской сборной и ее будущим победам, в записи которого участвовали популярные молодежные группы. Главную роль в финансировании и организации движения «красных дьяволов» сыграла телекоммуникационная компания SK.

О роли корейского бизнеса в этой кампании следует сказать особо. С одной стороны, разумеется, такое событие, как ЧМ по футболу, не могло не привлечь внимания крупных корейских компаний как отличная возможность рекламы своей продукции, и к лету 2002 г. можно было просидеть перед телевизором несколько часов и не увидеть ни одного рекламного ролика, в котором не обыгрывалась бы так или иначе эта тема. В то же время, есть и другой аспект участия крупных предпринимателей в организации ЧМ — аспект, обусловленный особенностями социально-экономического развития РК.

Как известно, крупнейшие южнокорейские компании (чэболь) росли и развивались под контролем и защитой государства, и эта связь до сих пор остается необычайно тесной.⁴ И хотя авторитарные режимы корейских генералов 60-80-х годов прошлого столетия уже стали достоянием истории, южнокорейское правительство по-прежнему продолжает активно вмешиваться в дела частных компаний, регулировать их деятельность, стимулировать их развитие в необходимых для государства направлениях. Взамен чэболь получают покровительство «Голубого Дома», готового спасать их в случае деловых неудач. Одной из форм такого взаимодействия всегда была «добровольная» материальная поддержка корейского спорта крупнейшими компаниями.

Активное участие бизнеса в таких проектах отчасти объясняется и его стремлением изменить в глазах общества свой негативный имидж, переломить неприязненное, если не презрительное отношение большей части корейцев к чэболь. Неприязнь эта объясняется не только и не столько тем, что, как известно, многие нынешние южнокорейские магнаты являются наследниками коллаборационистов японского колониального режима. Тут и другое, традиционное в конфуцианском обществе стремление к личному обогащению отнюдь не воспринималось как добродетель. Более того, торговцы, не служащие государству и наживающиеся на чужом труде, считались людьми, недостойными уважения. Поэтому южнокорейским чэболь для того, чтобы изменить это отношение и занять в политической жизни страны положение, пропорциональное их экономическим возможностям, было необходимо отождествлять себя с государством и его интересами, создавать имидж не частных предпринимателей, а скорее чиновников нового типа, которые в изменившихся условиях международной конкуренции ведут борьбу за место Кореи под солнцем, используя новые, современные методы. Такой образ гораздо более приемлем для страны, политическая культура которой базируется на конфуцианской идеологии, несколько десятилетий обильно приправлявшейся национализмом стоявших у власти военных.⁵ Между южнокорейскими компаниями даже началась конкуренция в деле поддержки футбольного движения в стране⁶.

Огромные плакаты на высотных офисных зданиях выражали, как и плакаты-растяжки на дорогах, надежды фирмы «Самсунг» или «Дэу» на выход корейской команды из предварительной группы в следующий этап соревнования, а по всем телевизионным каналам раз за разом транслировались многочисленные ролики, в которых, например, сцены высадки американо-южнокорейского десанта в Инчхоне в 1950 г. во время войны в Корее или выплавки стали на крупнейшем в мире Пхоханском сталелитейном комбинате сменялись записями тренировок сборной, и голос за кадром призывал к «еще одному рывку». При этом логотип компании, снявшей ролик, скромно ютился в углу экрана, что лишало зрителей всякого повода подозревать производителей такой «рекламы» в стремлении к личной наживе.

4 июня, когда сборная РК играла с польской командой, все внимание страны было приковано к стадиону в Пусане. Миллионы людей вышли на улицы, чтобы со свойственной корейцам дисциплинированностью рядами усесться на асфальте шоссе и тротуаров, пытаясь разглядеть что-нибудь на экранах,

все подступы к которым были заняты еще с утра. Далее началось то, что сейчас в Корее называют не иначе как «сказкой Кубка мира»: эффектно обыграв команду Польши, корейская сборная сделала первый шаг на пути к, возможно, одной из величайших сенсаций в истории футбола.

Однако, как во время чемпионата, так и после его завершения в южно-корейских СМИ основное внимание уделялось не столько выступлению сборной, впервые в истории участия азиатских команд в чемпионатах мира занявшей четвертое место, сколько «рождению футбольной культуры, поразившей весь мир».

В печатных и электронных СМИ о превращении всех корейцев в единую «волну красных дьяволов» говорилось значительно больше, чем о достижениях корейских футболистов, да и их выигрыши рассматривались комментаторами (как спортивными, так и политическими) исключительно как победа всего корейского народа. Более того, сами результаты футбольных матчей трактовались не столько как спортивный успех, сколько как политическая, культурная и экономическая победа Кореи в международной конкуренции.

Масштабы кампании были столь велики, что можно с полной уверенностью утверждать: ничего подобного ни в России, ни в Европе не видели. Утренние передачи в день матча сборной Кореи неизменно начинались словами: «сегодня, в день очередной победы нашей сборной», и продолжались в том же ключе, а большая часть, если не 100% эфирного времени посвящалась анализу прошедшей игры, прогнозам на будущую, подробному перечислению слабых сторон команды соперника и призывам к гражданам выйти на улицу и поддержать свою команду. Обычны были также репортажи о том, как иностранцы поражены выступлением сборной Кореи, патриотизмом и единством корейцев, каждый день в эфир выходили передачи о том, как корейские диаспоры по всему миру болеют за команду своей страны, и, непременно — как этому удивляются иностранцы.

Вот так, например, выглядели 9-часовые вечерние новости на одном из центральных корейских каналов SBS за 2 дня до очень важного для Кореи матча с командой Португалии: зрителям показали в очередной раз мячи, забитые сборной в предыдущих играх, за этим последовал репортаж о тренировках сборной, которые проходили под восторженные крики юных поклонниц футболистов, далее следовали интервью с игроками, репортаж о том, сколь монолитна команда, являющаяся «одной большой семьей», репортаж о наиболее опытном футболисте, «старшем брате» всех остальных, помогающем младшим в их тренировках. Было также уделено особое внимание игроку, наименее удачно сыгравшему в предыдущем матче и не реализовавшему пенальти. Проанализировав его игру, комментаторы делали вывод, что, допустив массу ошибок, он серьезно подвел свою команду и является одним из главных виновников поражения. Была все же выражена надежда, что он сможет реабилитироваться в следующей игре, а в заключение репортажа отмечены молодые футболисты, на которых возлагались особые надежды. Затем следовал традиционный разбор сильных и слабых сторон команды соперника, и, наконец, ведущие переходили к главной теме — той поддержке, которую оказывает вся страна своей команде...

Новости, не имеющие отношения к ЧМ по футболу, заняли всего около 1 минуты в самом конце передачи в форме текстовых сообщений на экране, по одному для экономики, политики, культуры и международных событий.

Известно, что сформировавшееся на базе конфуцианства политическое сознание корейского общества предполагает восприятие государства как одной большой семьи, и с этой точки зрения все, что в нем происходит, рассматрива-

ется как средство достижения одной общей цели — повышения международного престижа страны, признания корейской «семьи» другими «семьями».

При этом, если в западных странах чересчур активное участие политического руководства в решении вопросов, связанных со спортом, культурой, искусством или литературой, может вызывать иронию или даже раздражение, в Корее оно считается не только естественным, но даже необходимым. Если бы «Двенадцать стульев» Ильфа и Петрова были переведены на корейский язык, то проект великого комбинатора относительно развития городка Васюки как центра мировой шахматной культуры не только не вызвал бы смеха у читателей, но, возможно, показался бы им вполне разумной экономической программой. Во всяком случае, лозунг, который можно было увидеть на въезде в тоннель в районе станции метро «Кымхо», гласивший: «ЧМ сделает центр Сеула центром мира», призывы сделать футбол «движущей силой развития нации», или сообщение в теленовостях о рабочем дне президента Ким Дэ Чжуна, который «занимался подготовкой ЧМ и успешного выступления корейской сборной, а также прочими вопросами, такими как нормализация отношений с Севером и разработка экономической стратегии», вполне вписываются в общую картину отношения корейцев к роли футбольного чемпионата в жизни их страны.

Безусловно, использование спортивных соревнований в политических целях было изобретено не в Корее. Однако если в странах западной культуры власти обычно стремятся избегать прямой увязки спорта с политикой, используя его скорее для того, чтобы отвлечь внимание населения от острых социально-экономических или политических проблем, то в Корее ЧМ совершенно естественным образом стал главным политическим вопросом в стране.

Разумеется, футбольная лихорадка в Корее имела определенное значение как средство, позволявшее корейцам забыть о наиболее сложных вопросах, тем более что ЧМ проводился в год предстоящих президентских выборов. Для правящей коалиции ЧМ стал последней возможностью укрепить свои в тот момент пошатнувшиеся позиции. Еще 14 декабря 2001 г., выступая на пресс-конференции по поводу коррупции в высших эшелонах власти, президент РК сказал, что прессе не следует концентрировать внимание на этих проблемах, так как «сейчас самое важное — успешное выступление национальной сборной по футболу».⁷

Проведение ЧМ по футболу наложило свой отпечаток на отношение населения к этим и другим насущным проблемам южнокорейского общества, хотя беспрецедентный размах и популярность футбольной кампании сделали невозможными как попытки ее использования правящей коалицией исключительно в своих интересах, так и противодействия этой кампании со стороны оппозиции. Председатель «Партии великой страны» Ли Хве Чхан, выразил возмущение тем, что в то время как в южнокорейских СМИ подчеркивалось, что ЧМ привел к национальному единению, почти незамеченным в этом отношении прошел инцидент в Желтом море, где в результате столкновения между военными кораблями КНДР и РК погибли четверо южнокорейских моряков. Однако критика любого явления, хотя бы косвенно связанного с футболом, была бы расценена общественностью как национальное предательство и неизбежно привела бы к маргинализации политика или журналиста, осмелившегося, скажем, дистанцироваться от движения «красных дьяволов». Поэтому политики из обеих лагерей предпочитали соревноваться в любви к футболу, и если кандидата в президенты от правящей партии Ро Му Хёна можно было часто видеть на стадионах, то Ли Хве Чхан, воспринимающийся как консервативный, ориентирующийся на старшее поколение политик, пытаюсь разбить этот стереотип, вместе с молодежью болел за сборную с кружкой пива в руке в спорт-барах Сеула. Трудно вынести суждение, как это влияло на политиче-

ские симпатии избирателей. В частности, муниципальные выборы, прошедшие во время чемпионата, показали, что расстановка политических сил практически не изменилась, и имевшая в тот момент более предпочтительный рейтинг оппозиция одержала победу.

Однако по окончании триумфального для Южной Кореи чемпионата мира по футболу на политической арене РК появилась новая фигура, резко изменившая ситуацию в предвыборной гонке. Председатель Оргкомитета ЧМ Чон Мон Чжун, сын основателя группы Хёндэ Чон Чжу Ёна, ушедший в конце восьмидесятых из бизнеса в политику, принял решение участвовать в выборах как независимый кандидат и, опередив по рейтингу кандидата от правящей партии, вступил в борьбу за лидерство с Ли Хве Чханом. Это было явным показателем политического влияния исхода чемпионата: успешное выступление сборной стало доказательством компетентности Чон Мон Чжуна как руководителя, но, что было не менее важно, его деятельность в этой области, вероятно, рассматривалась как средство, позволяющее преодолеть традиционную неприязнь южнокорейских избирателей к выходцам из семей, связанных с крупным бизнесом.

Безусловно, практически во всех странах мира крупные спортивные мероприятия тем или иным образом используются для решения политических задач. Однако в Южной Корее 2002 года футбольный ажиотаж был направлен также и на достижение более важных стратегических целей политико-пропагандистского характера, обусловленных особенностями политического и социально-экономического развития страны в последние десятилетия.

Автором статьи был проведен опрос среди болельщиков, съехавшихся в г. Тэгу на матч за 3-е место между командами Кореи и Турции, который позволяет составить общее представление о взгляде корейцев на интересующие нас вопросы.⁸ Отвечая на вопрос о значении движения «красных дьяволов», 61% опрошенных сказали, что его главный смысл — демонстрация всему миру потенциала и силы корейского народа (29% посчитали главным итогом кампании преодоление внутренних противоречий и достижение единства корейской нации, и лишь для 10% опрошенных целью прихода на стадион была просто поддержка сборной).

Тот факт, что большинство болельщиков говорило именно о международном значении своего увлечения футболом, делеко не случаен. Изначально в работе по подготовке чемпионата особый акцент делался на том, какую роль он сыграет в улучшении международного имиджа РК. Речь идет не только о миллионах одетых в красное людей на улицах корейских городов, но и об общем подходе населения к чемпионату: по наблюдениям иностранцев, в Корее население отнеслось к нему с гораздо большим энтузиазмом, чем в Японии, а иностранным гостям уделялось значительно больше внимания. И, хотя корейским организаторам удалось произвести неизгладимое впечатление на любителей футбола всего мира, кампания эта была во многом предназначена и для «внутреннего пользования», направлена на формирование взгляда граждан страны на международный статус своего государства, на поддержание патриотических чувств.

Особенности геополитической истории Кореи, окруженной более сильными соседями, часто становившейся жертвой внешней агрессии и с древнейших времен находившейся в формальной или фактической зависимости от сопредельных государств, определили специфическое, необычайно чувствительное отношение ее граждан к международному престижу своей страны. В то же время очевидные успехи в экономическом и политическом развитии Южной Кореи в последние десятилетия породили у ее граждан законную гордость за

свою родину, стремление добиться для нее нового, более почетного места в быстро меняющемся мире.

В современной истории Кореи националистические эмоции всегда использовались властью как средство мобилизации населения для решения социально-экономических задач (достаточно вспомнить очереди, в которые выстраивались корейские домохозяйки, чтобы сдать личные золотые украшения во время финансового кризиса 1997 г.), а также с целью формирования массового сознания, направленного на ускоренное развитие, победу в международной конкуренции. Безусловно, в этом отношении Корея также далеко не является исключением, однако особенности конфуцианской цивилизации в целом и истории Кореи в частности обусловили значительный масштаб этого явления, имеющий, возможно, не так много прецедентов в новейшей истории.

Естественно, что спортивные мероприятия с участием сборной страны в таких условиях представляют собой некую разновидность политического ритуала. На футбольных матчах трибуны обычно заполнялись за несколько часов до начала игры, и целый стадион не переставая пел гимн и народную песню «Ариран», значение которой для национального самосознания корейцев переоценить невозможно (разумеется, то же самое происходило и на площадях городов, где перед экранами собирались миллионы людей). Футболистов же в газетных и телевизионных репортажах называли не иначе как «воинами *тхэгык*» (*тхэгык* — традиционный символ Кореи, изображенный на государственном флаге).⁹

Успех национальной сборной виделся в Корее не столько как спортивное достижение, сколько как политическая, экономическая, и даже духовная победа Кореи над «остальным миром».¹⁰ Во время и после окончания чемпионата мира об этом говорили в бесчисленных телерепортажах, в офисах, метро и автобусах. Выступая на посвященном окончанию чемпионата ток-шоу, один болельщик рассказал о том, как они с сыном искали на глобусе страны, которые победила Корея, и как он рад, что его сын, изучая географию, изучает ее с осознанием того, что центром мира является его страна. Депутат Национального собрания, которому приходится часто путешествовать, сетуя на то, что в самолете с ним часто заговаривают на китайском или японском языках и никогда — на корейском, выразил уверенность, что теперь с китайцами и японцами будут заговаривать по-корейски.

В этой связи необходимо особо отметить, что большое значение придавалось не только повышению престижа страны в общемировом масштабе, но и конкуренции с двумя азиатскими соседями Кореи, что обусловлено долгой и неоднозначной историей взаимоотношений между тремя государствами. Корейцам было особенно приятно, что их сборная выступила лучше команд Китая и Японии, что позволило организаторам одного из матчей сборной, распределив среди болельщиков цветные картонные квадраты, продемонстрировать зрителям всего мира гигантскую надпись *Pride of Asia* (Гордость Азии).

Своеобразно интерпретировалась и идея азиатской солидарности. Комментируя матчи японской и китайской сборной, корейские дикторы не уставали говорить о том, что Корея болеет за своих соседей, являясь лидером, у которого им стоит учиться.¹¹ Дополнительное значение тема футбольного лидерства Кореи в Азии приобрела после того, как в связи с удачным выступлением корейской команды тренера Г. Хиддинга в ФИФА был поднят вопрос о выделении для Азии в дальнейшем еще одного места в сетке финальной части ЧМ по футболу. Вместе с тем в корейских СМИ подчеркивалось также, что Корея теперь и в футболе уже «превзошла» уровень Азии и стала одной из передовых держав. В этом контексте вполне логичным выглядел лозунг «Теперь — в

четверку лучших по уровню развития экономики», появившийся на экранах с бегущей строкой в центре Сеула через месяц после окончания ЧМ.

Еще более важную роль сыграла «футбольная лихорадка» в формировании взгляда корейцев на самих себя, свое общество вне зависимости от его положения в международной иерархии. Идея использовать футбол в Корее для поддержания патриотических эмоций населения на должном уровне принадлежит еще Пак Чжон Хи, причем формы, в которых эта идея проводится, практически с тех пор не изменились. Генерал пытался решить задачу формирования в Корее нового, более современного человека, стремился заложить в стране основы общества западного типа (разумеется, в своем понимании), и увлечение корейцев футболом и прочими элементами западной культуры рассматривалось с той поры и как признак прогресса, и как рычаг для его углубления.¹²

При этом восприятие футбола в РК и странах СВА значительно отличается от европейского или латиноамериканского: если на Западе футбольные звезды (за исключением разве что Дэвида Бэхэма или Алессандро Дель-Пьеро) являются прежде всего мужскими кумирами, то в Корее, Японии и Китае футболисты, представители сравнительно нового, модного течения западной массовой культуры, популярны среди девушек подобно звездам поп-музыки. В этом отношении ЧМ также предоставил властям прекрасную возможность продемонстрировать всему миру и своим гражданам, что здесь равноправие уже достигнуто. Едва ли не более половины всей массы болельщиков в Корее составляли женщины, футбольная кампания в стране привела к тому, что футболисты стали восприниматься не столько как спортсмены, сколько как национальные герои и герои популярного молодежного сериала одновременно. Каждого члена сборной постоянно окружала толпа юных поклонниц: показателен эпизод, когда полузащитник сборной Ким Нам Иль вместо того, чтобы тренироваться на велосипеде, был вынужден спастись от толпы фанаток на базе сборной. Это позволило телеведущим говорить о том, что в Корее эмансипация зашла даже дальше, чем на Западе.

В последнее время в стране в центре внимания оказалась тема влияния на развитие корейского общества такого традиционного элемента массового сознания, как «корпоративизм»¹³. С древних времен семейные, клановые, региональные группировки являлись неотъемлемой частью структуры корейского общества, которое представляло собой клубок всевозможных связей, основанных на личных отношениях. В условиях, когда за вполне соответствующим западному образцу фасадом государственный аппарат, а также практически все сферы жизни страны являются ареной бескомпромиссной борьбы между многочисленными кланами, и даже конкуренция между двумя главными партиями во многом отражает борьбу влиятельных региональных группировок,¹⁴ преодоление многочисленных внутренних противоречий и достижение «единства нации» стало одной из главных задач государственного и общественного развития, а ЧМ по футболу превратился в прекрасное средство пропаганды единения всех корейцев, вне зависимости от того, выходцами из какой провинции или выпускниками какого университета они являются.

«Выход в 1/8 финала, позволивший достичь национального единения» — с такими заголовками выходили газеты на утро после победы корейской команды над сборной Португалии. «Все идеологические и религиозные пристрастия, региональные и социальные разногласия переплавлялись в горниле общих переживаний, и, скандируя «Республика Корея!», мы смогли испытать полное единение».¹⁵

Перед каждым матчем и после его завершения по телевидению неизменно показывали то, как все корейцы вместе болеют за свою команду. Можно было увидеть, как корейцы болеют за свою команду в каждой провинции, на

островах Чечжудо и Уллындо, в детских больницах, родильных отделениях, военных частях, полицейских участках и тюрьмах. Затем шли репортажи о том, как болеют звезды кино, популярные телеведущие, политические деятели. При этом тема преодоления противоречий постоянно присутствовала в подобных репортажах. Забавные сцены обнимающихся после забитого гола актеров, в популярном сериале играющих двух непримиримых врагов, сменялись видеороликами, где после сцен кровавых столкновений студентов с полицией 20-летней давности повзрослевшие, остепенившиеся деятели студенческого движения говорили о том, что времена разногласий прошли и они вместе с остальным народом болеют за новую, свободную Корею. Даже считающийся оппозиционным журнал «Хангёре 21», несмотря на свое критическое отношение к массовой кампании, развернутой в связи с ЧМ, отметил, что, возможно, всеобщее увлечение футболом действительно позволит преодолеть разделение корейского общества на бесчисленные конкурирующие группировки.¹⁶

За день до решающей игры со сборной Португалии, в которой на корейцев даже на их родине ставили очень немногие, в газете «Чосон Ильбо» вышла статья «председателя красных дьяволов» под названием «Мы получили больше, чем выход из группы». В ней «главный болельщик» страны отмечал, что если обычно в спорте цель и результат ставятся выше процесса, то в данном случае все наоборот. Единение, которого корейцам удалось добиться в июне 2002 г., намного важнее любых спортивных побед. «Так в нашей истории было всегда: наши отцы боролись за развитие экономики, старшие братья проливали кровь в борьбе за демократизацию. Пришло время нам, младшим братьям, вооружившись высокими технологиями, поднимать и защищать страну... Главное — не забывать уроки Кубка мира, не забывать, что мы — едины!»¹⁷

Создавалось впечатление, что футбол и даже выступление сборной действительно имеют лишь второстепенное значение. Напомним, что именно такое мнение выразили большинство опрошенных нами перед матчем за 3-е место в Тэгу, а многие болельщики в личных разговорах подчеркивали, что они приехали сюда из Сеула или Пусана не для того, чтобы посмотреть футбол (они вообще обычно предпочитают бейсбол или баскетбол), а чтобы окунуться в атмосферу небывалого единения и солидарности, продемонстрировать верность национальной идее. При этом успех корейской команды на чемпионате большинству (43%) болельщиков виделся именно как результат такого единения и горячей поддержки 47 миллионов корейцев Юга (еще 32% главной причиной посчитали умелое руководство сборной голландского тренера Г. Хиддинга, 15% говорили о комбинации нескольких факторов, и только 10% видели причину побед в хорошей игре корейских спортсменов).

И после окончания чемпионата основное внимание уделялось не самому футболу, а тому, как футбол и победы сборной объединили корейцев. Выражались надежды, что и на Севере люди проникнутся духом «красных дьяволов» и это сможет подтолкнуть процесс объединения, а также говорилось о необходимости не потерять то чувство единства, которое овладело всей Кореей в дни чемпионата. Газета «Мунхва ильбо» предложила сделать движение «красных дьяволов» моделью для следующих общественных кампаний, которые помогали бы двигать вперед культуру и экономику страны.¹⁸ Профессор кафедры социологии Сеульского университета Со И Чжон отметил, что единение, достигнутое корейцами во время чемпионата, «...демонстрировало зрелость гражданского общества в Корее, которая поможет решить проблемы и противоречия, в нем возникающие, а также показало, что корейское общество имеет блестящие перспективы роста».¹⁹

Сама популярность футбола в Корее, тот факт, что это европейское явление так хорошо прижилось на местной почве, представлялись как свиде-

тельство прогресса корейской культуры. В то же время подчеркивалась и национальная специфика корейских болельщиков. Корея по праву гордилась тем, что ее «фанатам» была чужда агрессивность, хорошо известная в других частях света, а «красные дьяволы», помогающие старушкам-уборщицам приводить стадион в порядок после игры, сотрудничающие с полицией для предотвращения давки или других беспорядков, приветливо показывающие болельщикам команды соперника дорогу или даже провожающие их до стадиона, у многих приехавших из Европы гостей вызывали смешанное с восхищением недоумение.

Таким образом, ЧМ -2002 в РК не только стал спортивным, культурным и экономическим событием, но и превратился в крупномасштабную политическую кампанию, которая проводилась на всех уровнях общественной жизни государственными организациями и СМИ при поддержке крупного бизнеса. В ходе кампании решались две группы задач. Во-первых, в связи с текущими политическими проблемами, прежде всего с выборами 2002 г. Во-вторых, футбольная лихорадка сыграла заметную роль в решении стратегических вопросов, связанных с формированием государственной идеологии и массового сознания, — долгосрочными задачами, важность которых осознают все представители южнокорейской политической и экономической элиты, вне зависимости от их партийной принадлежности. Речь идет о поддержании национализма как идеологической основы южнокорейского государства, а также преодолении внутренних противоречий и формировании гармоничного гражданского общества.

ЧМ -2002 еще раз показал, что Корея до сих пор во многом остается «одной большой семьей», любое важное дело которой требует участия всех ее членов и руководства со стороны ее главы. Прочный, складывавшийся тысячелетиями цивилизационный фундамент конфуцианства продолжает оказывать влияние на все важные события, происходящие в этой одной из наиболее передовых с точки зрения экономического и технологического развития стран мира. Как и прежде, заимствованные у Запада формы, безусловно, оказывая свое влияние на жизнь и развитие страны, наполняются в то же время восточным содержанием, и если раньше это касалось политических институтов или экономических программ, то теперь очередь дошла и до важнейших элементов массовой культуры.

Мероприятия такого рода всегда и в любой стране использовались государством и его отдельными деятелями для решения тех или иных политических задач, но важно отметить то, что власти в РК совершенно не пытались каким бы то ни было образом завуалировать превращение ЧМ в политическую кампанию. Более того, для каждого корейца с самого начала, возможно даже с того момента, как Корея начала борьбу за право проведения ЧМ на своей территории, это событие было прежде всего событием политическим. Совершенно естественным было участие высших чинов государства в подготовке и проведении чемпионата, вплоть до таких деталей, например, как заслушивание президентом официальных докладов директоров стадионов о готовности вверенных им сооружений к принятию иностранных гостей. Естественным было и то, что граждане обязаны были сделать все, что в их силах для того, чтобы чемпионат прошел успешно.

При этом подход к проведению чемпионата как к политической кампании помимо всего прочего обеспечил массовое участие населения и в конце концов был признан во всем мире как успех его организаторов. Именно эта органическая неразделенность политики и спорта, государственного и общественного являлась, по нашим наблюдениям, главной чертой и особенностью восприятия корейцами первенства мира по футболу, проводившегося в их стране.

1. В Корее говорилось о трех особенностях чемпионата – это был первый чемпионат тысячелетия, первый чемпионат, проводившийся в Азии, и первый чемпионат мира, который проводили две страны совместно.
2. Исключение составляли, пожалуй, лишь мелкие уличные торговцы, которым запретили работать в городах, где проводились матчи на время проведения ЧМ, чтобы они не портили своими тележками впечатление, складывающееся у иностранных туристов, а также часть деятелей профсоюзного движения, возмущенных тем, что во время чемпионата под предлогом обеспечения безопасности были запрещены демонстрации и забастовки. См.: Чинбо Чончхи. № 92. 2002. 16-23 июня.
3. Универсальное обращение к взрослому степенному человеку.
4. Более того, можно сказать, что капитал в Корее являлся не самостоятельной силой, а скорее одним из инструментов, с помощью которого правительство военных осуществляло задачи модернизации страны, подъема жизненного уровня граждан, укрепления таким образом своего положения. То есть капитал по сути являлся «надстройкой» над «базисом» корейского государства.
5. Подробнее см.: Carter J. Eckert. *The South Korean Bourgeoisie: A Class in Search of Hegemony // State and Society in Contemporary Korea*. Ithaca: Cambridge Univ. Press, 1993.
6. Тема отношений государства и частного капитала в Южной Корее, безусловно, требует отдельного рассмотрения, мы же позволили себе подобное отступление постольку, поскольку оно необходимо для объяснения роли корейского бизнеса в организации футбольного движения в стране, так как деятельность корейских компаний с самого начала выходила за рамки обычной рекламы.
7. Ким Ин Сик. *Вольдыхтопка чончхи [Кубок Мира и политика] // Сахве ундонггальгыгвахамккесе сесанг илькки*. С.: 2002. С. 38.
8. В исследовании участвовали более 200 человек, мы старались по возможности опросить представителей обоих полов, всех возрастных и социальных групп.
9. Еще в годы правления Пак Чжон Хи вратарь сборной Ким Ён Чжин, говоря, насколько для него важен успех в очередных соревнованиях, сравнил себя с солдатом времен Имджинской или Корейской войн, а свои ворота — с окопом. К тому же времени относится начало массового развития футбола в Корее. После сенсационного успеха сборной КНДР, вышедшей в четвертьфинал на Чемпионате мира 1966 г. в Лондоне, в Южной Корее начинают уделять особое внимание футболу. Был организован Корейский Футбольный Союз во главе с зятем Пак Чжон Хи Чан Док Чин-ом, футбольное движение активно развивалось на всех уровнях; под лозунгом «Движение за новую деревню (сэмаэль ундон)» начинается с футбола» футбольные команды организовывались во всех поселках, школах, на предприятиях. Многие болельщики со стажем до сих пор не могут забыть ажиотаж, который вызвали Азиатские футбольные игры в Сеуле в 1971 г. или победа в игре с Японией в 1978 г. К тому же времени относится и появление формулы «футбол — это война», существующей до сих пор: по традиции корейцы, собравшись посмотреть футбол в баре за кружкой пива, в момент стартового свистка чокаются и говорят друг другу: «война началась». Интересно, что даже для обозначения соревнования между двумя командами в корейском лексиконе используется именно иероглиф со значением «битва». Очевидно, здесь кроется одна из причин сумасшедшей мотивации корейских футболистов, противостоять которой не смогли даже гранды европейского футбола.
10. В этой связи представляется уместным сказать несколько слов об отношении корейцев к проблеме судейства, придавшей скандальный оттенок прошедшему ЧМ. Мало кто из комментаторов за пределами РК не отмечал, что прекрасно выступавшая корейская команда добилась столь сенсационных результатов благодаря имеющим мало прецедентов в истории мирового футбола усилиям судейского корпуса. Эта тема в Корее во время чемпионата была практически табуирована, а при проводившемся автором опросе лишь один человек признал, что в матче с Испанией «были определенные ошибки судей». Объяснить это отношение можно, на наш взгляд, именно отношением в Корее к футболу не столько как к спорту, сколько как к еще одной форме международной борьбы «за место под солнцем», в которой все средства хороши. Говоря же о причинах подобных симпатий судей к хозяевам чемпионата, нельзя забывать, насколько важен был его результат для вице-президента ФИФА Чон Мон Чжуна.

11. Концентрация внимания на футбольной конкуренции с азиатскими соседями в некоторой степени была изначально оправдана, так как традиционно корейский футбол сильнее японского и китайского. Вообще удачное выступление корейской команды вряд ли следует считать полной неожиданностью: сборная Кореи имеет хорошие традиции, не раз выходила в финал ЧМ по футболу, где нередко достойно боролась с такими командами, как, например, сборные Германии или Испании. И несмотря на то, что до 2002 г. ей не удалось выиграть ни одного матча на ЧМ, само качество игры говорило о том, что рано или поздно эта команда, выражаясь футбольной терминологией, «выстрелит». Не исключено, что нагнетание опасений насчет того, удастся ли команде «впервые за 48 лет выиграть хотя бы один матч», также могли быть пропагандистским ходом, направленным на усиление впечатления болельщиков от удачной игры.
12. См.: Хван Бён Чжу. *Пак Чон Хи сидэ чхуксува минджонджуый: куккаджуыйджон тонвонгва кукмин хёнсон* [Футбол и национализм в эпоху Пак Чон Хи: патриотическая мобилизация и формирование гражданина] // *Тандэ пипхён. Лето 2002. № 19.*
13. По нашему мнению, именно этим словом следует перевести корейское *чиптанджуый* (традиционно переводящееся как «коллективизм»), так как в данном случае оно означает не столько стремление к объединению в единое целое, сколько к обособлению небольшой группы от остального общества, разделению его по формуле «свои-чужие».
14. Считается, что правящая «Демократическая партия тысячелетия» Ким Тэ Чжуна представляет интересы провинции Чолла, в то время как основу «Партии Великой Страны» Ли Хве Чхана составляют представители провинции Кёнсан. Известно, что между этими регионами Кореи всегда существовал острый антагонизм, который приводит даже к частым столкновениям призывников из двух провинций в корейской армии. Характерно, что с целью продемонстрировать независимость Демократической партии от региональных интересов кандидатом на пост президента от этого объединения на этот раз был избран Ро Му Хён, выходец из Пусана (пров. Кёнсан).
15. *Чосон Ильбо*. 2002. 15 июня.
16. *Пультын агмага кегып ыйсик тыринда?* [В классовом сознании «красных дьяволов» нет определенности?] // *Хангёрс*. № 21. 2002. 27 июня. С. 88.
17. *Чосон Ильбо*. 2002. 14 июня.
18. *Мунхва Ильбо*. 2002. 23 июня.
19. *Чосон Ильбо*. 2002. 15 июня.

В Обществе российско-китайской дружбы

Празднование 45-й годовщины ОРКД

25 ноября 2002 г. в Доме дружбы с народами зарубежных стран состоялось торжественное заседание, посвященное 45-летию Общества российско-китайской дружбы, являющегося преемником Общества советско-китайской дружбы.

Решение о создании Общества советско-китайской дружбы — первого в Советском Союзе общества дружбы с народами зарубежных стран — было принято на учредительном собрании представителей советской общественности 29 октября 1957 г. Оно положило начало созданию обществ дружбы и с другими зарубежными странами, объединившимися в дальнейшем в Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами, преемником которого ныне является Росзарубежцентр.

В торжественном заседании приняли участие представители Министерства иностранных дел РФ, руководители Росзарубежцентра, посол КНР в РФ Чжан Дэгуан и сотрудники китайского посольства в Москве, ветераны и активисты Общества российско-китайской дружбы, в том числе представители отделений ОРКД в разных городах нашей страны.

Торжественное заседание открыл почетный Председатель ОРКД академик РАН С.Л.Тихвинский.

С докладом, посвященным истории и деятельности Общества, выступил Председатель ОРКД, директор Института Дальнего Востока РАН, член-корреспондент РАН М.Л.Титаренко.

Он подчеркнул, что на протяжении всей 45-летней истории своего существования, в том числе в тяжелые для двусторонних отношений наших стран 60-е — 70-е годы, Общество российско-китайской дружбы считало своей главной задачей сохранение, укрепление и развитие братской дружбы между народами наших стран.

Чрезвычайный и полномочный посол КНР в РФ Чжан Дэгуан в своем выступлении высоко оценил вклад Общества в дело развития и укрепления связей между Россией и Китаем, между народами двух стран.

В адрес ОРКД поступили поздравления от ряда государственных и общественных организаций, в том числе от МИД РФ, Росзарубежцентра, Российской части российско-китайского комитета дружбы, мира и развития, от Китайского народного общества дружбы с зарубежными странами и Общества китайско-российской дружбы.

В заключение состоялся концерт мастеров искусств.

Научная жизнь

Диссертации, защищенные в Институте Дальнего Востока РАН В 2002 г.

В 2002 г. в Институте Дальнего Востока РАН продолжали функционировать два диссертационных совета, один из которых рассматривает диссертации по историческим и политическим наукам (специальности 07.00.03 — Всеобщая история и 23.00.04 — Политические проблемы международных отношений и глобального развития), второй — по экономическим наукам (специальность 08.00.14 — Мировая экономика).

Всего было защищено 6 диссертаций — одна на соискание ученой степени доктора наук и пять — кандидата наук.

Н.Е.Боревская, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН, автор нескольких десятков опубликованных работ, в том числе трех авторских монографий, защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук на тему «Формирование государственной стратегии образования периода реформ в КНР (1980-90-е гг.)».

Диссертация получила высокую оценку специалистов. В отзывах отмечался новаторский характер исследования и подчеркивалась важность полученных диссертантом результатов, позволяющих прогнозировать культурные и социально-экономические перемены в китайском обществе начала XXI века и открывающих новые перспективы изучения образовательных стратегий переходных обществ. Авторы отзывов также указывали на общность многих процессов переходного периода в Китае и в России, в связи с чем результаты данного исследования могут использоваться для написания компаративистских исследований по образовательным реформам двух стран и способствовать более успешной разработке стратегии образования в России.

Чэнь Кайкэ, гражданин КНР, окончивший очную аспирантуру ИДВ РАН, защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Конфуцианство и «культура предприятия» в современной Восточной Азии».

Известно, что Восточная Азия является динамичным субрегионом АТР, основу которого составляют страны конфуцианского культурного региона. Во многих странах, особенно в развивающихся азиатских странах, нередко возникают противоречия между традиционной культурой и современным развитием экономики. Поиски путей преодоления этих противоречий явились одной из основных задач автора данного исследования. Кроме этого, автор попытался ответить на вопрос, в какой мере «ареал конфуцианской культуры» оказывает влияние на процесс модернизации в Восточной Азии.

Диссертант пришел к выводу о существовании причинно-следственных связей между древним конфуцианством и современным экономическим чудом стран Восточной Азии. По его мнению, именно конфуцианство стимулировало экономический подъем стран Восточной Азии.

Главный советник МИД РФ О.Н.Розанов защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Эволюция наградной системы Японии в XIX — XXI вв.».

В заключении диссертационного совета подчеркивается, что наградная система любого государства как объект познания представляет собой исторически сложившийся институт, который функционально призван играть важную вспомогательную роль в реализации стратегических задач внутренней и внешней политики, экономики, идеологии и культуры, стоящих перед государством на каждом отдельном историческом этапе его развития.

Значимость данного исследования определяется тем, что оно вносит несомненный вклад в максимально полное освещение новейшего периода истории Японии, дает возможность закрыть ряд лакун в отечественном японоведении, прежде всего тех, которые связаны с особенностями функционирования государственного механизма Японии в новейший период.

Старший научный сотрудник ИДВ РАН Т.В.Лазарева защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Кадровая политика в национальных районах КНР (1949 — 2001 гг.)».

Диссертация Т.В.Лазаревой представляет собой первое в отечественной историографии обобщающее исследование, посвященное анализу принципов и установок, порядку подготовки и использования кадров (прежде всего из малых народов) в национальных районах КНР в 1949 — 2001 гг.

Выбор оптимальной национальной политики для многих стран, в том числе для КНР, как одной из крупнейших полиэтнических стран, является задачей первостепенной важности. Исследование политики КНР в национально-кадровом вопросе — одном из ключевых, но наименее изученном вопросе национальной политики КНР определяет актуальность темы рассматриваемой диссертации.

Старший научный сотрудник ИДВ РАН П.Б.Каменнов защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата политических наук на тему

«Политические аспекты реформирования военно-промышленного комплекса современного Китая».

Следуя общемировой тенденции в военном строительстве, Китай стремится к совершенствованию своего оборонного потенциала и к созданию хорошо оснащенных вооруженных сил, способных успешно действовать в локальной войне с применением «высоких» технологий. Анализируя причины, вызвавшие необходимость реформирования ВПК КНР, автор раскрывает содержание процесса и показывает его влияние на военную, экономическую и бюджетную политику, а также — на роль армии в политической жизни страны.

Диссертант обращает внимание на опыт Китая по реформированию ВПК в условиях переходной экономики и движения в направлении интеграции в мировое рыночное хозяйство, который может представить интерес для России, осуществляющей трансформацию своего оборонно-промышленного комплекса в аналогичных условиях.

Младший научный сотрудник ИДВ РАН Г.В.Белокурова защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук на тему «Глобальные и региональные аспекты интеграции Японии в мировую валютно-финансовую систему».

В данной работе впервые в российской науке проведен системный анализ участия Японии в процессах глобальной и региональной валютно-финансовой интеграции. Значимость темы обусловлена крупными изменениями в системе международных финансов, связанными с валютно-финансовыми кризисами второй половины 90-х годов XX в. и отчетливо проявляющимся стремлением ряда государств АТР сформировать региональную валютно-финансовую систему, которая способствовала бы их устойчивому экономическому развитию.

Работа содержит ряд представляющих значительный интерес выводов, оценок и гипотез, в частности, о вариантах и моделях практического осуществления более глубокой экономической и валютно-финансовой интеграции в АТР, о правомерности выделения общемировой тенденции формирования и частичного обособления экономических «блоков», которая связана с практической необходимостью создания стабильной и предсказуемой среды для деятельности различных экономических операторов.

Открытие Зала российско-китайской дружбы в Институте Дальнего Востока РАН

23 декабря 2002 г. состоялось торжественное открытие Зала российско-китайской дружбы, который создан на основе Культурного и информационного центра "Китай" (Китайский зал), действующего с начала 90-х годов как самостоятельное подразделение Института Дальнего Востока РАН. В последние месяцы истекшего года по инициативе Чрезвычайного и Полномочного Посла Китайской Народной Республики в Российской Федерации Чжан Дэгуана и на средства Посольства КНР зал был переоборудован и меблирован в китайском стиле.

На церемонии присутствовали Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР в РФ Чжан Дэгуан и сотрудники посольства, сотрудники ИДВ РАН, руководители Общества российско-китайской дружбы (ОРКД), Ассоциации китаеведов, китайские и российские журналисты.

В зале выставлены коллекции произведений китайского искусства (свитки, лубок, фарфор и другие предметы национальных художественно-декоративных ремесел), образцов традиционной китайской одежды, книги, периодические издания, информационно-справочные материалы. Компьютеры зала подключены к Интернету, Банку данных по Китаю ИДВ РАН. Здесь посетители могут смотреть передачи китайских телевизионных каналов.

Основная задача зала — распространение в России знаний об истории, культуре, традициях, политике и экономике Китая, укрепление добрососедства наших двух стран, знакомство научных и деловых кругов и широкой общественности с фундаментальными исследованиями отечественного и мирового китаеведения, популяризация научных знаний о Китае, его цивилизационных особенностях, его истории, философской мысли, культуре, успехах, достигнутых Китаем за последние 20 лет, его политических и экономических возможностях.

Зал является многофункциональным и открыт для всех желающих приобщиться к знаниям о Китае — преподавателей, учащихся, творческой интеллигенции, ученых, практических работников, бизнесменов, для всех кто интересуется Китаем, его историей и культурой. Особое и постоянное внимание обращается на работу с молодежью, будущими китаеведами. Здесь проводятся лекции для школьников, студентов, аспирантов, молодых специалистов.

На церемонии открытия зала выступил директор Института Дальнего Востока, член-корреспондент РАН М.Л. Титаренко. Он сказал, что в институте сегодня радостный день: в преддверии Нового года и после завершения визита Президента РФ В.В. Путина в Китай наши китайские друзья преподнесли институту ценный и символический подарок — переоборудовали Китайский зал. Теперь, как и раньше, он будет центром российско-китайской дружбы, в котором будет функционировать отделение ОРКД, будут проходить собрания, лекции Ассоциации китаеведов, международные конференции, заседания и встречи. М.Л. Титаренко сердечно поблагодарил посла Чжан Дэгуана и выразил надежду на то, что именно в этом зале в ходе конференций, встреч и бесед будет происходить углубление взаимопонимания между нашими странами, раскроются новые перспективы сотрудничества между Россией и Китаем в XXI веке.

Со словами благодарности в адрес китайского посольства выступил также Председатель Ассоциации китаеведов, академик РАН В.С. Мясников.

С ответной речью выступил Чрезвычайный и Полномочный посол КНР в РФ Чжан Дэгуан. «Посольство сделало этот подарок от чистого сердца, — сказал он, — поскольку мы считаем, что в такой благоприятной атмосфере, которая царит в этом зале, возможны плодотворные контакты между российскими и китайскими друзьями, сотрудниками китайского посольства в Москве, делегациями китайских ученых и китаеведами Института Дальнего Востока и других научных и вузовских центров Москвы и России».

Рецензии

**Каткова З.Д., Чудодеев Ю.В. Китай — Япония:
любовь или ненависть? К проблеме эволюции социально-
психологических и политических стереотипов
взаимовосприятия
(VII в. н.э. — 30-е — 40-е годы XX в.) М., 2001.**

Под таким интригующим названием сотрудниками Института востоковедения РАН З.Д.Катковой и Ю.В.Чудодеевым опубликована совместная монография, в которой прослеживаются восприятия отношений между двумя дальневосточными странами-соседями — Китаем и Японией — их правящими элитами на протяжении длительного периода, начиная с VII в. н.э. до 40-х годов XX века. Основное внимание авторы уделяют эволюции социально-психологических и политических стереотипов взаимовосприятия народами этих стран друг друга на протяжении столетнего периода — от середины XIX века до середины XX века. Как показывают последние международные конгрессы исторических наук (Монреаль — 1995 г., Осло — 2000 г.), тема "образа других" неизменно привлекает к себе внимание историков самых разных стран.

В книге рассматривается формирование и эволюция традиционных стереотипов китайско-японского взаимовосприятия в период средневековья, когда Япония оказалась частью ареала, на который распространялось сильное культурное влияние Китая, являвшегося одним из наиболее крупных очагов древней цивилизации.

Авторы приводят убедительное свидетельство японского историка Дзэнрю Цукамото о том, что вплоть до XVIII в. развитие Японии "в основном происходило за счет энергичного и непрерывного заимствования китайской цивилизации".¹ По словам другого японского историка Такэути Минору до революции Мэйдзи Китай для Японии был источником культуры и цивилизации.² Заимствуя элементы китайской культуры, Япония, тем не менее, стремилась к сохранению своей исконной культуры, идеологической основой которой

является синтоизм. В период позднего средневековья культура Японии уже стала подлинно национальной японской культурой.

В Китае под влиянием китаецентристских концепций отношение к японскому социуму складывалось как ко стоящему на низшем уровне массового сознания.

До соприкосновения с западными державами Китай и Япония развивались в условиях абсолютного господства у них феодальных отношений. На угрозу проникновения капиталистических держав феодальные режимы Китая и Японии реагировали примерно одинаково, прибегнув к политике изоляции своих стран от внешнего мира с целью консервации своих режимов, однако после того, как в середине XIX в. западные державы — Англия, США и Франция прибегли к вооруженной силе, чтобы "открыть" эти страны для своей торговой экспансии, японцам удалось в силу ряда объективных условий, а также относительно более высокого уровня образованности японского общества, пойти по пути ликвидации изоляционистской позиции правящего режима и встать на путь проведения буржуазных реформ и поощрения использования передового иностранного опыта в экономике и образовании. Свержение режима сегунов из династии Токугава в результате революции Мэйдзи 1868 г. обеспечило активное вмешательство правительства в экономику и поощрение частнособственнической инициативы, дало мощный импульс капиталистическому развитию страны.

Китай столкнулся с Западом, находясь в состоянии длительного экономического и социального застоя. Зарождавшиеся ростки капиталистических отношений были лишены государственной поддержки, а подавление могучего крестьянского

восстания середины XIX тайпинов и нянцзюней обескровило силы народной оппозиции господству феодальной реакции.

Авторы подробно рассматривают кризис традиционного восприятия Японии в Китае в результате ознакомления правящих кругов и общественности с событиями и итогами так называемой революции Мэйдзи в Японии. Излагаются взгляды на Японию политических деятелей — "сторонников усвоения заморских дел" и политики "самоусиления".

Победа Японии в войне с Китаем 1894–95 гг. означала полный крах политики "самоусиления", проводившейся цинскими властями в последней трети XIX в., но вместе с тем привела к реалистическому переосмыслению большинством представителей консервативной элиты Китая "образа" Японии как вассала Китая, который шел от традиционных китаецентристских взглядов, но не подкреплялся каким-либо реальным влиянием Китая на Японию. Авторы подробно рассматривают взгляды на Японию видного государственно-го деятеля конца XIX века Ли Хунчжана.

Японской победой над Китаем в 1895 г. был дан мощный импульс процессу быстрого освобождения значительной части представителей японского общества из-под монопольного влияния китайской культуры. Война наглядно продемонстрировала преимущества развития Японии, вступившей на путь буржуазной эволюции, над Китаем, застывшим в своем консерватизме, показала размеры нищеты и бесправия китайского народа и неспособность маньчжурокитайских властей к управлению страной.

В книге приводятся резко отрицательные оценки Китая видными японскими государственными деятелями тех лет, свидетельствующие об изменении стереотипа восприятия Китая в Японии и о появлении новых черт, таких как снисходительное высокомерие и даже презрение. В новом японском стереотипе восприятия Китая отсутствовали какие-либо компоненты сочувствия к судьбе китайского народа, желание помочь соседу в борьбе с западными колонизаторами. Наоборот, в японском обществе все большее и большее распространение стали получать агрессивные устремления в отношении Китая.

Японская модель развития привлекла внимание китайских реформаторов конца XIX века — Кан Ювэя, Лян Цичао и др., взглядам которых отвечала относительная "бескровность" японских реформ, проведение реформ "сверху", сохранение

многих феодальных пережитков, особая роль в стране императора и т.д.

Японцы, в свою очередь, внимательно следили за ходом движения за реформы в Китае. В книге описывается реакция видного деятеля революции Мэйдзи Ито Хиробуми на "100 дней реформ" (1898 г.) в Китае, свидетелем которых ему довелось быть; показаны и связи китайских реформаторов с Японией. После поражения первого восстания "Союза Возрождения Китая", руководимого революционером-демократом доктором Сунь Ятсеном, а затем и движения за реформы в Китае Япония предоставила политическое убежище как китайским революционерам, так и реформаторам, не прекращавшим и там своей оппозиционной цинскому режиму деятельности. Они издавали в Японии свои газеты и другие печатные издания, проводили конференции и съезды своих сторонников. В первое десятилетие XX века Япония стала местом, куда потянулись передовые китайцы, в основном учащая молодежь, в поисках знаний ради обновления Китая. К 1905–1906 гг. численность китайских студентов в Японии достигла 8–10 тысяч человек.³ Через "японскую школу" прошло большинство ведущих политических деятелей Китая последующих десятилетий, от лидеров Гоминьдана (Чан Кайши, Ван Цзинвэй, Дай Цзитао, Ху Ханьминь, Ляо Чжункай и др.) до первых китайских марксистов (Чэнь Дусю, Ли Дачжао и др.) и ведущих деятелей культуры (Лу Синь, Го Можо и др.).⁴

На китайских политических эмигрантов в Японии, принадлежавших к различным партиям и направлениям антиправительственной оппозиции, большое влияние оказала доктрина "паназиаатской общности", пропагандировавшаяся такими видными японскими политическими деятелями, как Окума Сигенобу и Ито Хиробуми. Окрашенная поначалу в либеральные тона, эта доктрина предусматривала объединение стран Восточной Азии на основе расовой и культурной общности, свободных от посягательств западных держав. Эта доктрина была призвана замаскировать экспансионистские устремления Японии. В рецензируемой книге рассматривается реакция на эту доктрину видного представителя китайских реформаторов Лян Цичао и руководителя революционно-демократического движения доктора Сунь Ятсена.

Значительное место в монографии уделено японо-китайским отношениям накануне Синьхайской революции в Китае,

свергнувшей 268-летнее владычество цинской династии и покончившей с 2000-летней монархической системой власти в Китае и провозгласившей республиканский строй.

В годы первой мировой войны Китай подвергся военно-политическому давлению со стороны Японии. В книге показана реакция на агрессию Японии со стороны различных слоев китайского общества (захват бывших германских колоний и концессий в Китае, предъявление 21 требования правительству Юань Шикая, политика в отношении Японии различных китайских милитаристских клик).

Агрессивные действия Японии вызвали, как пишут авторы, "взрыв антияпонского национализма" в Китае и породили движение "4 мая" 1919 г. Вряд ли такими словами следовало бы характеризовать мощный патриотический подъем в Китае, вызванный передачей Японии западными державами на Версальской мирной конференции бывших германских концессий в Китае.

Японская экспансия в Китае осуществлялась под флагом шовинистских панasiatских идей (после 1917 г. к ним добавился и антикоммунизм)⁵, прикрывавшихся заявлениями о стремлении Японии помочь китайскому народу и другим народам Азии освободиться от западных колонизаторов и навязываемой ими культуры. В книге приводятся такого рода заявления представителей японских милитаристских кругов, по существу лишь маскировавшие восприятие Китая японскими шовинистскими кругами как объекта колониальной экспансии Японии. Те же цели преследовали и японские социологи вроде Найто Тарадзиро, советники японского правительства, утверждавшие, что Китай самостоятельно не способен осуществить преобразования, и что только Япония может и должна взять на себя роль опекуна Китая в деле проведения реформ.⁶

В мае 1918 года Японию захлестнула волна антикитайских выступлений, связанных с деятельностью патриотических организаций китайской учащейся молодежи в Японии, протестовавших против агрессивной политики властей Японии в отношении Китая.⁷

Авторы монографии детально разбирают противоречивые оценки японской политики доктором Сунь Ятсеном в этот период, его иллюзорные надежды на возможность использования в интересах Китая межимпериалистических противоречий Японии с США и Англией, обострившихся после окончания первой мировой войны.

Авторы отмечают и отдельные выступления представителей прогрессивной японской интеллигенции, пропагандировавших в эти годы идеи гармоничного японо-китайского взаимодействия на базе культурно-расовой общности. Это были в основном японские друзья Сунь Ятсена.

Значительное место в монографии уделено восприятию японской политики в Китае и анализу взглядов японских теоретиков агрессивной политики в отношении Китая.

Подробно говорится об идеологической подготовке Японии к полномасштабной войне с Китаем и затрагиваются проблемы японо-китайских отношений в десятилетний период нахождения у власти в Китае гоминьдановского правительства (1927-1937). Авторы монографии детально разбирают взгляды на Японию таких руководителей (а также теоретиков) гоминьдана, как Чан Кайши, Дай Цзитао, Чжан Цюнь, в свое время проживавших и учившихся в Японии и сохранивших личные связи со многими военными и политическими деятелями Японии. Время от времени осуждая отдельные антикитайские выступления японских политических и военных деятелей, лидеры гоминьдана, тем не менее, постоянно уступали нажиму Японии, которая 18 сентября 1931 года отторгла от Китая его Северовосточные провинции — Маньчжурию и создала марионеточное государство Маньчжоу-Го, а затем усилила военно-политический нажим на власти Северного Китая и Внутренней Монголии.

В книге подробно разбираются взгляды на Японию видного гоминьдановского теоретика Дай Цзитао, хорошо знавшего ее, написавшего ряд книг о ней и истории японо-китайских отношений. Книги Дай Цзитао были направлены против агрессивных планов и действий Японии в отношении Китая.

Авторы анализируют также работы Чан Кайши, в которых содержатся его взгляды на Японию, однако авторы почему-то не упоминают о том, что большинство приписываемых ему работ было написано другими людьми, в том числе Дай Цзитао.

Авторы характеризуют взгляды и позиции других деятелей гоминьдана в отношении Японии — Сун Цзывэня, Сунь Фо, У Тэчэна и др., а также лидера прояпонской группировки Ван Цзинвэя и ряда его сторонников.

Агрессивная политика Японии в отношении Китая вызвала в стране широкое ан-

тияпонское движение и призыв к сплочению общества перед лицом внешней агрессии, прекращению братоубийственной гражданской войны между ГМД и КПК.

Изложение основного текста книги завершается началом 7 июля 1937 года полномасштабной войны Японии против Китая. На страницах книги ее авторы прослеживают трансформацию взглядов правящих кругов и просвещенной части японского общества от уважения и почтительности к Китаю как уникальному культурному колоссу Восточной Азии к высокомерному отношению к народу, который, по их мнению, оказался неспособным воспринять плоды современной цивилизации, как это сделала Япония, погряз в старых формах общественного бытия и стал легкой добычей западных колонизаторов.

На базе этих представлений правители Японии стали вынашивать агрессивные замыслы в отношении своих соседей, и в первую очередь Китая, используя в качестве их обоснования доктрину «пан-азиатской общности народов Восточной Азии», согласно которой Японии уготована историческая миссия сплотить вокруг себя народы Китая и других стран этого региона с целью их освобождения от гнета западных колонизаторов и модернизации их обществ. Под предлогом реализации этой доктрины Япония в первой половине XX века пыталась военной силой поработить Китай.

Представители же новых буржуазных общественных сил Китая, боровшихся с засильем внутренних феодально-милитаристских клик и иностранных колонизаторов, хотя и воспринимали Японию как агрессивную, милитаристскую державу, угрожающую китайской государственности, но в то же время все же видели в ней «надежду Азии», страну, бросившую вызов западным державам и обретшую государственную независимость, и рассчитывали на поддержку с ее стороны. К тому же многие видные политические и военные деятели Китая, такие как Сунь Ятсен, Лян Цичао, Дай Цзитао и др., а также деятели культуры (Ли Дачжао, Лу Синь) долгие годы проживали и обучались в Японии, имели там знакомых и друзей, что не могло не сказаться на их положительном восприятии на бытовом уровне образа трудового японского народа.

В кратком заключении своей книги авторы монографии говорят о стереотипе восприятия Японии в Китае, сложившемся после провозглашения КНР, подчерки-

вая прагматизм китайского подхода к Японии. Не приводя каких-либо конкретных материалов, авторы голословно заявляют о том, что в Китае «ощущение, что Япония представляет реальную угрозу для Китая, стало постепенно исчезать, однако на смену ему не приходит доверие, как к другу»⁸. При этом они не исключают и возможного обострения китайско-японских отношений, при котором «наружу снова могут выйти негативные компоненты восприятия Японии, которые, находясь сегодня на заднем плане, тем не менее, живы в сознании нынешнего поколения»⁹.

Книга иллюстрирована портретами ряда видных китайских и японских политических деятелей рассматриваемого периода, снабжена весьма содержательными приложениями и примечаниями, обстоятельной библиографией на китайском, русском и английском языках, а также указателем имен.

Авторы отказались от традиционного историографического обзора и вместо него дают многочисленные ссылки в тексте изложения, а также в примечаниях на те или иные работы российских или иностранных авторов, подчас удачно polemизируя с ними (исключение, на наш взгляд, представляет несогласие авторов, выраженное в примечании № 30 на стр. 318 книги, с утверждением китайского историка Ху Шэна о том, что кабинет Дуань Цижуя проводил прояпонскую политику). В то же время следовало бы отметить вклад российских авторов в изучение китайско-японских отношений: Т.П.Григорьевой, В.А.Пронникова, И.Д.Ладанова, а также М.Л.Сладковского, И.Я.Бурлингас и Б.Г.Сапожникова.

Следует особо отметить серьезную источниковедческую базу монографии (89 наименований источников, из них 65 на китайском языке) и обширную литературу (свыше 460 наименований, из них 217 на китайском языке). Само по себе введение в научный обиход такого массива источников и литературы на китайском языке свидетельствует об огромной исследовательской (и переводческой) работе авторов.

Читатель, интересующийся историей китайско-японских отношений, а также вопросами социальной психологии, найдет в этой книге много полезного. Затронутые в ней проблемы не были сняты с повестки дня после поражения Японии во Второй мировой войне и сохраняют свою актуальность. По сей день подраста-

ющее поколение Японии воспитывается в полном неведении относительно тех пагубных последствий агрессивной политики, которую правящие круги страны под давлением милитаристов проводили в отношении Китая, Кореи и стран ЮВА. Все усилия демократических сил Японии добиться объективного изложения в школьных и вузовских учебниках по истории агрессивной политики милитаристов встречают упорное сопротивление со стороны правящих кругов Японии.¹⁰

При всех несомненных достоинствах рецензируемой книги следует указать и на известный пробел, допущенный авторами при характеристике восприятия Японии в Китае в предвоенное десятилетие (1927-1937), а именно на оторванность изложения от внутривосточной обстановки в Китае тех лет, гражданской войны между ГМД и КПК, которая значительно ослабила силы сопротивления Китая японской агрессии, подготовила благодатную почву для подрывной деятельности капитулянтских прояпонских элементов в гоминьдановском руководстве.

После захвата Японией Маньчжурии китайские коммунисты неоднократно предлагали прекратить междоусобную

войну и сплотить всю китайскую нацию для отпора агрессору.¹¹ Такую же позицию занимали многие левые деятели в гоминьдане (Сун Цинлин, Шао Лицзы, Фэн Юйсян и др.), представители различных демократических организаций.

Авторы монографии не только не упоминают о позиции КПК в отношении Японии, но даже допускают ошибочное, на наш взгляд, утверждение о том, что "в среде китайского крестьянства четко выраженных антияпонских настроений не проявлялось".¹² Народное сопротивление японской агрессии в Маньчжурии и в Северном Китае еще до начала полномасштабной войны говорит об обратном.

Нам представляется также, что авторами допущена и известная идеализация Чан Кайши, в частности, его теоретических работ. Как известно, авторами многих из них помимо Дай Цзитао выступали близкие к гоминьдану журналисты. Без каких-либо объяснений авторы упоминают и о секретных переговорах Чан Кайши с Чжоу Фохаем и японцами.¹³ Чувствуя приближение конца войны на Тихом океане, Чан Кайши стал заботиться о судьбе своих капиталов, размещавшихся на оккупированной японцами территории.

© 2003

*С. Л. Тихвинский,
академик РАН*

1. Указ. соч. С.11.
2. Там же. С.20.
3. Цит. соч. С.100.
4. Цит. соч. С. 96.
5. Цит. соч. С. 168.
6. Цит. соч. С. 171.
7. В этой связи небезынтересно напомнить, что деятельное участие в патриотических антияпонских выступлениях китайской молодежи в Японии, и в частности, в движении протеста против японо-китайского "соглашения о совместной обороне", предусматривавшего совместное выступление против революционной России, принимал Чжоу Эньлай, готовившийся в то время к поступлению в Высшую школу в Токио (см. Тихвинский С.Л. Путь Китая к объединению и независимости 1898-1949. М., 1996. С. 38-39.).
8. Цит. соч. С.294.
9. Цит. соч. С.295.
10. О непрекращающихся спорах среди японских историков по данному вопросу см.: Tadashi Wakabayashi The Nankin 100-men Killing Contest Debate. War Guilt Amid Fabricated Illusions 1971-75. The Journal of Japanese Studies. Vol. 26. № 3. 2000. Pp. 307-340.
11. Цит. соч. С.252.
12. Цит. соч. С. 282, 286.
13. См. Тихвинский С.Л. Указ. соч. С. 236-237, 245-249.

ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917 — 1941 гг.
М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. 808 с., илл.

Выход в свет рецензируемой книги — результат плодотворного сотрудничества российских и японских ученых в работе по расширению документальной базы, необходимой для объективного освещения большого периода истории советско-японских отношений и взаимоотношений Коминтерна с Коммунистической партией Японии (КПЯ). Составители книги успешно продолжили формирование технических сборников документов, хранящихся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ).

В первый раздел сборника включены постановления, касающиеся отношений СССР с Японией, которые принимались Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) в 1924 — 1940 гг., главным образом из так называемой "особой папки", то есть высшей формы секретности. Второй раздел содержит материалы, относящиеся к взаимоотношениям между Коминтерном и КПЯ. Из 400 документальных материалов, представленных в книге, большинство публикуются впервые. Ввиду большого объема некоторых документов часть из них подается в форме извлечений или с сокращениями, что, однако, не искажает их смыслового содержания. К тому же археографическая обработка публикуемых материалов по существующим в России правилам облегчает сверку с подлинниками в случае возникновения каких-либо сомнений или необходимости уточнений.

Ценность публикации архивных материалов по двум избранным темам, которые как раньше, так и в настоящее время представляют интерес для россиян и японцев и нередко освещаются неоднозначно, противоречиво, дополняется тем, что она сопровождается примечаниями, содержащими обстоятельные сведения о появлении этих документов и их авторах. Во многих случаях такие примечания можно рассматривать как самостоятельные исследования отдельных малозвестных событий и проблем с использованием как открытых российских и японских источников, так и вновь найденных архивных материалов. Путем кропотливых изысканий расшифрованы многочисленные псев-

донимы, под которыми нелегально работали деятели японского коммунистического движения и Коминтерна.

Несомненный интерес представляет и попытка составителей сборника дать собственный первичный обзор и оценку публикуемых документов. Это сделали Г.М. Адibeков (ответственный редактор книги от российской стороны) во вводной статье к первому разделу и К.К. Шириня и Ю.В. Георгиев совместно с Х. Вада (ответственный редактор от японской стороны).

Собранные в первом разделе решения Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) расширяют представление о механизме формирования внешнеполитического и внешнеэкономического курса страны, обеспечивавшего беспрекословное партийное руководство в определении этого курса и последующий контроль за его исполнением. Знакомство с ними помогает познать действительное, без приукрашений и очернений, критиканства, существо советской внешней политики 1920 — 1930 гг. на японском направлении.

Отношения с Японией — важная, но отнюдь не единственная составляющая политики СССР, направленной на обеспечение безопасности дальневосточных границ страны, защиту государственных интересов. Эта политика строилась с учетом намерений и действий всех политических игроков региона. В сборнике имеется ряд документов, отражающих взаимосвязь событий в отношениях нашей страны с Японией со многими другими региональными проблемами, в особенности касающимися Китая. С этой точки зрения оправдано включение в сборник и некоторых важных материалов, ранее опубликованных в книге "ВКП(б), Коминтерн и Китай", тем более, что это сделано корректно, с соответствующими ссылками.

Составители не дают достаточных объяснений, почему в первом разделе публикуются документы, ограниченные рамками с августа 1924 по январь 1940 г., хотя в общем названии книги указывается более широкий период. В части событий до августа 1924 г. этот недостаток частично компенсируется во вводной статье и примечаниях, где рассказывается о

принятии по указаниям Политбюро важных предшествующих решений, заложивших основу курса того времени на нормализацию отношений с Японией.

Российские ученые во многих капитальных исследованиях истории советско-японских отношений от их установления до предвоенных лет широко использовали документы советского внешнеполитического ведомства и органов, занимавшихся экономическими и прочими связями с Японией. Теперь же перед ними открывается возможность показать, где и каким образом предопределялось и корректировалось направление работы этих советских органов.

Судя по публикуемым в сборнике документам, чаще всего по японскому направлению в Политбюро рассматривались вопросы экономической сферы: рыболовных отношений, японских нефтяных и угольных концессий на Северном Сахалине и т.п. Знакомясь с решениями по этим вопросам, еще раз убеждаешься, что в Москве в полной мере учитывали фактор экономической взаимозависимости двух стран не только при установлении государственных отношений с Японией, но и в дальнейшем, когда советское руководство, сталкиваясь с множественными рыболовными и прочими конфликтными ситуациями и твердо защищая государственные интересы, действовало по-прежнему гибко, стремясь не повредить сложившейся деловой обстановке, не ухудшить общее состояние отношений с Японией.

Со второй половины 1920 гг. в курсе руководства Советского Союза постепенно утверждаются два разных, но взаимодополняющих направления ответа на японское продвижение в Северо-Восточную Азию, таящее в себе реальную угрозу советским национальным интересам и безопасности. Это, во-первых, настойчивые дипломатические усилия по договорному закреплению неизменности мира и добрососедства между двумя странами путем заключения пакта о ненападении. Читатель найдет в сборнике указание Политбюро о начале такой работы, однако публикуемых документов явно недостаточно, чтобы проследить все ее нюансы. Второе направление — постоянная забота высшего руководства страны о создании потенциала надежной обороны границ на столь удаленных от центра страны территориях. Эта линия отчетливо и разносторонне прослеживается по представленным в сборнике документам, начиная с постано-

влений Политбюро о мерах по усилению погранохраны побережья Дальнего Востока и об образовании Особой Дальне-Восточной Армии (1929 г.).

В 1930-е гг. Советскому Союзу стало трудно уклоняться от вооруженных стычек на Дальнем Востоке. Серия документов Политбюро касается переговоров с Японией относительно Китайско-Восточной железной дороги, в ходе которых СССР был вынужден уступить принадлежавшие ему права на нее. Комментируя эти переговоры, Г.М. Адибеков объясняет такое решение тем, что в Москве руководствовались стремлением "устранить источник военного конфликта с Японией, к которому СССР еще не был готов" (с. 15).

К концу 1930-х годов напряженность в советско-японских отношениях ощущалась почти повседневно, о чем красноречиво свидетельствуют документы сборника, показывающие позицию Москвы в урегулировании различных споров между двумя странами, возникавших и на морских границах и при столкновении их интересов на азиатском материке. Как известно, эта напряженность, подогревавшаяся тем, что мы сегодня называем "информационной войной" (обе стороны создавали образ врага), вылилась в два крупных сражения, на озере Хасан и на реке Халхин-Гол. Обстоятельства возникновения этих вооруженных конфликтов хотели бы до конца понять и россияне, и японцы. К сожалению, события на озере Хасан затрагиваются лишь частично во вводной статье, а к событиям на Халхин-Голе имеют отношение всего два документа, причем один из них относится к ранней их предыстории (док. № 208), а второй публиковался и раньше (док. № 267).

Внимательный читатель заметит пробелы сборника и по другим аспектам истории советско-японских отношений рассматриваемого периода. В чем здесь причина? Можно предположить, что большое внимание Политбюро ЦК ВКП(б) к обстановке на Дальнем Востоке оставалось практически неизменным. Скорее всего, в распоряжении составителей сборника просто не имелось многих важных документов, достаточных для всестороннего и сбалансированного освещения советско-японских отношений в заявленных ими временных рамках. Но в таком случае нужно было сделать необходимые разъяснения.

В "особой папке" Политбюро ЦК ВКП(б) решений, касающихся непосред-

ственно Компартии Японии, не обнаружено. В тот же период Политбюро, напротив, нередко принимало специальные решения по компартиям Китая, Монголии, европейских стран. Г.М. Адибеков усматривает две причины такого разного подхода к партиям-единомышленникам. Это, во-первых, слабость и незначительное влияние КПЯ в своей стране. Во-вторых, важное значение, которое руководство СССР придавало налаживанию нормальных отношений с дальневосточным соседом. При определении политики на Дальнем Востоке оно "практически не брало в расчет КПЯ". Ему приходилось считаться и с тем, что японские власти демонстрировали особую непримиримость к "угрозе коммунизма", отождествляли Коминтерн с советским руководством (с. 20).

Москва стремилась отрицать свою прямую причастность к воздействию на японское коммунистическое движение. Так, в утвержденной Политбюро ответной ноте японскому правительству (1930 г.) содержалось уверение в том, что советское правительство разделяет мнение о необходимости строить дружественные отношения между государствами "на взаимном уважении политического и социального строя и невмешательстве во внутренние дела друг друга". Одновременно указывалось, что правительство СССР "не может нести ответственность за деятельность находящейся на его территории организации совершенно частного характера" и поэтому "лишено возможности оказывать какое-либо воздействие на деятельность этой организации и ее местных секций" (с. 53).

Связь советских и японских коммунистов, осуществлявшаяся при посредстве Коминтерна, для Японии никогда не была секретом. Как показывают материалы второго раздела, деятельность японских коммунистов, начиная с самого рождения партии, развертывалась под сильным воздействием Коминтерна, в котором ВКП(б) практически обладала решающим голосом. Просматривая эти документальные свидетельства, видишь, что деятели японского революционного движения, отнюдь не только те, кто изначально называл себя коммунистами, стремились в Москву за получением поддержки — моральной и материальной, в определении собственного политического курса, в налаживании организационной работы. Сюда они направляли свои сообщения о программных установках и методах деятель-

ности, просили дать советы и даже разработать для них основополагающие документы. В 1927 г. группа японских коммунистов, например, обратилась с письменной просьбой к Н.И. Бухарину "написать Политические тезисы по японскому вопросу", чтобы "заложить самые основы, на которых будет создана КПЯ" (с. 435).

Действуя на своей родине в трудных нелегальных условиях, японские коммунисты рассматривали Москву местом, где они могут разрешить внутренние споры и сомнения. С другой стороны, работники Коминтерна, они же главным образом члены ВКП(б), не отказывались от удовлетворения поступавших просьб, не только советовали, но нередко без излишней скромности брались за составление документов, которые, в конечном счете, становились ориентиром деятельности зарубежной партии. В сборнике имеются многие проекты документов "по японскому вопросу", материалы дискуссии по "тезисам" 1927 и 1932 годов, ставшим для КПЯ программными. Материалы сборника подтверждают непосредственное участие японских коммунистов в разработке подобных документов, но одновременно являются свидетельством подавляющего воздействия на их содержание мнения таких влиятельных деятелей того времени, как Н.И. Бухарин и О. Куусинен. Кстати, знакомясь с материалами дискуссии по "тезисам 1932 г.", не без удивления обнаруживаешь, насколько некоторые ее участники с советской стороны не знали реальной обстановки в Японии. Е.М. Ярославский, например, предлагал "дать лозунги, которые должны ориентировать на вооруженную борьбу", а именно: "лозунг организации рабоче-крестьянской красной гвардии, или красной армии, или дружин самообороны" (с. 555). Притом Ярославский не был одинок, его поддержал А. Лозовский.

В отечественной литературе проблемы истории КПЯ и ее отношений с Коминтерном находили определенное освещение. На последнем этапе советского периода наиболее крупной работой по этой теме были "Очерки истории коммунистического движения в Японии", написанные И.И. Коваленко в 1979 г. Эти же проблемы частично рассматривал и автор настоящей рецензии в книге о Сэн Катаяма (1988 г.). Всестороннему и непредвзятому отображению истории КПЯ тогда мешала самоцензура авторов, их желание не нанести своими историческими изыскания-

ми какого-либо ущерба японским коммунистам. По меньшей мере, это касалось И.И. Коваленко и меня, как работников международного отдела ЦК КПСС, отвечавших и за связи с КПЯ. Оба вынуждены были стремиться не входить в противоречие с официальной исторической версией, разрабатываемой в КПЯ, оставлять в тени неудобные для ее высших руководителей эпизоды, вместо собственных суждений цитировать японские оценки ряда важных событий в истории этой партии. Но и в последнем случае встречались немалые трудности: КПЯ к своим очередным десятилетиям в официальную трактовку собственной истории вносила заметные поправки. (Остается малоизвестным перевод с японского книги "60 лет Коммунистической партии Японии", опубликованный издательством "Прогресс" в 1983 и 1984 гг. двумя выпусками и рассылавшийся "по специальному списку").

Глубокое изучение отношений между Коминтерном и КПЯ тормозилось также тем, что длительное время архивные материалы, хранящиеся в нашей стране по этой проблеме, были труднодоступными. Первым к ним по-серьезному стал прикасаться один из составителей сборника Ю.В. Георгиев. С открытием советских архивов в Москву знакомиться с ними по разным соображениям стали приезжать и японцы. КПЯ и ныне остается одной из активно действующих на политической арене партий. За интересом к ее истории у одних было искреннее желание закрыть "белые пятна", но некоторые искали сенсационных открытий или даже "компромата" на партию в целом или отдельных ее деятелей.

Введение в научный оборот большого массива публикуемых документов будет благоприятствовать и в России, и в Японии созданию более полного и непредвзятого представления по многим моментам истории нелегального периода деятельности КПЯ, ее взаимоотношений с Коминтерном, а также поможет углубить общие знания о политической обстановке в Японии 1920-1930-х годов и ее тогдашнему восприятию в нашей стране.

Историю любого общественного движения нельзя понять без внимания к изучению взглядов и мотивов поведения его конкретных участников, особенно претендующих на лидерство. В этом смысле в отечественной исторической литературе по Японии остаются заметные изъяны. Люди, стоявшие у истоков японского ком-

мунистического движения, обрисовывались преимущественно по упрощенной схеме: акцент делался на их место по отношению к некоей "должной" партийной линии (интернационалист, левый, правый, сектант, ликвидатор и т.п. ярлыки), личная аргументация их поступков тщательному анализу не подвергалась. Когда же эти люди по тем или иным причинам оказывались вне коммунистического движения, о них чаще всего просто забывали. Обращение к архивным фондам Коминтерна может способствовать преодолению этих недостатков.

Более всесторонне можно теперь описать жизнь и деятельность такого незаурядного деятеля японского и международного коммунистического движения, как Сэн Катаяма, горячее стремление которого помочь японским друзьям в создании, сохранении и развитии партии на интернационалистских позициях драматически реализовывалось в условиях непрерывного отрыва от родины.

Интересны сохранившиеся в архивах суждения Хироси Ямакава о перспективах коммунистического движения в сложных условиях монархического режима и полицейских притеснений. В нашей стране о Ямакава писали главным образом как о главе течения противников "нелегальной деятельности в любой форме", стремившихся к "ликвидации" КПЯ (так называемый "ямакавизм"). В Японии же Ямакава более известен в качестве теоретика левого крыла японских социалистов, сторонника формирования "единого фронта". Эта фигура заслуживает того, чтобы и у нас стать объектом специального исследования.

Некоторые из членов руководства КПЯ не выдержали жизненных испытаний и тюремных застенков, отказались от коммунистических убеждений. Публикация ряда материалов, касающихся этого, отнюдь не единичного явления, практически замалчивавшегося в нашей литературе, но изучающегося в Японии, где оно получило название "тэнко" (поворот), побуждает и российских японоведов обратиться к выяснению его корней. Их, на мой взгляд, следует искать прежде всего в духовной атмосфере того времени, характерной назойливым вниманием к воспитанию патриотизма и пропагандой "японской исключительности", от влияния которых оказывались не защищенными даже те, кто приходил в ряды партий, выступающих за

социальные преобразования. Не случайно М. Сано и С. Набэяма, занимавшие видные посты в КПЯ, отрекаясь от своей партии, в письме из тюрьмы рассуждали о неизбежности военных побед Японии и способности "японской нации оригинальным образом построить блестящий социализм" (с. 588-590).

КПЯ несла большие потери в собственной стране, но для многих ее членов жизнь оборвалась и вследствие необоснованных репрессий 1937-1938 годов в Москве. Архивные документы, в частности, раскрывают обстоятельства "дела Танака", ареста и гибели представителя японских коммунистов Кэндзо Ямамото. Эти документы наглядно показывают последствия психоза подозрительности тех лет. Они важны также как свидетельство непричастности к аресту К. Ямамото другого японского коммуниста, члена руково-

дства Коминтерна Сандзо Носака (Окано), который позже, в течение долгих послевоенных лет стоял в первом эшелоне руководства КПЯ, еще целое десятилетие оставался почетным председателем партии, а уже в преклонном возрасте, в 1992 г. жестоко и, на мой взгляд, несправедливо исключен из нее.

Хочется надеяться, что представленные в сборнике документы по истории КПЯ и ее отношений с Коминтерном не останутся без внимания российских историков. Заметным шагом вперед можно считать обстоятельную вводную статью ко второму разделу сборника, ставшую следствием тщательного розыска и изучения публикуемых в сборнике и других исторических материалов, в том числе имеющихся в Японии, чему, в особенности, помогли усилия авторитетного японского историка Х. Вада.

© 2003

*А. Сенаторов,
кандидат исторических наук*

Gordon G.Chang. The coming collapse of China. Random House, N.Y. 2001. 346+XXII

Гордон Г.Чан. Грядущий коллапс Китая.

Автор книги — американец китайского происхождения — вот уже двадцать лет живет в Шанхае, где работает юридическим советником известных американских фирм. Его статьи о Китае публикуются в таких изданиях, как "The New York Times", "The Asian Wall Street Journal", "The Far Eastern economic review", "The International Herald", "The South China Morning post". Рецензируемая работа является первой книгой Гордона Чана. Как явствует из ее заглавия, автор предвещает близкий крах КНР¹. В книге красной нитью проходит мысль о том, что за фасадом экономического процветания, впечатляющими экономическими достижениями скрываются многочисленные кризисные явления, которые неизбежно приведут к крушению существующего ныне в КНР социально-экономического строя. Взгляды, развиваемые Г.Чаном, представляют точку зрения определенной части западной, точнее американской политической элиты, враждебно относящейся к КНР. Она уже в течение нескольких лет предвещает его гибель.

В обоснование своей точки зрения Гордон Чан ссылается на многие факторы. Прежде всего упоминается существование огромной армии безработных и полубезработных. По официальным данным, уровень безработицы вплоть до 2000 г. включительно, составлял 3,1% (по другим данным — 3,8%). Однако в реальности, по мнению Чана, он в шесть раз больше. Общее число лиц, не имеющих работы или занятых неполный рабочий день, по его представлениям, составляет 200 млн человек, т.е. 20% всей рабочей силы.

Одной из серьезных проблем, тормозящих развитие китайской экономики и общества в целом, является наличие большого количества убыточных государственных предприятий. Гордон Чан упрекает китайское руководство в том, что оно вместо того, чтобы решать данную проблему, просто стремится "выиграть время": "Государственные банки получили указа-

ние выдавать госпредприятиям кредиты. В результате банки стали "больными, очень больными", поскольку госпредприятия не могут или не хотят возвращать взятые ими деньги" (с. 125). Большой ущерб развитию страны наносит коррупция. Автор ссылается на видного китайского экономиста Ху Ангана, который полагает, что ущерб от нее за последнее десятилетие составил около 150 млрд ам. долларов (с. 185).

Серьезные проблемы существуют и в сельском хозяйстве. За последние годы доходы крестьян почти не растут. Более чем половина крестьян существует на 0,73 цента в день.

Автор упоминает и о серьезном ущербе, нанесенном окружающей среде: 9 из 10 самых загрязненных городов мира находятся в Китае. Из-за вреда, нанесенного окружающей среде, теряется от 4 до 8% ВВП (с. 184). По словам автора, до сих пор 350 млн китайцев живут в бедности, государство не в состоянии обеспечить образование, медицинское обслуживание сотням миллионов своих граждан.

На смену инфляции, наибольший уровень которой отмечен в 1994 г. — 21,7%, пришла дефляция. Она началась в октябре 1997 г. впервые за двадцатипятилетний период и продолжается до сих пор. В 1998 г. падение цен на потребительские товары составило 0,8%, а в 1999 г. — 1,4%. Финансовая политика не сумела одолеть дефляцию (с. 175-176).

Согласно официальным данным дефицит государственного бюджета в 2000 г. составил 31,4 млрд ам. долларов или 2,9% от общего объема ВВП (1,1 триллиона ам. долларов). Одновременно общий государственный долг составил 246,6 млрд ам. долларов или 22,9% ВВП. По международным стандартам это вполне допустимые цифры. Однако автор не верит официальной статистике, заявляя, что она "преуменьшает серьезность ситуации". Согласно его подсчетам, весь государственный долг Китая составляет 1,6 трилл

ам. долларов или 146,7% ВВП, что превышает допустимые размеры более, чем в 2 раза. Гордон Чан прогнозирует в будущем снижение темпов роста ВВП, дальнейшее падение индекса потребительских цен, замедление экспорта, уменьшение иностранных инвестиций и колебания в экономике (с. 185-186).

По мнению автора, вступление Китая в ВТО "потрясет Китай до основания", ибо китайская экономика не выдержит конкуренции с экономическими и финансовыми системами и институтами более развитых стран. По его мнению, наибольший урон будет нанесен китайскому сельскому хозяйству.

Гордон Чан пишет о "безыдейности" китайцев, "пустоте их душ". Именно поэтому, полагает он, миллионы из них вступили в движение "Фалуньгун". Появление этого движения Гордон Чан считает свидетельством не только духовного, но и политического кризиса китайского общества.

Сегодняшнее Коммунистическая партия и центральное правительство, заявляет Гордон Чан, еще в состоянии контролировать страну и сохранять социальный порядок. Однако придет день "когда они будут не в состоянии справиться со всеми теми, кто бросит им вызов, ибо их будет просто очень много" (с. XIX). Другой возможной причиной гибели коммунистического режима может стать война с Тайванем.

Во многих случаях автора книги отличает предвзятый подход к реалиям китайской действительности, его идеологические и политические пристрастия явно берут верх над объективным анализом. Так, он сгущет по поводу медленных темпов процесса банкротства убыточных предприятий. Однако, выступая за немедленное их банкротство, автор игнорирует то обстоятельство, что при этом намного возрастет число безработных, которые, по его же утверждениям представляют серьезную опасность для режима. Обвиняя китайские власти в том, что они препятствуют конкуренции, он вместе с тем несколькими страницами позже заявляет, что "конкуренция через провинциальные границы становится реальностью и в результате страна переживает дефляцию, продолжается снижение цен. Когда цены падают, экономика переживает спад" (с. 167).

Гордон Чан неточно трактует политику КПК в отношении частного предпри-

нимательства. Социалистическая экономика ранена, пишет Чан, причем многие говорят, что смертельно. Ее спасение — в поощрении частного предпринимательства. Однако власти сдерживают его развитие. Сегодня ни один частный предприниматель, утверждает в книге, не может чувствовать себя в Китае в безопасности (с. 163). Однако, если это так, то как объяснить, что частный сектор, по словам самого же автора, дает уже 45% ВВП в сельскохозяйственном секторе?

Иностранные инвестиции, пишет далее Гордон Чан, безусловно, важны для Китая, ибо они приносят деньги, технологии, "ноу-хау" и технику, лучший менеджмент. Однако иностранные инвесторы до сих пор встречаются в Китае значительные препятствия, ограничения для своей деятельности. Тем не менее, ежегодное вливание десятков млрд долларов иностранных инвестиций в экономику Китая и их общий объем впечатляют — последний уже достиг 680 млрд долларов². Автор не может не признать, что реформы Дэн Сяопина привели к невиданному даже в мировой истории экономическому росту и в то же время утверждает, что большинство инвестиций за последнюю четверть столетия были экономически бесполезными (с. 170)³.

Гордон Чан не скрывает своей антипатии к существующему в Китае режиму. Приведя слова автора сингапурского экономического чуда Ли Куан Ю о том, что нынешний Китай — это лучший Китай за очень долгий период времени (с. 236), он затем пытается всячески принизить значение этого признания. Например, в качестве доказательства кризиса китайской экономики Гордон Чан ссылается на снижение ожидаемых темпов экономического роста ВВП в 2001-2005 г. до 7%, что меньше 8% в 2000 г. и значительно меньше 14,2% в 1992 г. Однако он "забывает", что с каждым годом объем ВВП значительно возрастает и что поэтому уменьшение его прироста — естественный процесс.

Автор не раз слишком вольно обращается с цифрами. Он пишет, что уже в 1999 и 2000 г. произошло падение китайского внешнеторгового оборота (с. 183-184). На самом деле, как раз наоборот, — в 2000 г. произошло увеличение объема внешней торговли по сравнению с 1999 г. на 32% и составило более 474 млрд ам.

долларов, а в 2001 г. — уже 509,8 млрд ам. долларов⁴. На 1 июля 2002 г. резервы иностранной валюты в Китае составили 143,6 млрд ам. долларов⁵, уступая в этом отношении только Японии.

Признавая, что руководство компартии осознает серьезность существующих проблем, автор тем не менее полагает, что оно ограничивается полумерами, не желая проводить структурные реформы, которые только и могут спасти Китай. На самом деле это не так. Руководство Китая проводит политику регулируемой рыночной экономики, которая позволяет избежать крупных социальных потрясений. Автор постоянно критикует китайское руководство за градуализм, однако предлагаемый им путь “структурных реформ”, т.е. сплошной и быстрой приватизации, очевидно, увеличил бы существующие трудности. Шоковая терапия — смерть для китайской экономики. Китайское руководство действует в громадной по масштабам населению стране, где любой шаг в осуществлении реформ должен быть взвешенным и продуманным. Естественно, что у китайского руководства далеко не все задуманное пока получается.

Гордон Чан постоянно подчеркивает преемственную связь между нынешним китайским руководством и Мао Цзэдуном как в практике, так и в теории. Однако подобные утверждения мало обоснованы. Между Китаем Мао и Китаем Дэна и его преемников существует громадное различие. Китайские лидеры при решении любых проблем стремятся исходить из национальных интересов. После сравнительно недолгого по историческим меркам увлечения советскими образцами в начале и середине 50-х гг., вновь наступил период “китаизации марксизма”, который продолжается до сих пор. В настоящее время теоретическим обоснованием китайских реформ является идея “социализма с китайской спецификой” или “теория Дэн Сяопина”. Два года назад был выдвинут лозунг о “трех представительствах”, согласно первому из них КПК представляет теперь “требования развития передовых производительных сил”, к которым, естественно, причисляются преимущественно люди интеллектуального труда. Тем самым отношение компартии к интеллигенции изменилось принципиальным образом. Если раньше это была преследуемая

часть общества, то теперь она — полноправный участник модернизации. Изменяется социальный состав партии — в настоящее время допускается возможность приема в партию предпринимателей. Упомянем также признание частной собственности равноправной формой собственности при социализме, важным компонентом социалистической экономики (это положение внесено в Конституцию), в обиход введен термин “социалистическая рыночная экономика”, хотя свободный рынок, в его классическом понимании, как известно, несовместим с социализмом. Важно отметить и стремление соединить марксистские положения с национальными духовными традициями: “Здоровый прагматизм” — вот что определяет идеологию КПК. То, что хорошо для Китая, хорошо и для социализма — такой принцип исповедует китайское руководство.

Автор прав, когда говорит о существовании в Китае авторитарного режима, но немедленный переход к демократической модели западного образца мог бы буквально взорвать Китай, привести к большому социальным катаклизмам. Тот же Тайвань, на опыт которого часто ссылается автор, не смог бы прийти к демократическому обществу, если бы не пережил период авторитарного правления Чан Кайши и Цзян Цзинго и однопартийного режима ГМД, когда была создана необходимая экономическая база для преобразований в политической системе.

В заключение следует подчеркнуть, что все те болевые точки современного Китая, о которых пишет в своей книге Гордон Чан, хорошо известны не только китайскому руководству, но и рядовым китайцам⁶. Это — трудные проблемы, связанные с вступлением китайского общества в новый этап модернизации. Однако никто, кроме компартии, не в состоянии их решить. Существование в Китае руководящей политической силы в качестве гаранта социально-экономических реформ является исторической необходимостью. Гордон Чан не один раз говорит о непопулярности компартии. Однако именно в ее рядах состоят в настоящее время самые способные администраторы. За годы реформ появились сотни тысяч талантливых, опытных партийных и государственных функционеров, хорошо ориентирующихся в реалиях современного китайского

общества, "рыночного социализма". У КПК есть громадный исторический опыт, большое количество кадров, умение извлекать уроки из ошибок, понимание существующих проблем. Это еще раз было

подтверждено на XVI съезде КПК. Поэтому, вопреки пессимистическим прогнозам Гордона Чана, можно уверенно сказать, что у коммунистического Китая есть достаточный запас прочности.

© 2003

*В.Буров,
доктор философских наук, профессор*

1. Ли Дэнхуэй в своем выступлении 8 декабря 2001 г. ссылками на эту книгу пытался убедить население Тайваня в бесперспективности коммунистического режима в Китае. Возможно поэтому в 2002 г. книга Г.Чана была переведена на китайский язык и издана на Тайване.
2. Цифры взяты из доклада китайской делегации на II-м Байкальском форуме (сентябрь 2002, Иркутск).
3. См.: Китай 2002 (на русск. яз.). Пекин: Синьсин, 2002. С. 132.
4. См.: Китай 2002 (на русск. яз.). Пекин: Синьсин, 2002. С. 129.
5. По данным Агентства Синьхуа.
6. Достаточно сказать, что книга Гордона Чана свободно продается в книжных магазинах Гонконга, где она и была куплена автором рецензии.

**Бажанов Е.П. Актуальные проблемы международных отношений. Избранные труды в трех томах. Том 3.
М.: Научная книга, 2002. 480 с.**

Заключительный, третий том избранных трудов известного ученого-востоковеда, проректора Дипломатической Академии МИД РФ (ДА МИД), директора Института актуальных международных проблем ДА МИД, почетного члена ряда международных академий, профессора Е.П.Бажанова, выйдя в свет, сразу получил немало положительных откликов в российской научной среде. Подобная реакция понятна и объяснима. Автор предстает перед читателем не только как академический эксперт по истории и современным проблемам КНДР и Республики Корея (РК), Китая, Японии, Сингапура и других стран, но и как блестящий журналист-международник, с собственным неповторимым стилем удивительным образом сочетающим искрометное остроумие и скрупулезную наблюдательность аналитика.

Автор поразительно универсален. В 1970-х и в начале 1980-х годов Е.П.Бажанов был известен российским и зарубежным ученым прежде всего как китаист и специалист по китайско-американским отношениям. Однако в последние 10 — 15 лет, и в книге это убедительно показано, он освоил и другие области современной международной проблематики. В книге исследуются политические события на Корейском полуострове, ситуация в Японии, в странах Юго-Восточной Азии, Среднего и Ближнего Востока. Автор делает исторические экскурсы в американскую историю и историю Европы. Несмотря на то, что отдельные разделы книги в виде статей или выступлений были ранее представлены или опубликованы автором в России и за рубежом, не утрачивается ощущение актуальности затронутых проблем, их концептуального единства и целостности.

Центральным в книге является "корейский блок" (гл. VI "Корея", с.9-233). В авторской трактовке основные концепции данного раздела выглядят следующим образом:

1) у США (как и у Японии) есть основания с настороженностью подходить к

перспективе объединения Кореи, ибо у Вашингтона нет уверенности в том, что правительство единой Кореи будет и впредь приветствовать пребывание американских войск на полуострове и что Корея не начнет крупномасштабного политико-экономического маневра в сторону Китая и России.

2) Россия не только не опасается объединения Кореи, но, наоборот, видит в сильной Корее потенциальный противовес Китаю и Японии, облегчающий России противостояние возможному давлению на ее дальневосточные рубежи, а также затрудняющий китайское и японское доминирование в АТР. Автор проводит мысль о том, что (по состоянию дел до 2000 г., по крайней мере, — С.Л.) Россия является, возможно, единственной тихоокеанской державой, которая искренне желает корейского объединения.

3) Китай же предпочитает сохранение статус-кво на Корейском полуострове и не хочет реальных перемен, грозящих КНР усилением США на полуострове и уничтожением в ходе объединения северокорейского коммунистического режима — одного из последних идеологических союзников Пекина в регионе (с.222-223).

Автор выдвинул указанные положения накануне Пхеньянского (летнего) саммита 2000 г. лидеров КНДР и РК Ким Чен Ира и Ким Дэ Чжуна. За минувшие два года эти идеи, не устарев, обрели дополнительное политическое обоснование. Как известно, после срыва ответного саммита в Сеуле в условиях нынешнего нарастания стагнации в деле объединения Кореи прогноз Е.П.Бажанова относительно наличия скрытой, отрицательной мотивации по этой проблеме у многих держав (КНР, США, Японии и др.) полностью подтвердился. Можно сказать, что данная мотивация сегодня неофициально стала основой реальной стратегии ведущих государств в корейском вопросе на ближайшую и среднесрочную перспективу.

Что касается оценки автором российской позиции, то здесь, как нам представляется, вопрос неоднозначен. Возмо-

жно, что Россия в 2000 г. была искренне заинтересована в объединении и сохраняет эту заинтересованность в принципе и сегодня. Вместе с тем, появились и новые обстоятельства. Сейчас можно сказать, что при определенных условиях Россия также уже не прочь сохранить статус-кво на полуострове, так как и ей не совсем выгодно соседство сильной единой Кореи. Тем более, что в результате трех встреч в 2000 – 2002 гг. В.В.Путина и Ким Чен Ира произошло некоторое укрепление позиций РФ на севере полуострова. Россия даже стала играть роль своеобразного посредника между КНДР и западными странами. Однако эту роль и степень влияния России на КНДР не следует переоценивать. Реальным посредником и “регулятором” отношений Северной Кореи с Западом остается Китай.

Важное место в книге занимает глава IX “Европа” (с.273-315), в которой автор на основе анализа исторических событий в Западной и Восточной Германии после Второй мировой войны, включая объединение Германии, предлагает читателю взглянуть на эту проблему через призму корейского объединительного процесса.

Во-первых, Е.П.Бажанов показывает принципиальные различия процессов германского и корейского объединения. Он отмечает отсутствие у северокорейского населения (в отличие от настроений в ГДР) даже намек на открытый широкомасштабный вызов властям. “Общественного мнения, – справедливо отмечает эксперт, – в Северной Корее не существует, не говоря уже об оформленной, зримой оппозиции” (с.303).

При рассмотрении особенностей корейской ситуации Е.П.Бажанов выделяет также то обстоятельство, что Юг (РК) вряд ли может в принципе служить для северян привлекательным эталоном социального устройства. Власти КНДР умело манипулируют массовым сознанием при помощи таких аргументов, как дислокация на Юге американских войск и засилье там японских товаров и капиталов. С точки зрения северокорейского гражданина, все это выглядит как колониализм, столь одиозный для корейского самосознания.

Во-вторых, на базе изучения германского опыта автор формулирует два аспекта уроков объединения. Первый – это определение условий, темпов и конкретных механизмов объединения с точки зрения интересов объединяемой нации.

Второй – учет интересов внешних сил, соблюдение баланса их интересов (с.314).

Регион Северо-Восточной Азии в данной работе представлен японским разделом (гл. VII “Япония”, с.233-247), посвященным в основном проблемам и перспективам российско-японского сотрудничества. Важно, что в данном разделе содержится именно позитивная аргументация, базирующаяся на серьезном анализе потенциала российско-японского экономического сотрудничества, а не набивший оскомину разговор о “спорных территориях”, ставший общим местом в российских и японских политологических и популярных публикациях.

Е.П.Бажанов уделяет значительное внимание известной идее формирования экономической зоны в районе Японского моря (т.н. концепция “Кольцо Японского моря”). Особенностью формирования этой зоны является ее негосударственная основа (т.е. формирование ее должно происходить на базе взаимодействия крупного и среднего капитала и органов местного самоуправления России и Японии). К числу наиболее крупных проектов здесь автор справедливо относит:

— развитие дельты реки Туманган при участии Японии, России, Китая, двух корейских государств и Монголии;

— освоение месторождений якутского природного газа, оцениваемого приблизительно в 800 млрд куб. м.;

— разработка природного газа на шельфе о. Сахалин в объеме 350 млрд куб. м.;

— четвертое генеральное соглашение между Россией и Японией по эксплуатации лесных ресурсов Сибири и Дальнего Востока на компенсационной основе, предполагающее экспорт машин и оборудования из Японии в обмен на поставку из России 6 млн куб. м. круглого леса и 400 тыс. куб. м. пиломатериалов.

В идеале Япония могла бы сыграть роль лидера в разработке и практической реализации обозначенной хозяйственной схемы. Для России осуществление проектов “Кольцо Японского моря” поможет подключиться к магистральным процессам международного экономического сотрудничества в АТР, активизировать приток иностранных инвестиций, стимулировать прогресс дальневосточной экономики, противодействовать тенденции обособления дальневосточных областей от центра.

Е.П.Бажанов также мастерски ана-

лизирует технологический аспект российско-японского сотрудничества. Интерес России к японским технологиям очевиден и объясним. Однако автор освещает и менее известные вещи – он тонко характеризует тот реальный, многими еще не осознанный потенциал, которым располагает Россия в плане уникальных технологий как военного, так и гражданского профиля. До недавнего времени Россия отчасти из-за закрытости ее экономической системы не позиционировалась среди крупных экспортеров технологий. В настоящее время ситуация меняется. Россия реально могла бы войти в число ведущих экспортеров технологий на мировом рынке. Особенностью российского технологического потенциала, как отмечает автор, является его масштабность и разнообразие. Подобной вариативности нет даже в США. Американцы предпочитают импортировать многие технологические продукты из Японии и других стран.

Весьма ценные авторские соображения касательно конкретных направлений развития экономического сотрудничества России с Северной Кореей (КНДР) и Южной Кореей (РК) можно найти по всему тексту.

Необходимо также выделить интересные разделы о “двух” Сингапурах – впечатления автора от посещения этой страны в 1970 и 1990 гг. За исторически

короткий срок – 20 лет – возник новый индустриальный Сингапур – лидер стран АСЕАН. Другие темы – китайская община в США, война в Персидском заливе – выполнены автором совместно с Н.Е.Бажановой также талантливо и ярко. Общего благоприятного впечатления от книги не может умалить наличие некоторых текстовых повторов, особенно в англоязычной ее части.

Резюмируя, следует подчеркнуть, что книга является одновременно не только своеобразным, оригинальным учебником по новейшей истории стран Азии, но и острым публицистическим произведением. В этой связи можно отметить, что работа, несомненно, нашла бы отклик у еще более широкого круга читателей (не владеющих столь блестящие, как авторы, английским языком), будь некоторые ее разделы на английском языке снабжены русским переводом. В целом же книга нужна и полезна как для специалистов-международников, так и для всех тех, кто, не являясь профессионалом в соответствующей области знаний, живо интересуется не только вопросами международных отношений, особенно в Восточной и Юго-Восточной Азии, на Ближнем и Среднем Востоке, но и новейшими достижениями политологической мысли.

*С.Лузянин,
доктор исторических наук*

Былое и думы сибиряка О книге А.П.Маркова "Как это было"

В последние годы вышли в свет мемуары видных российских востоковедов, в которых рассказывается о непростых отношениях нашей страны с дальневосточным соседом — Японией. Это работы академика РАН С.Л.Тихвинского "Россия-Япония. Обречены на добрососедство", академика РАЕН И.А.Латышева "Япония, японцы и японоведы", доктора исторических наук А.П.Маркова "Как это было. (Воспоминания сибиряка)".

Отличительной особенностью этих произведений является то, что они написаны людьми, непосредственно участвовавшими в сложном и противоречивом процессе послевоенной нормализации отношений двух стран, специалистами высокого уровня, внесшими весомый вклад в отечественное японоведение. Это позволило авторам выйти за рамки обычной мемуарной литературы, создать произведения, которые следует охарактеризовать как научную мемуаристику.

Автору этих строк уже доводилось писать о первых двух книгах. На сей раз хотелось бы поделиться с читателем некоторыми мыслями и соображениями, навеянными знакомством с работой Андрея Перфильевича Маркова, с которым уже много лет автора связывают отношения творческого сотрудничества и личной дружбы.

Сложность рецензирования этой книги состоит в том, что она весьма многопланова. В ней на примере жизни одного человека отражены основные этапы истории нашего государства, начиная с первых лет молодой Советской республики и кончая сегодняшним днем. Следует согласиться с предпосланной в книге аннотацией, в которой она названа доверительным рассказом, откровенным и правдивым повествованием о важнейших событиях прошлых лет в Сибири и в стране.

Хотя, как и любая книга воспоминаний, она не лишена личностного подхода к описываемым событиям, нельзя не почувствовать стремления автора быть предельно искренним и объективным. Это просматривается и в рассказе о выпавших на долю автора невзгодах, связанных со вздорными обвинениями в "троцкизм-

ме", а затем с "дипломатической" опалой, и в той боли, с которой он пишет о разрухе и запустении в столь милой сердцу сибиряка "малой Родине" — Приленье, и в оценках последствий непродуманных и драматичных для нашего народа "демократических" реформ М.С.Горбачева, и особенно Б.Н.Ельцина, в середине 80-х и в 90-х годах минувшего века.

Не имея возможности в краткой рецензии в полной мере оценить достоинства книги, — полагаю, это сделают читатели, которых ожидает встреча с умным и честным собеседником, патриотом своего Отечества, верящим в его свободное, демократическое и процветающее будущее.

По понятным причинам особое внимание рецензента, как специалиста по проблемам российско-японских отношений, привлекли главы и разделы книги, посвященные работе А.П.Маркова в МИД СССР и в Советском Представительстве в Японии. Ведь остается все меньше людей, которые не понаслышке, а на собственном опыте могут поведать о том, как зарождалась "холодная война", как она повлияла на советско-японские отношения, кто и как препятствовал заключению между двумя странами мирного договора, которого, к сожалению, нет до сих пор.

В связи с этим позволю себе подробнее рассмотреть проблему Сан-Францисского мирного договора, 50-летие со дня заключения которого недавно отмечалось в Японии и США. Обращая внимание на то, что в последнее время некоторыми отечественными учеными и политиками все чаще высказывается мнение о том, что отказ СССР от подписания мирного договора в 1951 г. в Сан-Франциско было ошибкой советского правительства, А.П.Марков справедливо указывает на необходимость учитывать конкретные исторические условия, в которых это решение принималось.

Полемизируя со сторонниками осуждения Сталина за отказ поставить подпись СССР под Сан-Францисским договором, автор пишет:

"Ведь подписывая его, Советский Союз в условиях напряженной "холодной войны" должен был дать свое согласие на

образование у своих дальневосточных границ мощного, враждебного ему военно-политического союза США с Японией, заранее зная, что это приведет к возникновению новых, трудных для решения проблем...

Во-первых, этим договором, а еще больше — подписанным в тот же день США и Японией "Договором безопасности," а позднее — т.н. "Административными соглашениями" санкционировалось размещение на японской территории американских войск и военных баз, возрождение японской армии, ее вооружение с помощью США, наращивание военного потенциала страны... Все это создавало очевидную угрозу для безопасности Советского Союза...

Во-вторых, договором предусматривалось ограничение территории Японии четырьмя главными островами (Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку). О принадлежности Курильских островов и Южного Сахалина Советскому Союзу в договоре не упоминалось...

Подписав мирный договор в Сан-Франциско, СССР должен был согласиться на фактическое аннулирование решений Крымской конференции 1945 г., которыми эти острова передавались СССР...

В-третьих, подписание Советским Союзом мирного договора с Японией в тех условиях вызвало бы резко отрицательную реакцию КНР, представители которой не были приглашены в Сан-Франциско. Между тем, дружба и сотрудничество с этой страной, с которой СССР находился в союзнических отношениях, были для Советского Союза и остаются теперь для России. — А.К.) очень важным фактором его внешнеполитической деятельности в АТР и вообще в мире...

...Когда в мире господствовала "холодная война", отказ СССР от подписания мирного договора с Японией в Сан-Франциско представляется шагом в то время логичным и последовательным. Он был естественным проявлением и продолжением проводившейся им политики, ответом на аналогичную политику со стороны западных держав и Японии" (стр. 187-188).

В связи с выстроенной А.П.Марковым аргументацией, и в ее развитие хотелось бы добавить следующее.

В разработанный США текст мирного договора с Японией было включено положение о том, что "Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин и прилегающих к нему ост-

ровов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 года". Включив этот пункт в текст договора, Трумэн и его министры отнюдь не стремились "безусловно" выполнить данные СССР обязательства, как об этом говорилось в Ялтинском соглашении. Напротив, есть немало свидетельств того, что США сознательно вели дела к тому, чтобы и в случае подписания СССР Сан-Францисского договора противоречия между Японией и Советским Союзом сохранялись.

Идея использовать заинтересованность СССР в возвращении южной части Сахалина и Курильских островов для внесения раздоров между СССР и Японией в будущем существовала в государственном департаменте США еще с конца 1944 г., то есть со времени подготовки к Ялтинской конференции. В подготовленных для Рузвельта материалах особо отмечалось, что "уступка Советскому Союзу южнокурильских островов создаст ситуацию, с которой Японии будет трудно примириться. Это будет восприниматься японцами как утрата исторически принадлежащих ей южных островов и ценных, с точки зрения рыболовства, районов. Если эти острова будут превращены в форпост (России), для Японии возникнет настоящая угроза". В отличие от Рузвельта администрация Трумэна решила воспользоваться этой ситуацией и оставить вопрос о южном Сахалине и Курильских островах как бы в "подвешенном состоянии". Конечно же, не случайно американские составители договора предпочли не перечислять в его тексте поименно все Курильские острова, от которых отказывалась Япония, сознательно оставляя для японского правительства повод предъявить претензии на их часть, что и было сделано при американской поддержке в последующий период.

Проблема отношений нашей страны с Японией — одна из главных в научном творчестве А.П.Маркова. Являясь сторонником скорейшего подписания между двумя странами мирного договора, он призывает к полному отказу сторон от идеологического, политического и военного противостояния, от наследия "холодной войны". Вместе с тем, оставаясь патриотом-государственником в лучшем смысле этого слова, выступает против ничем не оправданных территориальных потерь России, ратует за принятие действенных мер по борьбе с опасными тенденциями к

сепаратизму, в том числе в Сибири и на Дальнем Востоке. В связи с этим в книге с тревогой отмечается: "...В некоторых районах огромного края, особенно в национальных республиках и областях (Якутия и др.) усилились сепаратистские тенденции. Заметно активизировались сибирские "райончики" и "областники", выступавшие за суверенизацию ее (Сибири) обширных краев и областей (например, в Красноярском крае, в Иркутской области и др.). Непростое положение сложилось в те годы (годы правления Б.Ельцина. — А.К.) на о. Сахалин, на Курильских островах, где Япония усилила свое влияние. Сепаратистские настроения в Сибири умело подогревались прессой и "радиоголосами" стран Запада и Японии".

Со страниц книги звучит страстный призыв сибиряка защитить его родной край: "Новая, рассчитанная на длительный период, энергичная политика в отношении Сибири абсолютно необходима, и чем скорее она будет выработана, тем лучше. Если медлить с принятием мер, речь может пойти не просто о разумном освоении Сибири, о чем много пишет теперь пресса, а о путях сохранения ее или отдельных ее частей в составе российского государства" (стр. 308).

Завершая заметки о книге "Как это было", хочется искренне пожелать А.П.Маркову творческого долголетия, новых книг и статей патриотической направленности.

© 2003

*А. Кошкин,
доктор исторических наук*

Юбилей ученого

60-летие Виктора Николаевича Усова

Весь жизненный путь В.Н.Усова неожиданным образом оказался связанным с Китаем. Это произошло когда после скоропостижной смерти его матери в 1956 г. он был определен в школу-интернат № 14 г. Москвы (сейчас лицей № 1535), где впервые по инициативе Н.С.Хрущева стали изучать китайский язык. После окончания школы он полгода проработал на Московском тормозном заводе и в 1961 г. поступил в Институт Восточных языков (ныне Институт стран Азии и Африки) при МГУ на историческое отделение. В.Н.Усов слушал лекции таких известных историков-востоковедов и китаистов как А.А.Губер, Л.В.Симоновская, Г.Б.Эренбург, Э.П. Стужина, которые привили ему любовь к истории Востока и Китая. В 1965 г. В.Н.Усов стал готовиться к поездке на практику от ИВЯ в Китай, нужно было определить тему курсовой работы для китайской стороны — на кафедре долго ломали голову, учитывая довольно сложную ситуацию в Китае, и решили, что следует тему назвать "Культурная революция в Китае". С этой темой В.Н.Усов и выехал в феврале 1966 г. за рубеж. Когда он приехал в Китай, то буквально через три месяца оказался в кипящем котле "культурной революции", но не той, которая была намечена в плане его командировки.

После окончания ИВЯ при МГУ в 1967 г. В.Н.Усов пришел в Институт Дальнего Востока АН СССР, где прошагал по всем ступеням, по которым обычно продвигается исследователь, - от стажера-исследователя, заочного аспиранта до ведущего научного исследователя. Он стажировался в Пекинском институте иностранных языков, Сингапурском государственном университете, на факультете истории партии Народного университета в Пекине. Его канди-

датская (1974 г.) и докторская (1998 г.) диссертации были посвящены сложному “зигзагообразному” пути развития КНР в 60-е годы.

Перу В.Н.Усова принадлежит около двухсот научных статей и более пяти книг, посвященных различным периодам истории Китая, большая часть которых посвящена истории КНР. Он активно участвовал в написании коллективных монографий по истории КНР и КПК, занимался исследованием проблем китайской молодежи. Его статьи издавались в научных и массовых научно-популярных периодических изданиях Франции, Сингапура, Гонконга, Болгарии, Польши, Чехословакии, Китая и Тайваня.

Перу В.Н.Усова принадлежат переводы на русский язык китайской историко-мемуарной литературы, в том числе воспоминаний маршала Пэн Дэхуая (1989 г.).

Наиболее значительные работы написаны В.Н.Усовым в последние годы: “КНР: от “большого скачка” к “культурной революции” (1960-1966 гг.)” (1998 г.); “Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века” (2002 г.); “Книга дворцовых интриг. Евнухи у кормила власти в Китае” (в соавторстве с Д.Н.Воскресенским, 2002 г.).

Сегодня В.Н.Усов — признанный специалист по проблемам новейшей истории Китая. Его имя хорошо известно в КНР. Он неоднократно выступал на международных конференциях в России, КНР, Польше, Венгрии.

В.Н.Усов активно занимается преподавательской деятельностью. На протяжении нескольких лет читает курсы лекций по истории Китая в Российском Государственном гуманитарном университете, а также в Международном Славянском университете.

В.Н.Усов является членом Правления Общества российско-китайской дружбы, за активную работу награжден памятной юбилейной медалью Общества, является членом Ученого совета ИДВ РАН, Научного совета РАН “История мировой культуры”.

Дирекция Института Дальнего Востока, друзья и коллеги, редколлегия и редакция журнала горячо поздравляют юбиляра и желают ему многих лет творческого поиска и находок.

*Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.*

Сдано в набор 15.12.2002 г. Подписано к печати 17.01.2003 г. Формат бумаги 70x100 $\frac{1}{16}$
Офсетная печать. Усл.печ.л. 15,6. Усл. кр.-отт. 14,7 тыс. Уч.-изд.л. 14,6 Бум. л. 6,0
Тираж 931 экз. Зак. 6919

Свидетельство о регистрации № 0110158 от 4 февраля 1993 года
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32, тел. 124-09-02

Оригинал-макет © 2003 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Научный Совет РАН по проблемам комплексного изучения современного Китая совместно с ИДВ РАН и Ассоциацией китаеведов РАН 23-25 сентября 2003 г. проводят XIV Международную научную конференцию "Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы". Особое внимание организаторы конференции предполагают уделить теме:

"КИТАЙ: ШАНСЫ И ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ".

На конференции будут работать секции:

- "Концепция "тройного представительства" – новая парадигма политики КПК и социальных отношений в Китае. История и историография Китая, традиции и современность" (руководители секции д.ю.н. Л.М. Гудошников и д.и.н. А.М. Григорьев).
- "Углубление экономических реформ в Китае и их социально-политические последствия" (руководители секции д.э.н. В.В. Михеев и д.э.н. Э.П. Пивоварова).
- "Глобализация и проблемы отношений Китая с Россией, США, Японией, Индией и другими странами" (руководители секции д.и.н. Б.Т. Кулик, д.и.н. А.Г. Яковлев).
- "Проблемы и перспективы межцивилизационных связей Китая с другими странами в условиях глобализации" (руководители секции д.филос.н. А.Е. Лукьянов, д.и.н. Л.С. Переломов, к.филос.н. В.Ф. Феоктистов, д.филол.н. В.Ф. Сорокин).

В период работы конференции планируется провести "круглый стол" по теме конференции.

На конференцию приглашены ведущие китаеведы России, стран СНГ, ученые из КНР, Кореи, Японии, США и европейских стран. Приглашаем также и Вас принять участие в конференции. Просим сообщить о Вашем согласии и тему доклада в Оргкомитет до 1 мая 2003 года.

Тезисы докладов (объем до 8000 символов с пробелами в формате RTF, указать в правом верхнем углу Ф.И.О., место работы и ученую степень автора, сноски должны следовать после текста, просьба не отягощать тезисы большим количеством сносок) следует направлять по адресу: 117997, Москва, Нахимовский пр., 32, ИДВ РАН, а также по электронной почте roschagina@ifes-ras.ru с пометкой "Оргкомитет". Тезисы будут опубликованы только в том случае, если они полностью соответствуют вышеуказанным требованиям оформления и присланы в Оргкомитет не позднее 1 мая 2003 г.

Председателем Оргкомитета конференции является зам. директора ИДВ РАН, Асланов Рустам Мамедович (тел. 124-01-29), Ученым секретарем Научного совета и Оргкомитета - Почагина Ольга Валерьевна (тел. 124-03-02). Конференция состоится в помещении ИДВ РАН.